

**БРЯНСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА**

**БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ**

Сборник статей

Выпуск 7

Под общей редакцией доктора философских наук
Н.В. Попковой

**Брянск
Издательство БГТУ
2009**

ББК 87.6

П 78

Проблемы современного антропосоциального познания:
сб. ст. / под общей ред. Н.В. Попковой. – Брянск: БГТУ, 2009. –
Вып. 7. – 214 с.

ISBN

Рассматриваются актуальные темы и проблемы современной социальной философии, философской антропологии и философии истории. Авторы – ученые и аспиранты вузов г. Брянка и Брянской области.

Предназначен для преподавателей философских и социально-гуманитарных дисциплин, аспирантов и студентов.

Редколлегия:

- В.Г. Горбачёв* – кандидат философских наук, доцент;
Э.С. Демиденко – доктор философских наук, профессор;
Е.А. Дергачёва – кандидат философских наук, доцент,
ответственный секретарь;
Н.В. Попкова – доктор философских наук, профессор,
ответственный редактор;
А.Ф. Шустов – доктор философских наук, профессор.

Рекомендован к печати кафедрой философии, истории и политологии
Брянской государственной сельскохозяйственной академии.

ISBN

© Брянский государственный
технический университет, 2009.

© Коллектив авторов, 2009.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ И ТЕХНОГЕННЫЙ МИР	5
<i>Э.С. ДЕМИДЕНКО</i>	
Техногенное социоприродное развитие: словарь терминов	5
<i>А.Е. БОБРОВСКИЙ</i>	
Загрязнение окружающей среды как одна из важнейших проблем техногенного мира	46
<i>Е.А. ДЕРГАЧЕВА</i>	
Процесс индустриализации в контексте техногенеза	55
<i>Н.Н. ЛАПЧЕНКО</i>	
Техногенный характер современной эволюции и направленность информационного развития общества	63
<i>Н.В. ПОПКОВА</i>	
Цель методологического анализа техносферы	72
<i>А.А. СВИДЕРСКИЙ</i>	
Человек – природа: основания ценностного отчуждения	81
<i>С.Н. ЧУВИН</i>	
К вопросу о разграничении эволюционных изменений и трансформаций человека	91
<i>А.Ф. ШУСТОВ, Г.А. ШУСТОВА</i>	
Природа технического творчества и его социокультурная обусловленность	96
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, СОЦИУМА	103
<i>В.Г. ГОРБАЧЕВ</i>	
Тема человека в политических идеологиях российского общества	103
<i>Е.А. ДЕРГАЧЕВА</i>	
Урбан-техногенный образ жизни людей в техногенном Обществе	116
<i>В.М. ЛОБЕЕВА</i>	
Философские проблемы политического реформаторства: концепция Б.Н.Чичерина	124
<i>В.М. МИХАЛЕВ-ВОЛОЖКОВ</i>	
О религии как форме веры	134
<i>Д.М. КОШЛАКОВ</i>	
Техника и технология социально-гуманитарной жизни	143

<i>А.Ю. МОИСЕЕВА</i>	
Общенаучная картина мира как основание единства научной Рациональности	151
<i>М.В. ШВАРОВА</i>	
Культура и наследие в книге Н.С.Арсеньева «Das Heilige Moskau» («Святая Москва»)	157
АНТРОПОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПЕДАГОГИКЕ	164
<i>Б.А. ИСАЧЕНКО, Л.С. ГЕССЕ</i>	
К проблеме компетентности личности	164
<i>З.А. КОЧЕРГИНА</i>	
Моделирование процесса воспитания толерантности студентов вуза	167
<i>В.В. МИРОШНИКОВ, О.А. ГОЛЕНКОВА</i>	
Реализация концепции устойчивого развития путем создания систем менеджмента качества нового поколения	177
<i>М.В. МЕЛЬНИКОВА</i>	
Философский аспект ценностной роли интегративного метода организации учебного процесса в вузе	184
<i>Н.Н. СИМКИНА</i>	
Структурно-функциональный подход к исследованию культуры	189
НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ	199
<i>О.Ю. БЫШОВА</i>	
Мировой экономический кризис и пути выхода из него России.....	199
<i>В.В. КРАВЧЕНКО</i>	
Социальное государство и культура благотворительности	203
<i>К.Е. НЕПОМНЯЩИЙ</i>	
К вопросу комплексной оценки достижений студентов в процессе изучения компьютерных технологий	207
<i>Сведения об авторах</i>	<i>210</i>
<i>Требования к рукописям в сборник «Проблемы современного антропосоциального познания».....</i>	<i>211</i>
<i>Список членов Брянского отделения РФО.....</i>	<i>213</i>

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ И ТЕХНОГЕННЫЙ МИР
Э.С. ДЕМИДЕНКО
ТЕХНОГЕННОЕ СОЦИОПРИРОДНОЕ РАЗВИТИЕ:
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

На основе научных и философских исследований учёных Брянского отделения Российского Философского общества и кафедры «Философия, история и социология» Брянского государственного технического университета (БГТУ) сложилось новое научно-философское направление социоприродных исследований и, прежде всего, формирования глобального техногенного (индустриального и постиндустриального) общества, его противоречивого воздействия на биосферу и земной мир. Особое внимание в исследованиях уделяется глобальному переходу жизни от естественных, биосферных форм к искусственным, постбиосферным (или техно-ноосферным), глобальной трансформации человека, формированию техносферы и замещению ею биосферных пространств, преодолению негативных последствий формирующегося земного техногенного мира. Данное направление официально признано в качестве научной школы комиссией Минобразования и науки в мае 2007 г. при аттестации университета. Руководителем данной школы является социолог-урбанист, доктор философских наук, профессор Э.С.Демиденко, возглавлявший Брянское отделение РФО (2002-2007 гг.) и аспирантуру по социальной философии. Существенный вклад в её развитие внесли доктора философских наук А.Ф.Степанищев (зав.кафедрой), Н.В.Попкова, А.Ф.Шустов, Д.Г.Горин, кандидаты философских наук В.Г.Горбачев и Е.А.Дергачева.

Только за период с 2002 по 2005 годы учёными, аспирантами и соискателями по тематике данной школы опубликовано 12 монографий, учебных пособий и книг, 5 сборников статей «Проблемы современного антропосоциального познания» (2003-2007 гг.), свыше 35 статей в рецензируемых центральных и приравненных к ним (рекомендованных ВАК) научных журналах, свыше 120 статей в других рецензируемых изданиях. 12 человек работает по этой тематике над кандидатскими диссертациями, 2 человека – над докторскими.

В ходе научных исследований учёными данной школы разработан, наряду с концепциями, свой научно-философский аппарат, введены в философский и научный оборот новые термины и понятия, переосмыслены многие из уже имеющихся и употребляемых в философии и науке. Изучение трудов данной школы, осмысление общественных и социоприродных процессов широким кругом учёных и читателей требует от авторов представления в печати выработанных ими категорий и других понятий, своего словаря. Автор предлагает свой вариант словарных статей, относящихся к исследуемым им понятиям, еще не отраженным в должной мере в научной литературе.

Великий переход – понятие, введенное американским футурологом Г. Каном. Этот переход человечества охватывает период XIX-XXII веков, в результате чего традиционное, землевладельческое общество в ходе индустриализации и научно-технической революции вначале становится индустриальным, а затем преобразуется в постиндустриальное. За эти четыре века произойдут грандиозные социально-экономические, культурные, политические и иные преобразования, и общество способно будет предоставить людям высокий уровень и качество жизни. Как показывают исследования, для достижения сегодняшнего уровня и качества жизни в мире, хотя он и далек от идеала, пришлось израсходовать треть активных частей биосферы. Поэтому достижение высокого уровня и качества жизни всё увеличивающегося количества земель является проблематичным.

См. более подробно: *Глобальный переход жизни*.

Лит.: Кан, Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный / Г. Кан // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986; Демиденко, Э.С. Великий социально-культурный переход человечества / Э.С. Демиденко // Историческая поступь культуры: земледельческая, урбанистическая, ноосферная. – Брянск, 1994; Демиденко, Э.С. Великий переход и социокультурное будущее человечества: идеал и реальность / Э.С. Демиденко // Возвращение Питирима Сорокина. – М., 2000.

Глобальная трансформация человека – коренные качественные изменения, которые происходят в человеке на глобальном уровне. В настоящее время мы можем проследить пока изменения в границах *биосферного* и *техносферного* человека, дать некоторый прогноз по

формированию *постчеловеческого* (биотехносоциального и техносоциального) существа. Человек, порожденный всем ходом развития биосферы, до определенного времени развивался преимущественно как биосферное существо, в котором природные задатки превалировали над социальными способностями. Несмотря на все трудности выживания в биосферно-природной среде, в которой происходил его естественный отбор, человек соответствовал ей. Такого человека правомерно называть *биосферным человеком*, поскольку не только его происхождение, но и жизнедеятельность всецело определялись состоянием и эволюцией биосферы. Рубежом перехода к постбиосферному человеку является техногенное изменение мира. Например, еще в конце XIX века, когда Россия была земледельческой страной и почти девять десятых ее населения проживало на селе, биосферная зависимость жизни и деятельности была ярко выраженной: 43% детей умирало в возрасте до 5 лет, из семерых детей, которых рожала в среднем российская женщина, четверо уходили из жизни до 15-17 лет. С переходом к индустриальному обществу и созданием техногенных условий жизни в возрасте до 5 лет умирает не более 2% детей.

Биосферный человек, или *homo sapiens*, прошел свою длительную историю, зародившись 5-7 млн. лет назад в виде зверочеловека из человекоподобных существ – развившихся приматов. По новейшим данным, около 300 тысяч лет назад образовались и развились неандертальцы, которые господствовали в Европе, около 200 тысяч лет назад появились кроманьонцы, выходцы из Африки, которые со временем уничтожили неандертальцев и, видимо, ассимилировались с ними. Крупнейший глобальный перелом в жизни кроманьонцев произошел 40-60 тысяч лет назад, когда на основе трудовой коллективной деятельности и общежития образовались основы мифологической культуры и сознания, нормы нравственности, достаточно развитые языки для общения, первичное самосознание, более-менее прочное общественное сознание. Некоторые ученые современного кроманьонца, т.е. нынешнего человека, называют уже *homo sapiens sapiens*, по сути – человеком историческим, проявившимся культурным наследием в совокупной истории человечества. Значительным этапом в развитии биосферного человека стала эпоха неолита и последовавший за ним десятитысячелетний период развития земледелия и земледельческого

человека. Еще в 1800 г. 95% населения проживало в сельской местности и около 90 % занималось земледелием. За 10 тысяч лет сформировались земледельческие цивилизации, так называемые традиционные общества. Типичным человеком на земном шаре стал земледелец, крестьянин, пришедший на смену родоплеменному человеку. Заметные изменения природного и особенно социального порядка в человеке стали происходить, начиная уже с эпохи неолита и аграрного освоения планеты. Именно в этот период начали развиваться многие стороны социальной жизни и соответственно социальные качества людей, но снижаться давление естественного отбора. «Сам человек в его социальной истории, – отмечает, например, В.П.Казначеев, – в растущей степени управляемый целевыми факторами, опосредованными элементами культуры, социальными потребностями, выскользнул из сфер естественного отбора и вошел в зону культурного биосоциального эволюционного процесса. Советский биолог Н.К.Кольцов еще в 20-е годы нашего столетия показал, что приблизительно за последние 8-10 тыс. лет давление естественного отбора снизилось в тысячу раз. В отношении наших дней давление естественного отбора на человека, вероятно, снизилось еще на два порядка». И далее он говорит о том, что «вопрос об автотрофности человечества, поставленный Вернадским, в современных научных исследованиях используется явно недостаточно» [8, с.222-223].

Глобальные трансформации биосферного человека касаются и таких вопросов как образование рас, четырех групп крови, изменения в области разделения труда, образование и развитие семьи, образа жизни, общественного сознания и самосознания, социальных качеств людей и т.п. Именно на границе перехода от земледельческого общества к индустриальному отмечается и высокий уровень гармонии природных и социальных человеческих качеств. Как пишет, например, Н.А. Бердяев в работе «Человек и машина», техническая цивилизация уже отрывает человека от его праматери – земли, делает его надприродным существом и наносит удар гуманизму, гуманистическому мирозерцанию, приводит к дегуманизации человека.

Нынешняя глобальная трансформация биосферного человека связана с техногенным развитием мира в результате промышленного переворота, индустриализации, урбанизации и научно-технической

революции, что, по сути, определяет современный *глобальный переход жизни*, а заодно и человека. Эта трансформация особенно ярко проявилась в XX в., нарастающими темпами она пройдет и в нынешнем – XXI столетии. Усиливающееся разрушение биосферы со становлением *техногенного общества* и динамичное формирование *техно-ноосферы*, особенно во второй половине XX в., характеризуется не только снижением давления естественного отбора, физических нагрузок на человека, но и серьезными трансформационными и деградиационными процессами в человеке. Как известно, к концу XX в. в городах уже проживала половина населения планеты, примерно 3 млрд. человек, которые испытывают на себе мощнейшие факторы социально-техносферного развития. И хотя средняя продолжительность жизни человека в *техногенном обществе* достигла 70-80 лет, или выросла в два раза по сравнению со средней продолжительностью жизни в развитом земледельческом обществе, тем не менее, деградиация природных качеств населения резко возросла, а рост продолжительности жизни объясняется созданием социально-оздоровительной и медицинской инфраструктуры, улучшением питания и высоким уровнем образования. *Биосферный человек* в условиях бурного техногенного развития постепенно превращается в *человека техносферного*, способного полноценно поддерживать свою жизнедеятельность в техносферных условиях, характеризующихся повышенным жизненным комфортом. Если за два столетия городское население возросло с 0,045 до 3 млрд. человек, то к концу XXI в. мы можем ожидать до 9 млрд. горожан из 11 млрд. землян. Деградиационные процессы человечества проявляются в техногенном обществе как «цивилизационно-городские» – сердечно-сосудистые, онкологические, аллергические, психические, генетические, СПИД, СПИН и т.п. Все они, как указывают многие исследователи в области медицины и биологии, органически связаны с разрушениями иммунной, эндокринной, половой и других функциональных систем человека и вызываются, прежде всего, изменившимися условиями жизни и деятельности, среди которых неблагоприятные экология, образ жизни и техносфера играют ведущую роль. Чрезвычайно наглядно проявляются патологические явления в организме и жизни человека в крупногородской (ярко выраженной техносферной) среде, особенно насыщенной искусственными химическими веществами.

Так, например, в Лос-Анджелесе за четыре десятилетия (тридцатые – семидесятые годы XX в.) загрязненность воздуха увеличилась примерно в 40 раз, и почти в такой же пропорции возросли многие легочные болезни, включая рак легких. Онкологические заболевания среди мужского населения США увеличились в XX в. с 4-5 до 36-37%, а аллергические заболевания – в десятки раз и достигли уровня 14-15%. Именно из-за перехода человечества в техногенную среду жизнедеятельности теряются былые природные, особенно половые (детородные), функции и свойства человека. Так, в наиболее развитых странах мира (т.е. техносферных, городских) 60-80% матерей не могут выкормить родившихся детей своим грудным молоком и пользуются искусственными смесями. Это чаще всего происходит из-за того, что городские девочки оторваны от мира природы и не получают необходимых питательных веществ, что ведет к слабому развитию молочных желез. Если в XIX в. только 4-5 % женщин нуждались при родах в медицинской помощи, то сейчас – большинство. В индустриально развитых странах немало родильных домов, где большинство женщин рожают с применением кесарева сечения. В Канаде примерно трети женщинам до 60 лет удаляют матку даже при незначительных ее заболеваниях, чтобы избежать онкологических и других опасных заболеваний. Серьезные проблемы возникли и у мужчин, особенно крупнейших городов – нарастание импотенции (в США до 40%), резкое снижение качества и выработки спермы. По некоторым исследованиям, в XX столетии выработка спермы у мужчин снизилась на 50-60%, а за последние 50 лет – почти на 40%. В несколько раз стало меньше активных сперматозоидов. Подобные процессы наблюдаются у домашних и даже у диких животных, подвергающихся воздействию химических веществ. Все это говорит не только о проблеме воспроизводства населения, но и об угасании жизни на нашей планете, об «экотехнологическом апокалипсисе» в первую очередь *биосферного человека*. Поскольку идет значительное снижение иммунной защиты человека, то строятся для сохранения детей специальные клиники; дети в них живут в стерильно чистых условиях, а на природу выходят в скафандрах. Эта тенденция может привести к необходимости создания особых техносферных условий для значительного числа людей техногенного мира

Техносферный человек остается пока человеком, хотя уже и с изменёнными природными, и с особыми социальными и техногенными качествами. Незамеченным пока остается процесс интеграции биологического и технического в человеке под воздействием индустриализации, урбанизации, информатизации и других современных общественных процессов. Современный техносферный человек уже характеризуется значительным наличием техно в его организме. Но эти процессы и неблагоприятные тенденции нарастают: существенные потери природного здоровья, разрушения человеческих органов приводят к тому, что медицина все больше вторгается в биологическую ткань человека, оздоравливая и изменяя её. Можно предположить, что уже в XXI-XXII веках «человек разумный» не сможет поддержать свою жизнь и деятельность без сложной техники. И если ранее человеческая жизнь поддерживалась и регулировалась биосферными процессами, то она все более и более определяется сейчас социальной инфраструктурой, медицинской, оздоровительной и иной техникой. Более того, нарастает замена естественных органов искусственными. Если в 90-е годы XX в. такая замена возросла в 3 раза, то в первое десятилетие XXI в. ожидается рост в 5-6 раз. Сейчас в мире насчитывается примерно 1 млн. человеко-киборгов, у которых искусственные органы управляются человеческим мозгом, или автоматическими устройствами. Искусственные органы, электронно-вычислительные машины, целевые и бытовые компьютеры, заменяющие умственные операции человека, жизнедеятельность в усложняющейся техносфере и многое другое говорят о том, что в биологической ткани кроманьонца развивается новое существо – *биотехносоциальное*, по сути, *постчеловеческое*, от которого до киборга уже остается один шаг.

А.Болонкин и Х.Моравек – философы компьютерной техники – уверены в том, что самое большее через 150-200 лет будет создано более совершенное, чем человек, существо из искусственных материалов, которое воспримет человеческую культуру и уйдет осваивать космос. А.Болонкин, доктор технических наук из России, работает над таким постчеловеческим существом. Если *техносферный человек* еще является трансформированным типом кроманьонца, то *биотехносоциальное существо* – за его пределами. Бесконтрольное развитие технического мира подводит нас к «концу

света» не только биосферы, но и биосферного человека. Одна из насущных задач – сохранить биосферу и человека, ею рожденного.

Лит.: Человек техногенной цивилизации на рубеже двух тысячелетий. – Калининград, 2000; Гончаров, В.П. Геном и клонирование человека (Философский аспект) / В.П. Гончаров. – М., 2002; Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003; Демиденко, Э.С. Экотехнологический Апокалипсис, или «конец света» природного человека / Э.С. Демиденко. – Брянск, 1993; Демиденко, Э.С., Техногенное общество и земной мир / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. – М.-Брянск, 2007; Кутырев, В.А. Разум против человека / В.А. Кутырев. – М.-Н.Новгород, 1999; Моравек, Х. Будущее без нас / Х. Моравек // Америка. – 1993. – №437 (апрель); Назаретян, А.П. Интеллект во Вселенной / А.П. Назаретян. – М., 1991; Назаретян, А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории / А.П. Назаретян. – М., 2001; Фукуяма, Ф. Будущее без нас / Ф. Фукуяма. – М., 2004.

Глобальный переход жизни – понятие, которое характеризует коренные современные изменения, происходящие в жизни на планете Земля под воздействием техногенного (индустриального и постиндустриального) общественного развития. Оно объединяет ряд исследований с разработкой новых понятий, введенных в научный оборот разными учеными в XX – начале XXI веков. Среди таких понятий – переход от биосферы к ноосфере (Э.Леруа, В.И.Вернадский), сотворение машиной «нового космоса» (Н.А.Бердяев), демографический переход (А.Г.Вишневский), урбанизационный переход (А.В.Баранов), переход к постиндустриальному обществу (Д.Белл), Великий переход (Г.Кан), переход от естественного к искусственному (Т.де Шарден, В.А.Кутырев), переход от биосферной к техносферной детерминации общественной жизни (Н.В.Попкова), техно-ноосферный переход жизни (Э.С.Демиденко), переход от кайнозоя к эре ноозоя (Э.С.Демиденко) и др. Анализ данных понятий и стоящих за ними глобальных процессов дает возможность сформировать обобщающее понятие *глобальный переход жизни*, который коррелирует со всей системой изменений и трансформаций на планете Земля в XIX – XXI веках.

Как известно, Э.Леруа, П.Тейяр де Шарден и В.И.Вернадский впервые заявили о существенном качественном переломе в эволюции природы, всей жизни на нашей планете, переломе, который связан с генезисом и развитием человеческого разума. С появлением

разумных существ начинается новая эра эволюции универсума: зарождается не только история человека, но и социоприродная история, взаимообусловленная историческая поступь развития природы и общества. При этом ноогенез находится в органической связи с теоретической и практической деятельностью людей, с бурным развитием социума, с его всесторонним воздействием на планету в целом.

Впервые о *переходе биосферы в ноосферу* заявил Э.Леруа, французский математик и антрополог, после того как ознакомился с идеями В.И.Вернадского о биосфере и превращении человечества в «геологическую силу», изменяющую планету. Э.Леруа выделил за всю историю планеты Земля два крупных события: 1) образование живой материи из неживой, т.е. эволюционное развитие жизни и 2) гоминизацию (т.е. социализацию) жизни под совокупным воздействием человечества на биосферу. Он не дал содержательного объяснения такому переходу, но гоминизация ставилась им в один ряд с образованием жизни, что говорит о грандиозности такого перехода. П.Тейяр де Шарден не только воспринял предложенное понятие «ноосфера», но и обратил внимание на то, что на *смену естественному миру приходит мир искусственный*. В.И.Вернадский, который долгое время не мог найти подходящий термин для объяснения процессов социализации планеты и жизни на ней, принимает термин «ноосфера» для обозначения наступающей действительности и тезис Э.Леруа о переходе биосферы в ноосферу. При этом, рассуждая о дальнейшем развитии жизни, ноосферу он рассматривает как высший этап эволюции и состояния биосферы. То есть, биосфера положительно трансформируется под воздействием человеческого труда и разума и сохраняет свою жизнестойкость. Тезис П.Тейяра де Шардена о *замене естественного искусственным* он не принимает. В.И.Вернадский рассматривает генезис ноосферы как «не случайное явление на нашей планете, создание «свободного разума», «человеческого гения», а природное явление, резко материально проявляющееся в своих следствиях в окружающей человека среде» [2, с.282-283]. Это положение, выдвинутое им в 30-е годы, совершенно определенно указывает, что становление и развитие ноосферы имеют закономерный характер и связаны с трудовой деятельностью людей, результаты которой проявляются во всей земной природе. В.И.Вернадский осознает и тот факт, что

генезис ноосферы, величайшего изменения жизни начался на планете Земля, но в процессе становления ноосферы «вся человеческая работа была проведена человеческим сознанием, но не преднамеренно – процесс созидания не был осознан» [1, с.51]. Он же связывал становление ноосферы с развитием науки, научного понимания этого процесса и сознательным формированием ее ассоциированным человечеством, хотя и отрицательно относился к советской действительности.

Советская (и российская) школа ноосферы восприняла во многом противоречивые идеи В.И.Вернадского, у которого, с одной стороны, становление ноосферы является закономерностью развития жизни, а с другой – сознательным её формированием согласно гуманистическим идеалам. Этих взглядов придерживались и придерживаются подавляющее большинство идеологов ноосферы, среди которых особенно выделяются своими научными разработками Н.Н.Моисеев и А.Д.Урсул. В определенной мере это научное направление стыкуется с идеологией коммунизма, когда будущее выстраивается не на основе изучения тенденций и закономерностей изменений действительности, а исходя из провозглашаемых идеалов. Не случайно западная социология игнорирует теоретические разработки идеологов ноосферы.

Переходные процессы в областях общественного развития замечают ряд ученых-обществоведов. Так, например А.Г.Вишневский демографическую революцию рассматривает и как определенный *демографический переход* от высокого уровня рождаемости и смертности, что было характерно для традиционного, земледельческого общества, к низкому уровню рождаемости и смертности, который присущ уже индустриальному обществу. А.В.Баранов рассматривает и *урбанистический переход*, который начинается при 15-20% городского населения в стране и заканчивается, когда доля горожан в стране (регионе) достигает 75-80%, после чего наступает стабилизация в соотношении населения между городом и селом. Такая картина некоторой стабилизации наблюдается в наиболее развитых странах мира.

Революции и переходы становятся типичными явлениями в области общественного развития в XVIII-XX веках, что само по себе напрашивалось на определенные обобщения. И такое обобщение было сделано американским ученым-футурологом Г.Каном. Исходя

из новой, постмарксистской метатеории общественного развития – постиндустриализма – он делает вывод о *Великом переходе общества* в XIX-XXII веках на планете Земля от земледельческого через индустриальное к постиндустриальному, в результате чего будет создан новый постиндустриальный мир, удовлетворяющий в высокой степени многообразные человеческие потребности и отличающийся своими высокими гуманистическими качествами. И действительно, если мы рассматриваем только само общественное развитие, отвлекаясь от эволюции земной жизни, то Г.Кан достаточно верно уловил тенденции общественного перехода. Индустриализирующийся общественный организм взамен естественных биологических производительных сил (человека и одомашненных животных) получил научно-технические производительные силы (научные знания и технику), при помощи которых этот организм не только преобразует себя и человека, но и всю земную природу. Благодаря новым производительным силам более чем в сто раз возросла производительность труда в сельском хозяйстве, в сотни раз в промышленном производстве, невиданными темпами растут человеческие богатства: только в XX веке количество богатых и социально обеспеченных людей на планете возросло с 1% до 43-45% от всего населения, а в абсолютных цифрах примерно в 170 раз. Но в то же время богатства человечества растут за счет использования, сжигания и уничтожения природных ресурсов.

За два столетия индустриального развития само население выросло в 6 раз, его совокупные потребности и их удовлетворение во многие десятки или даже сотни раз. В результате, по расчетам автора, за это время человечество уничтожило на планете примерно треть живого биологического вещества, треть гумусного слоя, треть запасов органики (нефти, угля, торфа, газа и т.п.) в недрах планеты. Особенно острой проблемой для жизни биоты и биосферы в целом являются потери гумусного слоя и разрушения почв. Например, украинские земли всего за сто последних лет потеряли примерно две трети гумуса: если в конце XIX в. его было в обрабатываемых почвах 28-30%, то сейчас 8-9%. За полвека эксплуатации целинных земель в России и Казахстане процент гумусного слоя уменьшился в два раза – с 8-9% до 4-5% и меньше. В целом в мире за 10 тыс. лет земледелия разрушено примерно 2 млрд. га плодородных земель, в том числе за последние двести лет индустриального развития – более 0,5 млрд. га.

Оставшихся 1,5 млрд. практически истощенных и полуразрушенных почв хватит всего на 1,5-2 столетия: человечество уже начинает переход на искусственные почвы и биотехнологии, включая трансгенные.

Великий переход, о котором пишет Г.Кан, учитывает только общественные изменения, выход на новый качественный уровень человечества без учета не только истощения природных ресурсов, о чем уже немало писали ученые из Римского клуба, но и эволюции всей жизни. Под воздействием техногенного развития меняются взаимоотношения и характер взаимодействий общества и природы. Как известно, человечество зародилось в биосфере и представляло собой такой же элемент живого, как и дикие животные, которые были рождены биосферой. По мере развития и разрастания человечества оно превращается из элемента в подсистему, а с развитием науко-техники начинает переподчинять биосферу и диктовать свои условия эволюции земной жизни. Как отмечал Э.Леруа, ноосфера рождается под совокупным воздействием человеческой деятельности, определяемой человеческим разумом. Хотя ни Э.Леруа, ни В.И.Вернадский не дали нам описания ноосферы, мы на основе изучения самого факта воздействия человечества на биосферу можем проследить историю и силу такого воздействия и предсказать последствия этого. Как говорилось выше, П.Тейяр де Шарден, пожалуй, первым обратил внимание на становление мира ноосферы как восхождения искусственного мира. Особенно много внимания становлению техно-ноосферного мира уделяет нижегородский философ В.А.Кутырев, предупреждая человеческое общество об опасности, которую несут безудержное развитие искусственного мира и уничтожение естественного. Нынешнюю ситуацию он определяет как борьбу миров – естественного и искусственного. Мы настолько были увлечены изменением мира, что теперь уже не знаем, как сохранить наш прекрасный биосферный мир. Знаменитый тезис К. Маркса «Философы лишь различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы изменить его» сам должен быть изменен, – замечает В.А.Кутырев. – Нынешний девиз: «Люди лишь различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы сохранить его. Сохранить как *мир человека*» [5, с.205].

Нынешняя ситуация характеризуется *ноосферным переходом жизни* на нашей планете. На смену прежней, биосферной

системности приходит новая – социоприродная, где решающую роль играет уже не биосфера, а социум, точнее – метасоциум. Новая *социоприродная метасистема* охватывает глобализирующееся техногенное общество, техносферу, измененную биоприроду, разрушенную биосферу, духовный мир человечества. Эту складывающуюся метасистему мы называем развертывающейся ноосферой, по сути, искусственным миром, хотя не можем с этим психологически примириться.

На земном шаре в течение всего двух столетий сложилась невиданная за всю историю Земли техносфера. Если в 1800 г. в городах проживало всего 40-50 млн. человек (0,045 млрд.), то в 2000 г. около 3,0 млрд. За два столетия население планеты возросло в 6 раз, а городское – в 70 раз. Техносфера же за эти годы возросла во многие тысячи раз и стала сопоставимой по своей массе с биовеществом. За 10 тысяч лет активного развития земледелия и 200 лет промышленности было окультурено и одомашнено примерно 10% видов высших растений, практически уничтожены все крупные дикие животные. Если же исходить из тенденций (особенно формирования генетически модифицированных, трансгенных организмов), то уже через три столетия на земном шаре подавляющее число видов высших растений и животных будут созданы человеческим умом и руками, т.е. станут искусственными, хотя и биологическими. От биосферы, которая формировалась около 4 млрд. лет, практически останутся лишь заповедные места. Аналогично природному миру изменяется и сам человек, но его социализация и трансформация идут значительно активнее, чем биосферной природы. По наблюдениям доктора медицинских наук Б.А.Астафьева, изменения в человеческом организме во много крат выше, чем у крупных животных. Не только идет быстрое падение здоровья населения, но и распространение цивилизационных, по сути техногенных, болезней – сердечно-сосудистых, онкологических, аллергических, психических, генетических и т.п. Происходит особенно интенсивно разрушение иммунной, эндокринной и половой систем. Все это ведет к формированию так называемого *техносферного человека*, способного жить и работать в определенных техносферных (городских) условиях. По мере омоложения болезней усиливаются процессы замены человеческих органов искусственными из биологических или небιологических

материалов. Если в 90-е годы XX века замена человеческих органов в мире возросла в 3 раза, то в первое десятилетие XXI в. ожидается рост еще в 5-6 раз. На основе интеграции «био-» и «техно-», человека и техносферы рождается уже и *постчеловеческое, биотехносоциальное существо*. Сейчас в мире насчитывается примерно 1 млн. роботизированных людей с искусственными органами, управляемыми самим человеком, его головным мозгом, или автоматическими устройствами. Если же обобщить изменения, которые происходят на планете Земля, то мы наблюдаем переход от *эры кайнозоя*, последней биосферной эры, к *эре ноозоя*, или первой эре искусственного земного мира. Переход к эре кайнозоя осуществлялся миллионы лет, а переход от эры кайнозоя к эре ноозоя может произойти всего в считанные столетия, если человечество и далее будет следовать стихийным событиям общественного развития и не предпримет решительных мер по сохранению биосферы.

Лит.: Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М., 2002. Он же. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М., 1988; Канн, Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный / Г. Канн // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986; Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П.Тейяр де Шарден. – М., 1987; Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003; Демиденко, Э.С. Экотехнологический Апокалипсис, или «конец света» природного человека / Э.С. Демиденко. – Брянск, 1993; Демиденко, Э.С., Техногенное общество и земной мир / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. – М.-Брянск, 2007; Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999; Кутырев, В.А. Естественное и искусственное: борьба миров / В.А. Кутырев. – Н. Новгород, 1994; Кутырев, В.А. Разум против человека / В.А. Кутырев. – М.-Н. Новгород, 1999; Олейников, Ю.В. Ноосферный проект социоприродной эволюции / Ю.В. Олейников, А.А. Оносов. – М., 1993; Попкова, Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты / Н.В. Попкова. – М., 2004; Попкова, Н.В. Философия техносферы / Н.В. Попкова. – М., 2007.

Кризисный социум (общество) – понятие, которое вошло в обиход в конце XX века: отражает кризис общественной системы, подвергающейся регрессивным сбоям, негативной трансформации или каким-либо чрезвычайным ситуациям, связанным с крупными катастрофами техногенного порядка (типа аварии на Чернобыльской АЭС и её чрезвычайными последствиями), с кризисным развитием

даже отдельной нации, «обвалом» деятельности её государственных и гражданских институтов, финансовым дефолтом и т.п. В то же время следует отметить, что во второй половине XX – начале XXI века кризисным становится *техногенное общество*, поскольку оно коренным образом изменяет человеческий и биосферный мир, трансформирует их в неблагоприятном для биосферной жизни направлении. С развитием индустриального и постиндустриального общества проявляется самый высокий уровень деградации и катастрофичности социума, биосферы и человека, что выпадает из поля зрения философов.

Современная социология всё больше и больше использует понятие «общество риска» (У.Бек, 1992), которое приходит на смену индустриальному обществу и отличается более глубокими неопределённостями, индивидуализмом и эгоизмом, радикальными изменениями ключевых социальных институтов. Риски в таком обществе социально мотивированны и конструируемы, хотя это и делает такой социум нестабильным и склонным к разрушению, а степень его неопределённости постоянно нарастает. У. Бек, как и многие другие мыслители, не видит определённой направленности общественного развития, характеризующейся формированием постбиосферной жизни, в том числе и человеческой. Понятие *общества риска* во многом опирается на идеи постмодернизма, особенно бесконечности и хаотичности социальных трансформаций, определяемых не столько экономическими и политическими, сколько культурологическими мотивами.

Кризисный социум техногенной цивилизации характеризуется следующими наиболее общими чертами. *Во-первых*, нарастающим разрушением биосферы, уничтожением и деградацией живого вещества планеты, плодородных почв и гумусного слоя в них. Рост населения и его потребностей вызывают необратимый процесс использования биосферного вещества посредством могущественных научно-технических производительных сил. *Во-вторых*, неконтролируемым и непомерным разрастанием техносферы как неживого, искусственного, вещественно-предметного и электромагнитного миров. Если за два последних столетия техногенного развития земного мира население возросло в 6 раз (с 0,91 до 6,1 млрд.), городское население более чем в 70 раз (с 0,045 до 3,0 млрд.), то техносфера во многие тысячи раз. Она превращается в

единый геополис на планете, потесняя биосферу и становясь домом для населения, социализированных животных и растений. *В-третьих*, нарастанием кризисного состояния самого человека под воздействием техногенного общественного развития и техносферных условий жизнедеятельности населения. Здесь также существенную роль играют снижение доли физического и увеличение доли умственного труда человека, выход человека из сферы естественного отбора, загрязнение среды обитания человека, нарастание в связи с этим патологии и «болезней цивилизации», омоложение болезней и рост замены естественных органов человека на технические и биологические искусственные, эволюционное превращение человека биосферного в техносферного, формирование постбиосферного разумного существа. Существует немало и других особенностей формирования кризисного социума, прежде всего определяемых национальным характером политического и социально-экономического его развития и трансформаций. Так, например, в России существенную роль в нарастании системного кризиса сыграли непродуманные процессы перестройки и переход на рельсы капиталистического развития, что привело к сокращению средней продолжительности жизни людей на 6-7 лет по сравнению с 1987 годом, ухудшению состояния здоровья молодёжи на 60%, снижению её интеллектуального уровня (с 3-го на 46-е место в мире), росту взрослой инвалидности в два, а детской – в три раза и т.п. Кризисный социум – понятие весьма ёмкое, оно охватывает большой спектр характерных черт общественного состояния и развития и требует разработки глубоко обоснованных мер по выходу из кризисного состояния. Это могут быть меры относительно краткосрочные (например, оздоровление городской жизни, смягчение последствий аварии на Чернобыльской АЭС), или долгосрочные, стратегические, требующие изменения вектора современного техногенного развития земного мира на биосферный с сохранением биосферы, биосферной жизни и биосферного человека.

Лит.: Экологическое просвещение в условиях кризисного социума. – М., 2000; Демиденко, Э.С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни / Э.С. Демиденко. – М.-Брянск, 2006; Демиденко, Э.С. Техногенное общество и земной мир / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. – М.-Брянск, 2007; Демиденко, Э.С. Техногенное развитие общества и жизни на

Земле. В 2-х томах / Э.С. Демиденко, Н.В. Попкова, А.Ф. Шустов. – Брянск, 2007.

Материально-пространственная организация общества. Данное понятие было введено автором в научный оборот в 1977 г. и получило обоснование в монографии в 1980 г. Это понятие отражает пространственное размещение населения и нарастающую рациональную включённость естественной природы и созданного человеком предметно-вещественного и электромагнитного комплекса, материальной культуры, социализированной природы в систему социальной жизни, тогда как более распространённое понятие «материально-пространственная среда» носит пассивный оттенок, не отражающий взаимосвязи и взаимодействия человека и биосферы, человека и естественной и искусственной среды в процессе их взаимной эволюции.

Материально-пространственная организация общества представляет собой построенные определённым образом и в определённой форме материальные компоненты общественной системы, создающие благоприятные условия для её динамичного развития в сочетании с устойчивым развитием биосферы. Производительные силы, их структура и пространственное размещение имеют фундаментальное значение для прогресса общества, а также социальных отношений и процессов. Специфической особенностью такой организации жизни общества является то, что создаваемая и укрепляемая инфраструктурная система позволяет рассредоточивать население, материальные (а вместе с ними и духовные) ценности по территории страны, образовывать комплексы городов и других населённых пунктов, промышленных сооружений, общественных, государственных и культурно-бытовых зданий, насыщает их инженерно-техническим оборудованием и вещами для воспроизводства и развития населения и общества в целом, для нормальной жизнедеятельности человека.

В последние годы проблемы материально-пространственной организации общества находят своё отражение в формировании техносферы и различных компонентов социальной инфраструктуры. Вот почему сейчас, в условиях формирования техногенного общества, наряду с социально-экономической, общественно-политической, государственной, национальной, административно-хозяйственной сторонами организации общества следует выделить

материально-пространственную. Последняя, на наш взгляд, включает в себя две важнейшие сферы социальной организации жизни людей: пространственно-территориальную и архитектурно-техническую.

Лит.: Демиденко, Э.С. Об управлении социалистической урбанизацией // Проблемы научного коммунизма. Вып. 11 / Э.С. Демиденко. – М., 1977; Демиденко, Э.С. Демографические проблемы и перспективы больших городов / Э.С. Демиденко. – М., 1980; Он же. Урбанизация: концепция и политика городского развития / Э.С. Демиденко. – М.-Брянск, 1992; Демиденко, Э.С., Техногенное общество и земной мир / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. – М.-Брянск, 2007.

Метаобщество (метасоциум) – понятие, отражающее формирование техногенного общества, которое находится уже за пределами традиционного, земледельческого общества и коренным образом преобразует последнее, формируя искусственный, постбиосферный земной мир. Развивается преимущественно на основе действия социально-природных закономерностей, тогда как в земледельческом обществе властвовали ещё природно-социальные. В отличие от традиционного общества, источником развития которого была биосфера и которое строилось на естественных (биологических) производительных силах – практическом разуме человека, его физической энергии и мускульной силе животных, метаобщество основывается на коллективном мировом разуме (науке) и наукотехнике. Такое общество отличается быстрым ростом техносферы, вытеснением ею биосферных пространств, формированием искусственной, постбиосферной жизни. Это, по сути, интегрированный человеком социотехноприродный организм. Если принятое социологией понятие *мегаобщества* указывает на глобальность (мировое сообщество) или наднациональное объединение общественных систем (например, Европейский Союз), то понятие *метаобщества* указывает на качественно новое, техногенно-надприродное состояние общественного организма, который на основе созданной человеком научно-технической мощи переподчиняет биосферную природу, формируя социотехноприродную метасистему. Последняя объединяет в единое целое «социо», «техно» и «био».

Если социологи и социальные философы обычно оперируют понятием «мегаобщество», объединяющим традиционные

(земледельческие), индустриальные и постиндустриальные общественные системы в современную мировую цивилизацию, то понятие «глобального метаобщества» или «интернационального метаобщества» говорит об объединении техногенных (индустриальных и постиндустриальных) общественных систем. Если в теории постиндустриализма внимание концентрируется на качественных различиях индустриальной (основная сфера деятельности – промышленность) и постиндустриальной (основная сфера деятельности – услуги) общественных систем, то в теории техногенного общества (метаобщества) – на качественных различиях традиционного (земледельческого) общества и техногенного, объединяющего постземледельческие системы (индустриальные и постиндустриальные, информационные). Если доиндустриальные общественные системы (собирательное и земледельческое общество) развивались в границах *биосферной метасистемы*, которая формировала все основные жизненные процессы человечества, его общественных объединений, то индустриальное и исторически следующее за ним постиндустриальное общество образуют уже *постбиосферную, социоприродную метасистему*, своеобразный искусственный мир, «пожирающий» биосферу и земную природу. Человек при помощи машины творит, выражаясь словами Н.А.Бердяева, «новый космос». Речь идёт не о бесконечных изменениях общества на планете Земля, на чём заостряют внимание теоретики постмодернизма, а о движении общественного организма и земного мира к постбиосферному, или техно-ноосферному состоянию, к искусственному, что подметили в середине XX века П.Тейяр де Шарден в книге «Феномен человека» и Н.А.Бердяев в работе «Человек и машина».

Как известно, постиндустриальное общество рассматривают ещё и как информационное. Известные исследователи современного общества Ф.Уэбстер и К.Кумар обращают внимание на то, что глобальное сетевое общество представляет собой результат дальнейшего технологического развития индустриальной капиталистической системы на основе рыночных методов и механизмов. Действительно, индустриальная и постиндустриальная социально-экономические системы имеют, на наш взгляд, и такие общие черты: 1) они основаны на постбиосферных производительных силах – наукотехнике; 2) основой их экономики является индустрия,

пронизывающая все сферы общественной деятельности и жизни; 3) обе являются постаграрными, перерабатывающими биологический материал на основе усложняющихся постбиосферных технологий; 4) обе активно формируют техносферу и переводят человечество из биосферных условий жизнедеятельности в техносферные; 5) обе усиливают искусственность общественной и природной жизни; 6) и сам человек в этих системах активно социализируется и интегрируется с техносферой, приобретая и усиливая свои техногенные качества, развиваясь в направлении постбиосферного разумного существа.

Лит.: Демиденко, Э.С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни / Э.С. Демиденко. – М.-Брянск, 2006; Демиденко, Э.С. Техногенное общество и земной мир / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. – М.-Брянск, 2007.

Ноосферный переход жизни – понятие, которое вытекает из учений В.И.Вернадского и Э.Леруа о ноосфере, «сфере разума» (от греч. noos – ум). Ими был принят тезис о переходе биосферы в ноосферу, хотя содержательная сторона этого тезиса не была раскрыта. В настоящее время существует два направления понимания такого перехода. Абсолютное большинство последователей В.И. Вернадского придерживаются позиции сознательного и планируемого формирования ноосферы как высшего состояния биосферы, пронизанной разумной деятельностью человека. Среди них – крупнейшие ученые России Н.Н.Моисеев и А.Д.Урсул. Второе направление, представленное прежде всего в трудах Э.С.Демиденко и В.А.Кутырева, исходит из того, что ноосфера создается как искусственный мир (и при этом стихийно), поскольку человечество уничтожает биосферу и биосферные организмы, формируя новый биологический мир на основе биосферного. В соответствии с позицией Э.С.Демиденко, который ввел это понятие в 2000 г., мир переходит от эры кайнозоя, как последней биосферной эры, к эре ноозоя, или искусственной жизни – человека, растений, животных. См. более подробно: Глобальный переход жизни.

Лит.: Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М., 2002; Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003; Демиденко, Э.С. Великий переход и

социокультурное будущее человечества: идеал и реальность / Э.С. Демиденко // Возвращение Пифагора Сорокина. – М., 2000; Кутырев, В.А. Естественное и искусственное: борьба миров / В.А. Кутырев. – Н. Новгород, 1994; Моисеев, Н.Н. Быть или не быть... человечеству? / Н.Н. Моисеев. – М., 1999; Урсул, А.Д. Путь в ноосферу / А.Д. Урсул. – М., 1993.

Социоприродная метасистема – понятие, отражающее современный переход жизни: на смену биосферной метасистеме, в которой развивались ранее биоприрода и человечество, приходит социоприродная метасистема, в границах которой продолжается дальнейшая взаимосвязанная эволюция социальной и природной жизни. Социоприродная метасистема включает в себя: 1) общественный планетарный организм с его материальной и духовной культурой, мощными научно-техническими производительными силами; 2) во многом сформировавшуюся и динамично усложняющуюся техносферу; 3) формирующийся ноосферный мир биоприроды – одомашненные животные, окультуренные сельскохозяйственные и домашние растения, трансгенные организмы и т.п.; 4) разрушающуюся, деградирующую и трансформирующуюся биосферу; 5) стремительно социализирующееся и трансформирующееся население; 6) изменяющуюся внебиосферную природную составляющую планеты. См. более подробно: *Глобальный переход жизни* и *Социоприродный подход*.

Социоприродный подход – понятие, которое открывает новые методологические возможности и приемы исследования общества и природы, земной реальности на основе их взаимосвязанного социально-природного развития. В конце XX в. рождается новое направление в истории – социоестественная история, которая рассматривает историю развития общества в органической взаимосвязи с природным миром нашей планеты. Затем появляется понимание того, что общество развилось в биосфере и стало ее переподчинять, диктуя земной природе определенные тенденции и направления ее развития. Речь идет не просто о взаимосвязанном развитии общества и природы, а о создании вместо биосферной *социоприродной метасистемы*, составными подсистемами которой являются: 1) общественный планетарный организм с его материальной и духовной культурой, мощными научно-техническими производительными силами; 2) во многом сформировавшаяся и динамично усложняющаяся техносфера; 3)

формирующийся ноосферный мир биоприроды – одомашненные животные, окультурные сельскохозяйственные и домашние растения, трансгенные организмы и т.п.; 4) трансформирующаяся и деградирующая биосфера; 5) стремительно социализирующееся и трансформирующееся население; 6) изменяющаяся, социализирующаяся внебиосферная природная составляющая планеты. Именно такое понимание «социального переворота» в развитии земной жизни, когда общество определяет ее дальнейшую эволюцию, открывает новые пути познания социальной и природной реальности, пути сохранения устойчивости жизни в условиях техногенного развития современного мира. Социоприродный подход занимает место во взаимосвязи с другими уже известными подходами, и прежде всего системным, синергетическим, постиндустриальным и глобально-эволюционным

Лит.: Демиденко, Э.С. Великий социально-культурный переход человечества / Э.С. Демиденко // Историческая поступь культуры: земледельческая, урбанистическая, ноосферная. – Брянск, 1994; Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003; Демиденко, Э.С. Формирование матаобщества и постбиосферной земной жизни / Э.С. Демиденко. – М.-Брянск, 2006; Демиденко, Э.С., Техногенное общество и земной мир / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. – М.-Брянск, 2007; Олейников, Ю.В. Ноосферный проект социоприродной эволюции / Ю.В.Олейников, А.А. Оносов. – М., 1999; Лазарев, В.Т. Аграрная политика и трансформация российского села в XX столетии / В.Т. Лазарев. – Самара, 2002. – с.20-52.

Техногенное общество (цивилизация) – понятие, которое вначале использовалось как синоним индустриального общества (цивилизации), пришедшего на смену аграрному, традиционному обществу. По мере исследования наступающего в конце XX – начале XXI века на Западе постиндустриального общества, где абсолютное большинство населения занято в сфере услуг (в США сейчас уже около 80%), некоторые социологи стали называть такое общество вполне справедливо сверхиндустриальным, с быстро нарастающим искусственным миром (например, О.Тоффлер). В свою очередь создатель теории постиндустриализма Д.Белл отмечает, что историческое развитие аграрной, индустриальной и постиндустриальной систем связано с изменением технико-технологического способа производства и социальными

трансформациями, которые сопровождаются существенными сдвигами в структуре хозяйства, социума и культуре.

В нашей стране понятие техногенной цивилизации ввел в научный оборот в 1989 г. В.С.Степин, который отмечал общие черты техногенных цивилизаций: быстрое изменение техники и технологий благодаря систематическому применению в производстве научных знаний [7, с.3]. Характерной чертой техногенного общества является его динамичное ускоряющееся развитие на базе научно-технического прогресса, начиная с XVIII в., и формирование искусственного материального мира – основы будущей общественной и природной жизни. «Изменение общества под влиянием научно-технического прогресса – факт глобального значения, с которым нельзя не считаться», – отмечает, например, А.Н.Кочергин. И далее: «Мир вступает в эпоху феноменов, не имеющих аналога в истории» [4, с.30].

И действительно, не только общество, но и весь земной мир вступает в иное состояние, характеризующееся не только индустриальным развитием, развитием на основе научно-технического прогресса, но и техногенным состоянием – все увеличивающимся воздействием техники и техносферы на общество, природу и человека и соответствующей трансформацией последних. Техносфера как искусственная неживая предметно-вещественная и электромагнитная реальность в техногенном обществе имеет тенденцию к стремительному возрастанию и замещению биосферных пространств. Об этом наглядно свидетельствуют факты урбанизации и техносферизации нашей планеты. Если за 150 лет (1800-1950) городское население возросло на 0,7 млрд. человек, то за 50 последующих лет (1950-2000) оно увеличилось еще на 2,3 млрд., или почти в 4 раза. Техносфера же возросла за последние два столетия в тысячи раз и по своей массе стала сопоставимой с массой биологического вещества. Поэтому в понятии техногенного общества находит отражение общество, развивающееся еще на прежней основе научно-технического прогресса и формирующее «техномир». Уже само наличие техносферы, которая вытесняет и замещает биосферу, концентрирует в себе людей и основные формы их жизнедеятельности, позволяет нам объединить понятием техногенное общество – и индустриальное, и постиндустриальное. Именно в определенной мере сложившаяся и разрастающаяся техносфера –

искусственная среда обитания человечества с ее индустриальной инфраструктурой – является тем основным фактором, который придает не только обществу, но и биосфере иные условия существования и эволюции. Нынешнее техногенное состояние общества – это уже во многом надприродное, искусственное состояние, которое характеризует, по выражению В.А.Кутырева, борьбу двух миров – естественного и искусственного. Индустриальное и постиндустриальное развитие представляет собой определенную эпоху в жизни человечества, эпоху решающей победы его при помощи наукотехники над стихийно-организованными силами биосферы, развивающейся на основе естественного отбора и соответствующей гармонии биологической эволюции. Формирующийся техногенный мир представляет собой новый этап в жизни планеты Земля, когда наукотехника и наукоемкие технологии нарастающе пронизывают не только производство, но и всю общественную жизнь и земную живую и неживую природу.

Несмотря на то, что философы, социологи и футурологи уловили многие черты разрастающейся техногенной цивилизации, особенно технико-технологические и экологические ее трансформации, малоизученными остаются такие: 1) движение социума к предельной рациональности и искусственности развития; 2) динамичный генезис техносферы, ее чрезмерный рост и интеграция с социумом и человеком; 3) интеграция социума, биоприроды, техносферы, ноосферы как духовного явления в единое целое и формирование на земном шаре нового системного социоприродного образования; 4) происходящая замена мира естественного, биосферного миром постбиосферным – искусственным, ноосферным; 5) трансформация человека в направлении формирования постчеловеческого существа и ряд других.

Лит.: Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003; Демиденко, Э.С., Техногенное общество и земной мир / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. – М.-Брянск, 2007; Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности / Е.А. Дергачева. – Брянск, 2005; Попкова, Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты / Н.В. Попкова. – М., 2004; Степин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С. Степин // Вопросы философии. – 1989, №10; Человек техногенной цивилизации на рубеже двух тысячелетий. – Калининград, 2000. – С. 3-42; Кочергин, А.Н. Влияние глобальных проблем на методологию анализа современных

социальных проблем / А.Н. Кочергин // Актуальные проблемы социальной философии. – М., 1998.

Техно-ноосфера – понятие, отражающее понимание ноосферы как искусственного мира, создаваемого усилиями человеческого разума (науки) и труда с целью удовлетворения насущных потребностей общества, населения и индивидов. Техно-ноосфера создается стихийно на основе техногенного развития общества и земного мира. Она приходит на смену разрушаемому земному биосферному миру. В этом понятии отражается иное понимание ноосферы, ее содержания, чем у В.И.Вернадского и его современных последователей; оно нашло обоснование в основном в трудах Э.С.Демиденко и В.А.Кутырева. Материальной основой техно-ноосферы является техносфера, включающая мир техники, технологий, искусственных сооружений, трансформированных (окультуренных) биосферных растений, животных и микроорганизмов, а также созданных небiosферных организмов в лабораториях учеными на основе научных знаний. Все активные жизненные процессы на земном шаре, скорее всего, будут происходить в техносферной оболочке (инфраструктуре) на основе использования биотехнологий. Человечество уже создало, например, не только сельскохозяйственную инфраструктуру, но и биопромышленность с огромными скоростями протекания биологических процессов. Биосфера в ходе разрушения не только теряет свои природотворческие функции, но передает их новой *социоприродной метасистеме*, на основе которой формируется ноосфера. Таковы пока что тенденции развития земного мира. См. более подробно: *Глобальный переход жизни и Глобальная трансформация человека*.

Техносфера – понятие, отражающее область реального бытия созданных человеком техники и технологии, зданий и сооружений, совокупность материальных средств преобразовательной деятельности общества, искусственный неживой предметный, вещественный и электромагнитный мир в единстве с частью природного земного мира, фундаментально преобразованного человечеством.

Этимологически понятие техносферы органически связано с понятием «техника», происходящего от греческого «технэ» – искусство, мастерство, умение. Техника образует систему

искусственных органов деятельности общества, формирующейся и развивающейся в ходе исторического процесса опредмечивания в природном материале трудовых функций, навыков, опыта, эмпирических и теоретических знаний. И если техника вместе с людьми образуют составную часть производительных сил общества, то техносфера выступает более широким понятием, охватывающим практически весь искусственный неживой материальный мир. Техника в широком смысле слова (техника и технология вместе взятые) составляет первооснову техносферы, поскольку благодаря ей создается, усложняется и расширяется на планете весь многослойный мир техносферы, материальный фундамент современного техногенного общественного организма.

В ходе глобального техногенного развития техносфера превратилась в особую оболочку планеты, в которой осуществляется не только предметно-историческая деятельность человечества, но и вся совокупность жизнедеятельности абсолютного большинства людей.

Техносфера представляет собой и стремительно возрастающую искусственную среду обитания населения, которая, разрастаясь, не только потесняет природную, но и разрушает биосферную среду. Благодаря техносфере стремительно и нарастающе развивается общественный организм и социализируется человек, в агропромышленном комплексе ускоряются биологические процессы, происходит целенаправленная трансформация биосферных организмов и формирование постбиосферных (например, генетически модифицированных), удовлетворяющих многие потребности населения. Техносфера как целостная глобальная система имеет свою сложную и разветвленную структуру и организацию, что можно представить в следующем обобщенном виде: 1) техника и технология, создаваемые на основе науки и практики, представляют собой основу техносферы – ядро ее генезиса и формирования, поддержания ее в развитии как системного целого; профессионально образованный человек вместе с наукотехникой составляют современные сверхмощные производительные силы; 2) мегаполисы, городские агломерации, системы поселений и отдельные поселения; 3) территориально-промышленные комплексы – градопромышленные, агропромышленные, горно-добывающие, горно-перерабатывающие, энергетические, рекреационные;

4) объекты промышленных, строительных, сельскохозяйственных предприятий вместе с технико-технологической инфраструктурой; 5) здания и сооружения социально-культурного, бытового и иного назначения; 6) различного рода предметно-техническая среда, обеспечивающая жизнедеятельность и безопасность населения и биосферной природы; 7) транспорт и транспортные коммуникации, объединяющие мегаобъекты и многие другие объекты в общий национальный или даже интернациональный каркас техносферы; 8) искусственные электромагнитные поля; 9) различного рода предметный мир – от предприятий до объектов, предметов сферы быта; 10) химические вещества промышленного и иного искусственного, небюсферного происхождения; 11) созданные и трансформированные человечеством радиоактивные вещества; 12) отходы производства, сферы услуг, быта и других форм жизнедеятельности населения и т.п. Нередко к техносфере относят и качественно преобразованные участки биосферы, которые получили название технобиосферы – агроценозы, урбоценозы и технобиоценозы. Эти участки, скорее всего, можно назвать техногенными – пронизанными и трансформированными техносферой и технико-технологической человеческой деятельностью. Ни в коем случае нельзя, на наш взгляд, относить к техносфере одомашненные, социализированные, трансформированные биосферные живые организмы, или даже сотворенные человеком постбиосферные (например, трансгенные), как это делают некоторые исследователи, ссылаясь на то, что они сотворены на основе применения техники, технологий, принципов и методов сотворения искусственных объектов и процессов. Весь искусственный мир, как творение человеческого разума и труда, по сути – мир ноосферный, объединяющий все виды и формы материального и духовного творчества людей. Сотворенные или трансформированные человеком многочисленные живые организмы уже не являются биосферными в их «чистом виде», но все же они коренным образом отличаются от техно, мира искусственного, но неживого. Качественно отличающимися творениями человека (мира искусственного) являются социум, техносфера, техно-ноосферные живые организмы и духовный мир человека во всех его проявлениях. Но эти качественно отличные части искусственного мира, сотворенного человечеством, интегрируются с биосферой и

человеком, создавая промежуточные формы, например, технобиосферу, биотехносферу, робото-человека, трансгенные растения и т.п. Безусловно, иногда бывает сложно определить границы между миром искусственным и миром естественным, между техносферой и биотехносферой, но, тем не менее, мы имеем твердые ориентиры качественно различных частей искусственного в современном мире, отличающих их от естественного.

Человек преобразует объекты неживой и живой природы в продукты, удовлетворяя свои витальные и социально-культурные потребности, многочисленные интересы, но и в то же время получает отходы производства. Продукты и отходы жизнедеятельности воздействуют на эволюцию человека и биосферу положительно, преимущественно положительно, нейтрально или преимущественно отрицательно. Отходы производства, как правило, воздействуют отрицательно. Трансформацию биосферы и человека под воздействием техносферы можно разделить на три составляющие: положительную для дальнейшей устойчивой эволюции биосферы и рожденного ею человека; нейтральную по отношению к ним; отрицательно воздействующую на биосферу и человека, на их дальнейший прогресс. Человечество, при удовлетворении своих потребностей, концентрировало внимание на первичных, потребительских свойствах предметного мира, оставляя в тени его противоречивый характер. Существенную негативную роль здесь сыграла в условиях нарастающих экономических отношений рыночная рациональность, кредо которой ограничивается отношениями «товар–деньги–товар». Такая целевая установка вошла в острое противоречие с гуманизмом, социокультурными и природно-биосферными ценностями. Человек, его жизнь и его природное здоровье, здоровье и жизнь биосферных и постбиосферных организмов, гуманные отношения между людьми оказались под угрозой в условиях *техногенного развития*, особенно диктуемого капиталом. Предсказанное В.И.Вернадским и Э.Леруа формирование ноосферы, Царства Разума на нашей планете пока что не только не осуществляется, но более того – техно-ноосферное развитие оборачивается серьезными негативными последствиями для человека и биосферы. Формируемая техносфера, с одной стороны, ускоряет общественное развитие, социализацию земной природы, а с другой – трансформирует и разрушает биосферу и биосферную основу своего

уникального творения – человека. Ярким примером тому являются такие факты: активные части биосферы и ее энергетика разрушается в 10 раз быстрее в эпоху нынешнего техногенного развития, чем идет их восстановление живыми организмами; биосферные почвы разрушаются примерно в 30-35 раз сильнее, чем в доиндустриальную эпоху; за последние 30 лет XX в. в результате ослабления иммунной системы в 2,5 раза снизилась сопротивляемость человеческого организма болезням, увеличилось количество мутаций и генетических дефектов, рост так называемых цивилизационных болезней, например, онкологических заболеваний примерно в 2 раза и т.п.

Наряду с решением многих глобальных проблем современности с целью укрепления устойчивости развития человечества и биосферы, их благоприятной коэволюции, формирование безопасной для биосферы и человека техносферы является самой неотложной задачей.

Лит.: Баландин, Р.К. Область деятельности человека – техносфера / Р.К. Баландин. – Минск, 1982; Библер, В. Цивилизация и культура / В. Библер. – М., 1993; Горохов, В.Г. Введение в философию техники / В.Г. Горохов, В.М. Розин. – М., 1998; Гиренок, Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера / Ф.И. Гиренок. – М., 1987; Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003; Демиденко, Э.С. Урбанизация: концепция и политика городского развития. – М., 1992; Демиденко, Э.С. Урбанизация села и техно-ноосферные перспективы земледелия / Э.С. Демиденко. – Брянск, 2005; Демиденко, Э.С. Техногенное общество и земной мир / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. – М.-Брянск, 2007; Зубаков, В.А. Наше будущее: техносфера или экогеизм / В.А. Зубаков // Проблема ноосферы и экобудущего. – М., 1996; Иоселиани, А.Д. Социально-философские проблемы техносферы / А.Д. Иоселиани. – М., 1999; Кутырев, В.А. Естественное и искусственное: борьба миров / В.А. Кутырев. – Н. Новгород, 1994; Ленк, Х. Размышления о современной технике. / Х. Ленк. – М., 1996; Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд. – М., 2001; Попкова, Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты / Н.В. Попкова. – М., 2004; Попкова, Н.В. Философия техносферы / Н.В. Попкова. – М., 2007; Розин, В.М. Философия техники / В.М. Розин. – М., 2001; Симоненко, О.Д. Сотворение техносферы: проблемное осмысление истории техники / О.Д. Симоненко. – М., 1994; Степин, В.С. Философия науки и техники / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. – М., 1995.

Урбанизация (франц. urbanisation, англ. urbanization) органически связана с понятием города (от лат. urbanus – городской, urbs – город).

Урбанизация в социально-философском значении представляет собой всемирно-исторический процесс интенсивной территориально-городской концентрации несельскохозяйственных видов деятельности и населения, социальный механизм формирования и развития постземледельческих форм жизнедеятельности людей и перехода традиционного общества к качественно новому своему типу – техногенному. В узком значении урбанизация – явление роста городов и городского населения, повышения их роли в развитии общества и нового типа культуры, концентрации деятельности, городских отношений и образа жизни. Термин «урбанизация» появился впервые в 1867 г. в Испании. Рост горожан осуществляется за счет образования городов, миграции в них жителей из села, активного воспроизводства населения в городах и преобразования сельских поселений в городские. Урбанизация связана с городом постземледельческого типа, с иными социальными отношениями, присущими уже индустриальному и постиндустриальному (информационному) обществу, по своей сути – техногенному, базирующемуся на научно-технических производительных силах и техносферной материальной основе.

Урбанизация характеризуется также и нарастающим социальным развитием человека, повсеместным распространением на периферию городских отношений, типичных элементов культуры и черт образа жизни крупнейших городов, становлением новых городских форм расселения и пространственной организации общества. Она является в то же время и процессом глобализации и техносферизации, т.е. формирования на земном шаре техносферы, благодаря которой социум ускоряет процессы своего развития, социализации человека и живой природы и осуществляет ускоренное формирование постбиосферных живых организмов – от одомашненных до трансгенных. Наряду с техносферизацией и ноосферизацией урбанизация является социальным механизмом формирования искусственного земного мира. Именно посредством наукотехники и крупногородского развития осуществляется современный исторический прогресс – глобальный переход от естественной, биосферной формы жизни к постбиосферной, техно-ноосферной. Многие исследователи процессы урбанизации относят к периоду

зарождения и развития городов земледельческой эпохи, то есть к IV-III тысячелетиям до н.э. На наш взгляд, процесс генезиса урбанизации нельзя отнести к тому периоду, поскольку городские поселения принадлежали эпохе земледелия с господством в них земледельческих отношений и традиций, их рост носил сугубо экстенсивный характер. Урбанизация характеризуется уже формированием городов технической эпохи и стремительным процессом техносферизации общественной и природной жизни. Взаимосвязанные процессы индустриализации и урбанизации начинаются с промышленной революции конца XVIII века. За 5-6 тысячелетий городское население выросло до 5,1% от мирового населения (45 млн. горожан в 1800 г.), тогда как за два последующих столетия техногенного развития – до 50% (3,3 млрд. горожан в 2007 г.). Если истоки урбанизации уходят своими корнями в города земледельческих цивилизаций, то ее генезис связан с преиндустриальным развитием в XV-XVIII вв. в Западной Европе в центральной промышленной зоне (Лотарингской оси, протянувшейся на 1,6 тыс. км от Манчестера в Англии до Турина в Италии), где на протяжении двух тысячелетий, как показывают исследования С. Куровского, были самая высокая концентрация населения в Европе и необходимые условия для развития сельского хозяйства, ремесла и промышленности. Концентрация населения и экономической деятельности создала благоприятные условия для технико-производственных нововведений и развития науки. Уже в XV в. здесь использовались высокие доменные печи, возникли первые мануфактуры, появилась потребность в научных исследованиях. В XVI в. нужды нарастающей промышленности (крупных мануфактур), мореплавания и торговли потребовали теоретического и экспериментального решения многих конкретных задач. Это отмечал и К. Маркс: «Мануфактурный период развивал первые научные и технические элементы крупной промышленности» [6, т.23, с.388]. Период преиндустриального развития стал и преурбанизационным.

В мировой урбанизации автор выделяет следующие этапы.

Первый (локальный) этап охватывает промышленно развивающиеся страны Западной Европы и Северной Америки с конца XVIII до начала XX вв. Так, среди жителей Англии и Уэльса в середине XIX в. горожан было 50% (в мире – 6,3%), а в начале XX в. – уже 75%. За счёт урбанизации на Западе доля горожан во всём мире

выросла с 5,1 % до 13,6 %. Этому способствовало господство Великобритании и европейских стран над колониальными народами с их огромными территориями, за счёт ресурсов которых стало возможным быстрое промышленное развитие и урбанизация Запада. В XIX в. число горожан в мире увеличилось на 180 млн. и составило 225 млн.

Второй (преимущественно планетарный) этап начался с утверждением империализма, вывоза капитала, промышленного и городского развития большинства регионов мира. Он охватывает 1900-1950 годы. За 50 лет XX в. горожан стало больше на 0,5 млрд. Этот этап характеризуется развитием в основном больших городов (100 тыс. человек и более). Если в 1800 г. их было 65, 1900 г. – 360, то в 1950 г. – 950. Он явился прологом к «городской революции» (Г.Чайлд), т.е. современной урбанизации второй половины XX в.

Третий (глобальный) этап начался во второй половине XX в. и органически связан с НТР, под воздействием которой на новый качественный уровень развития вышло не только промышленное производство, но и многочисленные непромышленные отрасли, сфера услуг. Современная урбанизация характеризуется преимущественным развитием крупных (свыше 500 тыс. жителей) и миллионных городов и является одним из факторов глобализации мира. В развитых странах она приобретает характер процессов формирования мегаполисов и крупно-городских агломераций, где ощутимо развиваются патологические явления у живых биосферных организмов – человека, животных, растений. В связи с обострением социально-экологических проблем в промышленных и крупнейших городах развивается их кризис, что приводит к территориальной деконцентрации и переходу горожан в пригороды (субурбанизации) и даже убыли населения (дезурбанизации). Это отмечается с 1970-х годов в США, Канаде, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Швеции и других странах, хотя эта тенденция не стала устойчивой. На этом этапе число горожан возросло на 2,2 млрд. человек или в 4 раза, а средняя людность городов – вдвое и достигла 500 тыс. человек.

Пространственная дифференциация процесса урбанизации весьма велика и мозаична. Развитие промышленности в Азии и Латинской Америке привело к бурной урбанизации, включая и «ложную» – без промышленного развития, с безработицей в городах.

В большинстве этих стран процесс урбанизации проявился в колониальной форме, и в середине XX в. в городах Зарубежной Азии проживало немногим более 20% населения. С середины XX в. урбанизация приобретает стремительный характер, хотя темпы индустриализации от нее отстают. Ныне на долю развивающихся стран приходится более 4/5 всего ежегодного прироста числа городских жителей, абсолютное число горожан уже намного превысило их в экономически развитых странах. Если в 1950 г. в Азии была сосредоточена 1/3 горожан мира, то сейчас около 1/2. Заметно усиливается юго-восточно-азиатский вектор мировой урбанизации, особенно быстро растет «городская масса» Китая и Индии и прилегающих к ним стран Восточной и Южной Азии. Процесс урбанизации сейчас находится на этапе катастрофического ускорения концентрации населения в крупных и миллионных городах и их агломерациях. Если в 1800 г. на планете был только один город (Лондон) с числом жителей более 1 млн., в 1900 г. – 10, в 1950 – 78, в 2000 г. – более 400 миллионных городов, в которых проживало более 40% горожан, то в 2010-2015 годах станет не менее 80 городов с населением более 4 млн. человек, в которых будет проживать уже каждый четвёртый житель планеты.

Четвёртый (глобально-техносферный) этап связан с генезисом в конце XX в. и развитием постиндустриальных цивилизаций (Западной и Японской), утверждением планетарно связанной техносферы (геополиса), техногенной жизни и многими другими качественными изменениями и преобразованиями как общества, так и биосферы и человека, формированием искусственной жизни. При достижении 70-75% горожан в стране темпы урбанизации резко замедляются, но зато происходит качественное изменение городской социальной среды, большинство горожан занято в сфере услуг.

Для мировой урбанизации сейчас характерно усиление концентрации населения в крупнейших городах и их агломерациях. Демографы ООН выделяют мега-города с населением 8 млн. и более жителей. Если в 1950 г. их было 2 (Лондон и Нью-Йорк), в 1970 г. – 11, в 2000 г. – свыше 20, то в 2015 г. ожидается 33, причем на развивающиеся страны будет приходится 27 (или 4/5 всех мегаполисов). Уже сейчас более 30 «супергородов» имеют свыше 5 млн. жителей каждый. В наиболее развитых странах мира сформировались уникальные высокоурбанизированные полосы.

Такая полоса Токио-Осака в Японии включает 130 городов, охватывает 1/9 территории страны. Здесь проживает более половины ее жителей – свыше 60 млн. человек, сосредоточено 4/5 всех занятых в промышленности и производится около 90% валовой продукции Японии. Ожидания дезурбанизации пока не оправдываются, хотя сами города пространственно расширяются и вокруг них образуются агломерированные поселения. В XXI-XXII веках в мире, видимо, установится двужительность: дом (квартира) в городе и коттедж на природе. С разрушением биосферы современная городская форма жизни может превратиться в замкнутую техносферную – с искусственным биотическим круговоротом в «техносферном поселении», изолированном от биосферы.

Сельское население в мире урбанизируется, осваивая образ жизни и ценности крупных городов, и продолжает расти: за 1950-2000 гг. его численность увеличилась с 1,8 до 3 млрд. человек, но оно сосредоточено в развивающихся странах – около 90%. Для рурбанизации, т.е. урбанизации села, характерно и насыщение его несельскохозяйственными видами деятельности. Ещё 2 столетия назад 90% населения мира были земледельцами, сейчас – 40%, а в наиболее развитых странах менее 10%. За период с 1951 по 2000 годы доля земледельцев в мире упала с 59 до 44%, а вклад сельского хозяйства – с 20 до 5% мирового ВВП. Среди высокоурбанизированных стран (примерно 80% горожан и выше) выделяются: в Европе – Великобритания, Швеция, ФРГ, Дания, Франция, Нидерланды; в Северной Америке – США, Канада; в Австралии и Океании – Австралия, Новая Зеландия; в Азии – Израиль, Япония. В России насчитывается 73% горожан.

Лит.: Вебер, А. Рост городов в XIX столетии / Пер. с англ. / А. Вебер. – СПб., 1903; Баландин, Р.К. Природа и цивилизация / Р.К. Баландин, Л.Г. Бондарев – М., 1988; Демиденко, Э.С. Демографические проблемы и перспективы больших городов / Э.С. Демиденко. – М., 1980; Демиденко, Э.С. Урбанизация: концепция и политика городского развития / Э.С. Демиденко. – М., 1992; Демиденко, Э.С. Урбанизация села и техно-ноосферные перспективы земледелия / Э.С. Демиденко. – Брянск, 2005; Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003; Ленин, В.И. Развитие капитализма в России / В.И. Ленин. – ПСС. Т.3.; Межевич, М.Н. Социальное развитие и город / М.Н. Межевич. – Л., 1979; Мировая урбанизация: геогр. пробл. – М., 1989; Озерова, Г.Н. География мирового процесса урбанизации / Г.Н. Озерова, В.В. Покшишевский. – М., 1981; Перцик, Е.Н. Города мира:

география мировой урбанизации / Е.Н. Перцик. – М., 1999; Пивоваров, Ю.Л. Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы / Ю.Л. Пивоваров. – М., 1999; Попкова, Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты / Н.В. Попкова. – М., 2004; Попкова, Н.В. Философия техносферы / Н.В. Попкова. – М., 2007; Сенявский, А.С. Российская урбанизация в XX веке: роль в историческом прогрессе / А.С. Сенявский. – М., 2000; Хореев, Б.С. Проблемы городов / Б.С. Хореев. – М., 1975; Яницкий, О.Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма / О.Н. Яницкий. – М., 1975.

Урбанизация в России. По переписи 1989 г. на территории Российской Федерации зафиксировано 1037 городов и 2193 поселка городского типа с общей численностью жителей 109,2 млн. человек.

Древнюю Русь в скандинавских сагах называли Страной городов – Гардарики. Ко времени монгольского нашествия в 1230 г. насчитывалось около 300 городов. Они были столицами крупных феодальных княжеств, частно-владельческими усадьбами-замками, сторожевыми крепостями. Основные факторы их возникновения – административно-управленческая деятельность, торговля, ремесло, охрана территории и др. Наиболее крупными были Киев, Новгород, Рязань, Владимир, Смоленск. Сложившаяся к XIII в. сеть российских городов располагалась по торговым речным и сухопутным путям. Впоследствии Москва как собирательница раздробленных княжеств и их столица, а затем и Санкт-Петербург как новая столица России стали ее крупнейшими городами. В начале XVIII в. на города (посады) приходилось 3% населения. Начало урбанизации в России можно отнести к началу XIX в., когда в стране насчитывалось более 4% горожан.

Первый (1800-1917 гг.), дореволюционный ее этап основан на развитии торговли, государственной и капиталистической промышленности. К середине XIX в. горожане составляли около 8%, а к его концу (по переписи 1897 г.) более 13%, т.е. страна занимала среднемировой уровень. Если в XIX в. городское население России увеличилось на 9%, то за полтора десятилетия (1898-1913 гг.) промышленного развития – еще на 5%, достигнув 18%. *Второй* этап начался в середине 20-х годов XX в., связан с индустриализацией страны и коллективизацией села. Если в 1926 г. доля горожан в населении СССР составляла 18 % (на уровне 1913 г.), то в 1940 г. уже 33 %. Для этого этапа характерен некоторый рост сельского населения, которое составило 130 млн. человек в 1940 г. (на 10 млн.

больше, чем в 1926 г.). Городское население росло и в годы Великой отечественной войны.

Третий этап охватывает послевоенный период (1945-1991 гг.). Если перед войной в стране было 2/3 сельского населения, то в 1991 г. – 2/3 городского. Темпы урбанизации в СССР превосходили в 2-3 раза показатели западных стран в соответствующие периоды. С 1950 по 1989 г. городское население увеличилось на 120 млн. человек. По сути, на территории СССР «появилась» дополнительно еще одна страна (в 1913 г. население России составляло 159,1 млн. человек, из них селян – 131 млн.), что не могло не вызвать ряда серьезных проблем социально-экономического характера. Изменился и профессиональный состав сельского населения. Если в 1926 г. для 93,6% всего населения деревни источником существования было сельское хозяйство, то к 90-м годам XX в. – только для половины. Численность работников, занятых в сельском хозяйстве СССР в 1989 г., составляла 26 млн. человек, т.е. по сравнению с 1940 г. уменьшилась в 4 раза, а выпуск сельскохозяйственной продукции увеличился почти в 3 раза.

Этот этап характеризуется рядом особенностей: преимущественным ростом крупных и миллионных городов, концентрацией населения в городских агломерациях. К моменту распада СССР в агломерациях было сосредоточено 4/5 горожан. Можно отметить и попытки ограничить рост больших городов и осуществить переход к единой плановой системе расселения с опорой на развитые города, что удачно осуществлялось в Литовской и Белорусской ССР. Для Советского Союза, как и для многих развивающихся стран, был характерен и процесс рурализации – насыщение городской культуры сельской, традиционной за счет мигрантов из села. Следует отметить, что темпы урбанизации в РФ (ранее РСФСР) были гораздо выше, чем в среднем по СССР. Городское население на конец 1991 г. составляло 109,7 млн. человек, или 74 %, а сельское – 39 млн., или 26 %. В 1926 г. в больших городах (свыше 100 тыс. чел.) проживало около 36% горожан, в 1959 г. – 49%, в 1999 г. – 67%. В 1999 г. в России было 285 больших городов. В период НТР особенно быстро росли миллионные города: в 1959 г. их было 3, в 1970 г. – 10, в 1980 г. – 20, 1999 г. – 22. С 1959 по 1999 г. их население возросло с 14,7 до 39,6 млн. человек, или с 10,1 до 22,3%

от городского населения страны. Сейчас по доле горожан (73%) Россия находится на среднеевропейском уровне.

До 90-х годов XX в. Россия была страной классической урбанизации: в ней увеличивалось городское население и сокращалось сельское. С начала 90-х гг. XX в., с выходом из СССР и переходом РФ к рыночной экономике наступает *четвертый этап* ее урбанизации с поворотом вспять. За последние 10 лет XX в. количество городских поселений сократилось более чем на 10%, численность городского населения на 3,5%, а доля городского населения на 0,9%. Это похоже на субурбанизацию в западном мире, когда преимущественное развитие получает ближайшее окружение городов. В России же признаки субурбанизации отмечаются вокруг Москвы, Санкт-Петербурга и ряда крупнейших городов, а в целом по стране наблюдается дезурбанизация, т.е. сокращение городов, горожан и их влияния на село, что связано с системным социально-экономическим и экологическим кризисом. С 90-х годов образование новых городских поселений практически прекратилось, и доля горожан сократилась в 44 регионах страны. Начался процесс «расползания» городов, роста и благоустройства в них сферы услуг, строительства элитного жилья; образовался характерный для мирового капитализма разрыв между богатством городов и бедностью деревни, произошла поляризация социальных слоев в самих городах, обострились проблемы общественного и социоприродного развития, особенно экологические и транспортные.

Это ведет к дисбалансу в развитии социальных и природных качеств населения, падению его здоровья, снижению рождаемости и даже *урбан-демографическому вымиранию населения*, что характерно для крупных городов и «городских стран». В результате в России средняя продолжительность жизни населения в 1990-2004 годах снизились с 70 до 64 лет, а у мужчин с 66 до 57 лет. При наличии сейчас на супружескую пару в среднем 1,3-1,4 ребенка это грозит снижением населения в 2 раза в течение примерно 40 лет, т.е. в 2050 г. в стране будет проживать 75-80 млн. человек. Становление рыночной экономики, социальное расслоение, новые потребности и интересы образовавшихся богатых и бедных слоев населения не только изменяют социальный облик России, но и трансформируют сложившуюся картину урбанизации и формирующейся на её основе техносферы.

Литература представлена в статье *Урбанизация*.

Урбан-демографическое вымирание населения – понятие, введённое в научный оборот и обоснованное автором в 1990 г. Это понятие отражает особые процессы в мировом развитии населения: по мере развития урбанизации, роста мегаполисов, особенно многомиллионных городов, заметно сокращается воспроизводство населения в них, усиливается его старение и вымирание. Если в земледельческом обществе женщина рожала в течение жизни 7-8 детей, то сейчас 2-3 ребёнка, а в городах – 1-2. Среди родителей-горожан однопородных сегодня гораздо больше, чем двухдетных. По подсчётам демографа В. Борисова, при сплошь однопородных семьях население уменьшается ровно наполовину через каждые 24 года, а при среднем числе рождений 1,5 ребёнка на семью – через каждые 53 года. Уже в годы советской власти в нашей стране в городах было 3 ребёнка на две семьи, и расчёты автора статьи показывали, что при такой ситуации количество горожан за два последующих столетия сократится на 94-95%, если не будет притока извне. Как известно, с переходом нашей страны на капиталистический путь развития демографическая ситуация резко ухудшилась: вымирание населения стало характерным не только для городов, но и для села, что связано с достаточно жёстким системным кризисом российского промышленно-городского общества.

К сожалению, современные демографы слабо изучают особенности урбанистического демографического развития и несколько искажённо преподносят демографические процессы, особенно их перспективы. Как известно, даже в развитом земледельческом обществе средняя продолжительность жизни не превышала 30 лет. При переходе к индустриальному развитию она составляла 30-35 лет. За последние два столетия индустриального развития она возросла в наиболее развитых странах в 2 и более раз и составляет 76-82 года; за это время в этих странах в процессе акселерации население «подросло» на 15-20 см и более, а число богатых и социально обеспеченных выросло примерно в 200 раз. Это позволяет специалистам делать заключение, что демографическая динамика в целом положительна. Снижение же рождаемости обусловлено в основном такими причинами: 1) нарастающими разводами супружеских пар; 2) конкуренцией социальных интересов

с наличием детей; 3) возросшими расходами на воспитание, общее и профессиональное образование детей; 4) социальной неблагоустроенностью; 5) ростом гражданских браков и рядом других, уже менее значительных, причин. В условиях индустриального и постиндустриального развития основной причиной, которая проявляет себя и как быстро нарастающая тенденция, являются процессы урбанизации и техносферизации планеты Земля, переход населения из естественных, биосферных условий жизни в искусственные, техносферные. На протяжении сотен тысяч лет биосферного развития совершенствовалось на основе естественного отбора тело человека, и, попав в новые, комфортные условия жизни, начался процесс акселерации и заметный рост средней продолжительности жизни *homo sapiens*. В России в конце XIX века умирало до 5 лет 43% детей, а средняя продолжительность жизни составляла 33-34 года. Победа социальных (включая и медицинские) условий жизни привела к тому, что сейчас умирает до 5 лет менее 2% детей, но, вместе с тем, практически исчезает естественный отбор. Выход человека из жёсткого биосферного отбора, из сферы физического труда, уменьшение физической нагрузки примерно в 10 раз, формирование опасной для жизни техносферы, ухудшение состояния воды и нарастающее производство некачественного питания – всё это привело к тому, что человеческое тело и его функциональные системы стали разрушаться, на человечество «обрушились» так называемые цивилизационные болезни. Только за последние 30 лет XX века из-за разрушения иммунной и других систем заболеваемость населения увеличилась в 2,5 раза, а онкологическая заболеваемость возросла в городах более чем в 2 раза. Разрушение репродуктивно-половой системы в развитых странах привело к тому, что каждая десятая семья становится бесплодной, каждая вторая женщина при рождении ребёнка нуждается в проведении «кесарева сечения». Биологическая жизнь человека уже поддерживается не биосферной, а техно-социальной инфраструктурой.

Если рушатся созданные техногенным обществом инфраструктурные условия жизни, то и быстро разрушается человеческое тело. Это особенно ярко видно на примере нашей страны, когда переход к капитализму привёл к разрушению созданных социально-экономических условий жизни. За полтора

десятилетия средняя продолжительность жизни в стране сократилась на 5-6 лет, состояние здоровья молодёжи упало на 60%, её интеллектуальный уровень переместился с 3-го места в мире на 46-е, россияне стали на 1,5 см ниже ростом. За годы капиталистических «перестроек и реформ» (20 лет) инвалидность населения выросла в 2 раза, а детская – в 3 раза.

Городской техногенный прогресс в сочетании с эгоистически капиталистическим развитием, с отсутствием элементарной заботы о людях и особенно детях, приводит к катастрофическим последствиям. Это хорошо видно на примере Калининградской области, где бизнес прямо-таки на каждом шагу пожирает людей, особенно детей. Всего за четыре года (2004-2007) количество заболевших детей увеличилось на 17%, у них стали чаще встречаться новообразования – на 83%, врождённые заболевания – на 45%, ухудшение зрения – на 48%. Подросткам в 3 раза чаще стали ставить диагноз «анемия», в 2,5 раза – «психическое расстройство», в 2 раза – «болезнь органов кровообращения», в 1,7 раза – «новообразование»; количество травм и отравлений выросло в 3 раза. Не случайно в Калининграде, до предела наполненного нерешаемыми социальными проблемами, средняя продолжительность жизни составляет 62 года: на 3 года меньше, чем в России, на 10 лет меньше, чем в Литве и на 13 лет меньше, чем в Польше. Катастрофическое ухудшение природной среды и условий жизни в городах и техногенных цивилизациях, рост болезней и бесплодия, деградация биосферы и трансформация человека с потерей его былых природных качеств наряду со многими другими факторами свидетельствуют о дальнейшем нарастании урбан-демографического вымирания населения в XXI и последующих веках.

Лит.: Демиденко, Э.С. Урбанизация: концепция и политика городского развития / Э.С. Демиденко. – М.-Брянск, 1992; Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003; Демиденко, Э.С. Урбанизация села и техно-ноосферные перспективы земледелия / Э.С. Демиденко. – Брянск, 2005; Демиденко, Э.С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни / Э.С. Демиденко. М.-Брянск, 2006; Демиденко, Э.С. Быт и семья в советском обществе / Э.С. Демиденко. М.-Брянск, 2007.

Урбанистическая маргинализация – понятие, введённое автором в 1992 г. и обозначающее коренные социокультурные изменения граждан при переходе из традиционного сельского поселения в крупногородское. Урбанистическая маргинализация особенно ярко проявилась в XX столетии в связи с массовым переходом сельского населения в города. За это столетие городское население в мире возросло с 220 млн. до 3 млрд. человек, что составило около половины населения планеты. Естественно, массовый перелив вчерашних крестьян в города не мог не сказаться на изменениях в профессиях, привычных занятиях, обычаях, устоявшемся сельскохозяйственном образе жизни и культуры и т.п. Такая социокультурная дезадаптация имела свои отрицательные последствия, особенно в неукоренённости людей в мире горожан и их образе жизни. Урбанистическая маргинализация приобрела глобальный характер, затронула большинство семей в XX веке, поскольку не только переселенцы в города перешли к новым формам социальной и культурной жизни, но и оставшиеся сельские жители стали осваивать городские формы жизни и культуры, всё более и более переходя к индивидуальной автономии. В развивающемся техногенном обществе значительно увеличилось число низкостатусных и не интегрированных в социальную структуру индивидов. Не случайно во второй половине XX века понятие «маргинала» выходит за пределы культурной маргинализации и в европейской социологической мысли чаще всего трактуется как группы людей (или индивиды), находящиеся «на обочине общества» (от *лат. margo* – край, *позднелат. marginalis* – находящийся на краю). Это те, кто не вписался в ролевую структуру общества, их социокультурных институтов: низкоквалифицированные и низкооплачиваемые работники, прибывшие из села и периферии городов (трудовые мигранты, «гостевые рабочие» или «гастарбайтеры», лица с нереализованными статусными ожиданиями, безработные, бездомные бродяги и т.п.).

Социологи отмечают, что существование маргинализированных групп и отдельных индивидов, вышедших из села, представляет собой в городах неотъемлемую часть любого общества. Более того, отсутствие таких групп характеризует тоталитарные или диктаторские режимы, а либеральное общество должно, прежде всего, быть обеспокоено тем, чтобы предоставить правовые гарантии

и социокультурные механизмы интеграции для маргиналов. Это далеко не так. Так называемые «западные демократии» в принципе не могут решить эту острейшую проблему, поскольку «демократия денежного мешка» заинтересована в обездоленных слоях как поставщиках дешёвой рабочей силы, в получении прибылей и сверхприбылей. Ярким подтверждением является изменение положения населения и обездоленных в нынешней России. С разрушением социализма и социалистической экономики сразу же появились миллионы обездоленных в городах, которым стало нечем поддерживать свою жизнедеятельность и жизнь своих детей. Если в советской России в детских домах было 50 тыс. детей, то в 2005 г. в нашей стране их стало уже свыше 700 тысяч. К этому следует добавить миллионы беспризорных и безграмотных детей, теряющих своё здоровье и становящихся детскими инвалидами. Число последних растёт в стране гораздо быстрее, чем взрослых.

Лит.: Демиденко, Э.С. Урбанизация: концепция и политика городского развития / Э.С. Демиденко. – М.-Брянск, 1992.

Человек биосферный, природный – понятие, которое введено в 1993 г. Э.С.Демиденко для обозначения homo sapiens (неандерталец, кроманьонец), который рожден биосферой и сформировался как биосоциальное существо. В связи с техногенным развитием мира биосферный человек трансформируется, теряя природные свойства и приобретая гипертрофированные социальные и техногенные, превращаясь, по сути, в *техносферного человека*. См. подробно: *Глобальная трансформация человека*.

Человек техносферный – понятие, которое введено в 1993 г. Э.С.Демиденко для обозначения трансформирующегося *биосферного человека* под воздействием техногенного развития: человека, интегрирующегося с техникой и техносферой и приобретающего новые качества, способного активно жить и работать в условиях особого типа социальной инфраструктуры – техносферы. См. более подробно: *Глобальная трансформация человека*.

Эра ноозоя – понятие, введенное автором в научный оборот в конце XX в. для обозначения первой эры постбиосферного земного мира. По расчетам автора, в XIX-XX веках уничтожена треть

активных частей биосферы, треть биоты. Известный эколог Н.Ф.Реймерс считает, что за всю историю развития человечества биосфера (ее активные части) сократилась на 40%. Уничтожение биосферы и ее энергетики идет примерно в 10 раз быстрее, чем восстановление их биоорганизмами. В 30-35 раз быстрее, чем в доиндустриальную эпоху, идет разрушение почв – основы жизни микроорганизмов, растений и животных на суше. Эти и многие другие факты говорят о том, что на смену эре кайнозоя как последней эре биосферного развития Земли (70 млн. лет) приходит иная эра, эра уже постбиосферной жизни, которую можно назвать эрой ноозоя (от понятия «ноосфера»).

Действительно, в настоящее время, по расчетам В.П.Казначеева, 12-15% земли материков (а в Европе до 60%, в отдельных странах до 80%) находится в управлении человека, подчинено его нуждам. Речь идет уже не об отдельных формах животных, растений, насекомых, а целых ландшафтах, биоценозах, крупных биомах. В.П.Казначеев делает вывод, что «переход биосферы в ноосферу означает, что человечество как планетарное явление в социальной и естественной истории планеты принимает на себя всю полноту ответственности за дальнейшую эволюцию биосферы. Оно также берет на себя ответственность за собственную биосоциальную эволюцию» [3, с.221-223]. Если для перехода к эре кайнозоя понадобились многие миллионы лет, то эра ноозоя в своих основных чертах установится уже в третьем тысячелетии, настолько быстро трансформируется жизнь на Земле под воздействием современного общественного развития в результате роста населения, его потребностей и их удовлетворения на основе НТР. См. подробнее: *Глобальная эволюция жизни*.

Лит.: Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М., 2002; Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С. Демиденко. – М., 2003; Демиденко, Э.С. Ноосферный переход жизни на Земле / Э.С. Демиденко // Брянскому государственному педагогическому университету 70 лет. – Брянск, 2000; Казначеев, В.П. Учение В.И. Вернадского о ноосфере в связи с современными проблемами экологии человека / В.П. Казначеев // Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. – М., 1990. – Т.1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский, В.И. Живое вещество / В.И.Вернадский. – М., 1978.
2. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И.Вернадский. – М., 1988.

3. Казначеев, В.П. Учение В.И. Вернадского о ноосфере в связи с современными проблемами экологии человека / В.П. Казначеев // Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. – М., 1990. – Т.1.
4. Кочергин, А.Н. Влияние глобальных проблем на методологию анализа современных социальных проблем / А.Н. Кочергин // Актуальные проблемы социальной философии. – М., 1998.
5. Кутырев, В.А. Разум против человека / В.А.Кутырев. – М.-Н. Новгород, 1999.
6. Маркс, К. Сочинения: 2-е изд. / К.Маркс, Ф.Энгельс. – Т.23.
7. Степин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – №10.
8. Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. – М., 1990. – Т.1.

А.Е. БОБРОВСКИЙ

ЗАГРЯЗНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ПРОБЛЕМ ТЕХНОГЕННОГО МИРА

Одной из самых актуальных тем обсуждения встающих перед современным ученым – не только философом, но и представителем естественных наук, социологом, экологом, – является вопрос увеличения и усложнения связей между природной средой обитания живого на планете – биосферой и искусственно созданной человеком – техносферой. Возрастание напряженности этих связей, сложность их сопряжения в единой целостности, многообразие острых углов, выявляющихся при попытках такого сопряжения – все это на фоне глобализирующегося техногенного общества XXI века заставляет активно полемизировать представителей практически всех отраслей знания в попытке найти выход из общемирового техногенного кризиса.

При взгляде на мировую историю нельзя не удивиться тому, как быстро (в исторических масштабах) человек создал свою цивилизацию и насколько всеобъемлющей, глобальной она стала.

В атмосфере постоянно перемещаются тысячи летательных аппаратов. На суше наряду с естественными сообществами множества разнообразных живых организмов (в том числе и самого человека) простираются пространства возделанных земель и искусственных ландшафтов. Построено огромное число населенных пунктов, сооружений, дорог с искусственным покрытием, железных дорог и других коммуникаций с множеством линий электропередачи и воздушно-проводной связи. Массы перемещенных, обработанных и

преобразованных минералов – камня, глины, асфальта, бетона, стекла, металлов – образуют многочисленные скопления на поверхности планеты. Значительное количество различных топок, труб, реакторов, машин, механизмов, преобразователей энергии заполняют планетарную среду химическими, тепловыми, электромагнитными, радиационными и акустическими эмиссиями. В разных направлениях и с разными скоростями по земле и морям перемещаются миллионы различных транспортных средств. Постоянно происходят большие и малые аварии, раздаются взрывы, звучат выстрелы. По земле разбросаны многочисленные отвалы пустой породы, терриконы, свалки, развалины. В земле скрыты горные выработки, шахты, рудники, скважины, сети кабелей и трубопроводов. Океан тоже содержит множество искусственных предметов - от плавающего мусора до гигантских танкеров, авианосцев, подводных лодок. На континентальных водоемах - плотины, водохранилища и другие гидросооружения; бассейны рек испещрены каналами и оросительными системами. Все перечисленное уже никак не назовешь частью биосферы, это абсолютно новая среда, которая и получила название техносферы – «формирующейся в результате техногенного развития человечества и составляющая одну из глобальных оболочек Земли системной целостности, охватывающей материальные объекты и процессы, которые появились в результате прямого (целенаправленного) или косвенного изменения человеком биосферы и неживого вещества Земли» [9, с.66-67]. И развивается эта среда уже не по исконно-природным, сложившимся за миллионы лет принципам, а по своим собственным, основой которых являются процессы техногенеза, то есть «совокупности процессов технико-технологического генезиса... базисом которого являются техника и технологии, оказывающие воздействие на земную систему, включая социум, биосферу и человека»[4, с 29-30]. В результате развития техногенеза все мировое сообщество, его институты и технико-технологический потенциал объединяются общими и все усложняющимися связями. Наука, обогащаясь новыми знаниями, двигает вперед технику, та заставляет развиваться технологии, человек, как носитель знания и творец, создает все новые технико-технологические комплексы – индустриальные, строительные, энергетические, агропромышленные, добывающие. Производство как один из важнейших элементов

техногенных связей на фоне общего увеличения народонаселения Земли становится приоритетным аспектом мирового развития, что влечет за собой ряд проблем. Одной из таких проблем, в настоящее время привлекающим к себе все большее внимание общественности, являются отходы разных форм жизнедеятельности населения – не только производства, но и сферы услуг, быта и других.

Производство мусора не является уникальной особенностью человека. Любая жизнь обязательно включает в себя обмен веществ, в ходе которого во внешнюю среду неизбежно выделяются отходы. Они не только не нужны данному организму, но и, как правило, вредны ему: мало кто в живой природе может успешно существовать среди продуктов собственного метаболизма. Так дрожжи, например, по мере накопления в питательной среде производимого ими спирта прекращают размножение, а затем и вообще всякую жизнедеятельность; рыбы и головастики под действием собственных выделений замедляют рост и т. д. Однако в естественных системах то, что для одного – отход, для другого – ценный ресурс. Здесь на любые отбросы всегда найдется специализированный потребитель (как жуки-навозники, которые «прибирают» за копытными, или муравьи, слизывающие медвяную росу – избыток сахаров, выводимых из организма питающейся тли). Менее очевидна малозаметная и почти непрерывная работа грибов и бактерий, превращающих астрономическое количество ненужной органики (в том числе такой трудной для разложения, как, например, целлюлоза) в минеральные вещества - «пищу» для зеленых растений. Человек же, заняв главенствующее положение в живом мире планеты, не умеет утилизировать не только чьи-то чужие отбросы, но даже с отходами собственного производства не всегда в состоянии справиться. Со времен неолита, когда он осел на земле и обзавелся жилищем, вокруг его поселений стали образовываться мусорные кучи. Сначала это не особо сказывалось на жизни людей: черепки от битых горшков или обломки кирпичей могли тысячелетиями лежать на свалках, практически не взаимодействуя с окружающей средой. А медь и бронза были слишком дороги, чтобы попадать в отбросы в скольконибудь значительном количестве. Поэтому проблемы вызывали не «высокотехнологичные» материалы, а органика – пищевые отбросы и экскременты. Начиная с какого-то момента, самые крупные поселения стали производить их быстрее, чем различные ми-

кроорганизмы, насекомые и другие утилизаторы отходов успевали их разлагать. Приходилось удалять их из обитаемого пространства. Главные города древнейшей (доарийской) индийской цивилизации – Хараппа и Мохенджо-Даро – уже обладали канализацией; позднее она стала непременным атрибутом любого древнего мегаполиса, от Вавилона до Рима, равно как и городские свалки, служившие местом складирования твердых отходов. Без каких либо глобальных планов утилизации отходов человечество плодило свалки вплоть до середины XX века, когда ситуация резко изменилась.

Большие города стали стремительно расти, но еще быстрее росло производство отходов на душу населения: складывавшееся в Европе и Америке капиталистическое общество было основано на непрерывном росте материального производства. Однако любая произведенная вещь рано или поздно становится отходом, а нацеленность общества того времени на новизну предписывала избавляться от старых вещей задолго до их физического обветшания. Вдобавок именно в это время в повседневный обиход жителя развитых стран широким потоком хлынули изделия из полимеров: сначала резина и эбонит, затем капрон, а следом за ними – великое множество пластиков. В отличие от большинства традиционных материалов, полимеры не гниют, не ржавеют, а если и окисляются атмосферным воздухом, то только в тонком поверхностном слое. Таким образом, резкий взлет производства мусора сопровождался значительным замедлением его разложения. Горы отходов стремительно росли, а свободной земли (особенно в ближайших окрестностях мегаполисов) становилось все меньше.

В 1972 году супруги Медоуз и Йорген Рандерс представили Римскому клубу свой доклад «Пределы роста» – сценарий социально-экономической судьбы человечества в случае сохранения наблюдавшихся в то время тенденций. Сценарий был неблагоприятным: при любых конкретных значениях рассматриваемых параметров цивилизацию ждал скорый крах. К нему вели два основных механизма: истощение природных ресурсов и неконтролируемый рост отходов.

Стало очевидным, что возможности традиционного способа обращения с мусором исчерпаны до отказа [8]. В современном мире существует два основных способа утилизации бытовых и промышленных отходов. Один из них – захоронение мусора на

специальных участках, вынесенных за пределы мегаполиса. Такие места уже сложно назвать просто свалкой: это своего рода ферментеры, промышленные установки, на которых использованные в послуживших человеку вещах материалы возвращаются в естественный геохимический круговорот веществ. Этот процесс максимально отделен от окружающей среды: мусор лежит на водонепроницаемой подложке, окруженной кольцевым желобом, куда стекают (и откуда поступают на очистку) образующиеся в ходе разложения жидкости. Хранилище разделено на отсеки (карты), каждый из которых по заполнении закрывается землей, под которой его содержимое будет перепревать. Толща мусорной массы пронизана трубами, отводящими образующийся при разложении органики биогаз (метан) [3]. Стоимость подобного сооружения весьма высока, однако трудности здесь создает не столько цена, сколько отношение к самой проблеме мусоропереработки.

Сфера отходов – это своеобразный рынок с отрицательной стоимостью: на нем поставщик «товара» платит получателю, чтобы тот его забрал. Поскольку самому получателю «товар» тоже не нужен, у него всегда есть соблазн взять деньги, не выполнив обязательства, свалив вывозимый мусор где-нибудь в укромном месте. Поэтому чисто рыночные механизмы приходится дополнять мерами контроля, позволяющими на каждом этапе удостовериться, что «продукт» доставлен куда следует. Система сбора и вывоза мусора – многоступенчатая, и контролировать нужно каждый этап. Понятно, что там, где начинается строгая отчетность, кончаются гибкость и экономическая эффективность. Но самая большая проблема захоронения отходов состоит в том, что даже компостируемый, обеззараженный, отдавший значительную часть своей массы в виде фильтрата и газа, многократно уплотненный мусор занимает все-таки слишком много места. Причем занимает его навсегда: хотя современные технологии позволяют через некоторое время после закрытия свалки рекультивировать ее, освобожденная таким образом земля останется невостребованной, потому что соседство со свалкой (пусть и оборудованной по последнему слову экологической безопасности) снижает цену недвижимости на прилегающих территориях. Между тем в Европе и наиболее населенных районах США безлюдных территорий практически не осталось,

кроме разве что природных парков и охранных зон питьевых водоемов, где никто не позволит устраивать свалку. Тем более свободных мест нет в непосредственной близости от мегаполисов и крупных городских агломераций - главных производителей отходов. Старые хранилища заполняются слишком быстро, а находить места для новых становится все труднее. Поэтому появление мусоросжигающих заводов (МСЗ) как альтернативного варианта борьбы с замусориванием планеты было встречено с большим энтузиазмом. Действительно, такой завод не требует отвода все новых и новых земель: он занимает ограниченную площадь. Кроме того, большую долю городского мусора составляют горючие материалы: пластик, бумага, древесина и ее производные (фанера, ДСП), тряпки, пищевые отходы.

В 1980-1990-е годы МСЗ стали стремительно расти по всей Европе, и почти с той же скоростью росли порождаемые ими проблемы. Оказалось, что очистительный огонь бессилён обезвредить тяжелые металлы: они остаются токсичными во всех своих соединениях, а при сжигании часть их может перейти в летучую форму. Сожжение мусора может и само породить чрезвычайно опасные яды. Например, диоксины, для которых не удалось определить безопасных концентраций, образуются в результате неполного окисления хлорорганики или смеси органических соединений с хлорными. Между тем современный городской мусор всегда содержит немало хлора в виде хлорор-ганических пластиков и остатков различных химикатов, включая обычную соль. Гарантировать же полное сгорание при сжигании бытовых отходов трудно: состав этой субстанции чрезвычайно разнообразен, а влажность – весьма высока. И, что самое худшее, и то и другое изменяется в очень широких пределах [2, с.6-8]. Чтобы обеспечить оптимальный процесс горения, приходится применять кислородный поддув, а в сезон максимального потребления овощей и фруктов, когда содержание воды в отходах резко возрастает, применять для просушки природный газ. А чтобы выбросы МСЗ в атмосферу соответствовали нормам экологической безопасности (поскольку располагать подобные сооружения приходится в непосредственной близости от городов), на таких заводах приходится ставить очень мощные системы очистки

отходящих газов. Из-за всего этого себестоимость схемы мусоросжигания оказывается на порядок выше, чем у самых современных и дорогих схем захоронения. Построить МСЗ, способный сжигать в год 300 тысяч тонн отходов (минимальная оценка того, что производит город с населением в 1 миллион), стоит примерно 125 миллионов долларов; еще около 12 миллионов составляют ежегодные эксплуатационные расходы [6, с.17-21].

С этими затратами можно было бы смириться, если бы МСЗ в самом деле решали проблему. Но даже самое интенсивное высокотемпературное сжигание не может уничтожать бесследно. Остающиеся после сгорания мусора шлаки составляют почти треть его исходной массы. И эти шлаки тоже надо где-то «размещать» (то есть хоронить). Таким образом, МСЗ не исключает навсегда полигоны для захоронений. Сегодня в развитых странах МСЗ по-прежнему работают, но их популярность сильно снизилась: они уже не кажутся радикальным выходом из мусорного кризиса. Во Франции, например, сейчас действуют 112 МСЗ, но общий объем сжигаемого на них мусора – всего 4,5 миллиона тонн (около 10% всех образующихся в стране отходов). В Финляндии такой завод один: жгут на нем только отходы, для которых технологии переработки либо отсутствуют, либо требуют неприемлемых затрат. Опубликованный в конце 2006 г. «Парижский меморандум» – итоговый документ международной встречи врачей, большинство на которой составляли онкологи, – призывает ввести мораторий на строительство новых МСЗ [5, с.74-76].

Одним из вариантов борьбы с мусорным кризисом является метод отдельного сбора бытовых и промотходов. По оценкам специалистов «Гринпис», 35-45% городского мусора составляют материалы, извлечение и переработка которых может быть экономически прибыльной или, по крайней мере, безубыточной (здесь речь идет о весовых долях; что же касается объема отходов, то, по оценкам некоторых специалистов, одно только отделение бумаги и картона от общего потока мусора снизит эти объемы на 40%). Еще около 30% – пищевые и иные биоразлагаемые отходы, которые можно превращать в компост и биогаз, компенсируя таким образом хотя бы часть затрат на их утилизацию. И только 20-30% образуют

соединения, которые не поддаются утилизации [1, с.32-39]. Таким образом, организовав на муниципальном уровне отлаженную систему раздельного сбора мусора – пластики к пластикам, макулатура к макулатуре, стекло к стеклу и т.д. – и создав необходимое количество перерабатывающих предприятий, можно добиться ощутимых результатов не только в борьбе с глобальным замусориванием, но и увеличить объем сырья, пускай и вторичного, на производственных площадках. Однако подобная практика сталкивается со своими трудностями, главной из которых является отсутствие необходимого отношения у жителей мегаполисов к процессу сбора мусора. Из-за сложности организации слаженного взаимодействия властей, коммерческого сектора и общества, раздельный сбор мусора явление не очень распространенное.

Таким образом, вследствие своей техногенной деятельности человек формирует измененную окружающую среду (в отличие от «неизменной» допроизводственной природы), что выражается в неуклонном сокращении количества естественного вещества, вовлекаемого в производственные процессы, и ростом числа новых, искусственно создаваемых элементов, которые в значительной степени изменяют естественный химический состав природной среды, а так же ее физические свойства. Существуют различные оценки опасности отходов, загрязняющих планету и околоземное пространство. По разным критериям опасности только химического и бактериологического загрязнения почвы и грунтов ежегодно в мире образуется от 1 до 1,5 млрд. т вредных производственных и 400-450 млн. т вредных твердых бытовых отходов. Наиболее опасны те токсичные вещества, которые и геохимически, и биохимически достаточно активны и могут попасть в питьевую воду или в растения, служащие пищей для человека и сельскохозяйственных животных. Это в первую очередь соединения тяжелых металлов, некоторые производные нефтепродуктов – полициклические ароматические углеводороды (ПАУ) и соединения типа диоксинов, а также разнообразные синтетические яды – биоциды. Кроме них, в связи с определенной вероятностью технических аварий, террористических актов и вооруженных конфликтов, чрезвычайно высокую опасность представляют боевые отравляющие вещества и радионуклиды [7]. В

настоящее время уже практически нет сомнений в том, что здоровье людей напрямую связано с состоянием окружающей среды. Сама же окружающая среда все более интенсивно меняется под воздействием техногенных факторов в процессе становления техносферы и увеличения влияния человека на природу. Новые технологии, занимая глобальное положение в антропогенном мироздании, не только облегчают существование человечества, но и формируют среду, в которой оно вынуждено существовать. Являясь наследием машинного прогресса, стимулируемые интересами коммерческих прибылей, эти технологии часто носят антигуманный характер, что проявляется в наглядной роботизации человеческой физиологии, глобальном росте информационной зависимости человечества от средств вычисления и недостаточном влиянии коэволюционно-экологических принципов развития по сравнению с технико-экономическим прогрессом, основанным на немедленной и реальной прибыли. Текущая экологическая ситуация на планете говорит о ненадежности систем управления современным социумом, его локальным и стратегическим развитием. Характер этого развития по ряду ключевых параметров является критическим, например, по росту народонаселения, темпам нарастания потребления продуктов питания и энергии на душу населения, темпам загрязнения окружающей среды различным мусором, ядохимикатами, вредными газами, продуктами деятельности химических и радиохимических предприятий, росту мирового объема вносимых химических удобрений и др.

Кроме того, следует отметить, что создаваемое человечеством пространство новых технологических функций или топология функций социума крайне неоднородны, что требует более совершенной системы управления. Возникает всеобщая проблема - выработка стратегии безопасного развития в условиях нелинейного взаимодействия как между биосферой и обществом, так и внутри общества. Для этого человечество должно знать, почему оно появилось на конкретном этапе эволюции биосферы, какие закономерности эволюции оно унаследовало и должно наследовать, какова его функциональная задача на Земле, в чем специфика его развития и каковы правила коэволюции с природой. Основу решения

такой проблемы составляют знания о ключевых параметрах эволюции биосферы и социума, объединенные единым философски осмысленным методом познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Н.Ф. Перспективы селективного сбора твердых бытовых отходов Москвы / Н.Ф.Абрамов // Чистый город. - 1998. - №1.
2. Эскин, Н.Б. Анализ различных технологий термической переработки твердых бытовых отходов / Н.Б.Эскин, А.Н.Тугов, А.Н.Хомутский и др. // Энергетик. - 1994. - N 9.
3. Брылев, С.Н. Выбор оптимальных способов утилизации и обезвреживания твердых бытовых отходов / С.Н.Брылев // Электронная промышленность. - 2006. - №1.
4. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности \ Е.А.Дергачева. – Брянск, 2005.
5. Крельман, Э.Б. Переработка твердых бытовых отходов / Э.Б.Крельман // Мир науки, техники и образования. - 1995. - №1-2.
6. Оценка технологий переработки твердых отходов / И.Е.Илларионов, В.А.Тарасов, В.Г. Ковалев и др. // Известия Инженерно-технологической Академии Чувашской республики – 1998. - № 8-11.
7. Мамедов, Н.М. Экология: Учебное пособие / Н.М.Мамедов, И.Т.Суравегина. – М.: Школа-Пресс, 1996.
8. Медоуз, Д. За пределами роста / Д.Медоуз. – М.: Прогресс, 1992.
9. Попкова, Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты / Н.В.Попкова. – М.: ИФ РАН, 2004.

Е.А. ДЕРГАЧЕВА

ПРОЦЕССЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОГЕНЕЗА

На рубеже XX-XXI веков в понимании развития техногенных общественных систем возрастающее влияние приобретают наука и информация, информационно-коммуникативные технологии, доминирующее распространение получает сфера информационных услуг. Многие ведущие отечественные и зарубежные исследователи рассматривают современный этап общественного развития как постиндустриальное общество, делая особый акцент на знаниях, особенно научных, и тенденциях их развития в будущем. Определим

соотношение техногенного общества с процессами формирования индустриальной и постиндустриальной общественных систем.

Термин «индустриальное общество» был введен в научный оборот А.Сен-Симоном в XIX веке и впоследствии употреблялся в социологических исследованиях О.Конта, Г.Спенсера, Э.Дюркгейма. И если в работах А.Сен-Симона и его последователей индустриальное общество рассматривалось как промышленное и противопоставлялось феодализму, то авторы 50-60-х годов XX века формулируют индустриализм с точки зрения его отличий от последующего типа общества – постиндустриального. Теория индустриализма наполнилась новым содержанием в работах Р.Арона и У.Ростоу, которые рассматривали крупномасштабные технико-технологические трансформации, произошедшие в результате промышленной революции, в качестве основных детерминант социально-экономического прогресса.

В дальнейшем на базе социальных противоречий индустриализма в 60-х годах XX века возникает теория постиндустриального общества, основателем которой является Д.Белл. Так, Д.Белл подчеркивает, что капитал и труд являются основными составляющими индустриального общества, в то время как информация и знание – постиндустриального, которые и определяют социальные изменения. В индустриальном обществе происходит разрыв с традиционностью прошлого, демократизация общественной жизни, усиление процессов индустриализации, урбанизации и рационализации, отделение собственности от управленческих процессов, укрепление власти «техноструктуры» - ученых и специалистов, изменение образа жизни, культуры населения, рост социальной мобильности.

Концепция постиндустриализма основывается на эволюционной смене доиндустриального, аграрного общества индустриальным, а в последствии – постиндустриальным, в котором ускоренное развитие получают сектор услуг и информации, относительно снижается роль материального производства, а центральную роль в социальном прогрессе приобретают теоретические научные знания и их кодификация, изменяются мотивы и стимулы человеческой деятельности, повышается значимость квалифицированного труда и образования, возрастает личная свобода индивида, изменяются ценностные ориентиры личности. По аналогии с Д.Беллом

О.Тоффлер выделяет первую, вторую и третью волны цивилизации, определяя последнюю как наступление «супериндустриального общества». Постиндустриальное общество возникает в наиболее индустриально развитых странах Запада в 70-80-е годы XX века. На рубеже XX-XXI веков в проблематике постиндустриализма происходит смещение акцента в область исследований по глобализации, комплексного видения будущего социума и природы. По нашему мнению, развиваемая в постиндустриальных теориях идея экспансии производства услуг и информации, основу которых составляют совершенствование технологий, их сциентизация, экономическая рыночная рационализация и интеллектуализация, лишь усиливают техногенность развития в постиндустриальных общественных системах в направлении не «пост-» (преодоления индустриализации), а «сверхиндустриализации», то есть дальнейшего качественного усложнения индустриального развития и его производственного потенциала. Поэтому правильнее было бы назвать такое общество высокоиндустриальным.

Так, Д.Белл среди основополагающих тенденций научно-технического прогресса называет замену механических, электрических и электромеханических взаимодействий, на которых была основана техника индустриального общества, электронными технологиями; миниатюризацию, то есть масштабное сокращение размеров производственных элементов при колоссальном возрастании их производительности; переход к цифровым методам хранения и обработки информации; производство программного обеспечения, которое открывает значительные возможности в создании «высоких технологий», затрагивает самые разные аспекты производства и жизнедеятельности человека. Он выделяет три технологические революции, обуславливающие технологические прорывы и способствующие изменению социальных структур общества. Первая, индустриальная революция связана с использованием энергии пара и становлением индустриализма, вторая – освоением электричества и достижениями в области химии, третья знаменует интенсивное развитие информационных технологий и переход к постиндустриализму [1, с. CV-CV]. С нашей точки зрения, последовавшие за промышленной три технологические революции (причем Д.Белл не называет научно-технической, указывая лишь на ее продолжение – информационную революцию)

осуществляются по пути усложнения техногенеза, становления глобального техногенного общества и земного мира, и каждый новый виток в технологиях еще более техно-ноосферизирует земную действительность, создавая искусственное бытие.

В.Л.Иноземцев, видный исследователь постиндустриализма, указывает на противоречие тезиса Д.Белла о трех технологических революциях основам разрабатываемой им теории, подчеркивая, что если сопоставлять технологические революции с этапами индустриализма и постиндустриализма, существенных социальных трансформаций после второй технологической революции не происходит, поэтому «членение человеческой истории на сколько-нибудь значимые периоды (эпохи) может быть продуктивным, если обращаться к революциям социального характера в качестве границ, а никак не технологического». И далее он отмечает: «Переоценка значения относительно частных технологических проблем и попытка построить на исследовании таковых периодизацию, выявляющую подлинное значение современного периода, представляется способной если не разрушить, то в значительной мере подорвать внутреннюю целостность постиндустриальной доктрины» [3, с .LXV -LXVI]. В.Л.Иноземцев указывает на внутреннюю противоречивость понятия «постиндустриальное общество», подчеркивая, что такое определение относится только к экономике [4, с.35]. В свою очередь В.А.Колпаков также отмечает недостаточную содержательность понятия «постиндустриальное общество», считая определение «общество знания» более подходящим для трактовки перемен, произошедших после периода индустриализма в странах Запада [6, с.26]. Таким образом, *даже сторонники постиндустриальной теории указывают на неоднозначность ее дефиниций и отличительных характеристик.*

Анализируя концепцию постиндустриализма и взгляды ее теоретиков, И.И.Кравченко обращает внимание на изменения в социальной динамике и прогрессистские установки в формирующемся обществе, нацеленность его на преодоление экологических кризисов индустриальной эпохи, выработку действенных методов общественного развития и управления ими, достижение целей благоденствующего, подлинно человеческого общества, концентрации на человеке, его активности, как цели развития, а не только как ресурсе [7, с.12-16]. Действительно, многие

современные исследователи, особенно зарубежные, связывают выход из экологического кризиса, сопутствующего индустриальному развитию, с сокращением промышленных выбросов и антропогенного воздействия в целом на биосферу, которое возможно будет достигнуто в постиндустриальном обществе. В то же время современное постиндустриальное развитие на Западе и в Японии этого не подтверждает. Так, население США, составляя всего лишь 6% населения мира, потребляет примерно 40% мировых естественных природных ресурсов, при этом производит около двух третей всех загрязнений на планете. Таким образом, складывается ложное впечатление, что как только человечество перейдет к постиндустриализму, то будет решена экологическая проблема и общество возвратится на устойчивый путь эволюционного развития. Критическое рассмотрение тенденций современного постиндустриального развития значительно сужает радужные перспективы такого общества в контексте достижения консенсуса в социоприродных взаимоотношениях, действенного решения социально-экономических проблем. Пока что мы не наблюдаем в западных странах значительных ограничений научно-технического разума, который эволюционирует в направлении уничтожения биосферного мира, повышения объема производимых и потребляемых благ и всеобщего потребительства, возрастания относительной бедности в развитых странах ввиду сокращения спроса на недостаточно квалифицированную рабочую силу и замещения ее технической энергетикой, а решение социально-экологических проблем осуществляется за счет перебазирования промышленных производств в развивающиеся страны.

Так, В.Г.Федотова вполне обоснованно указывает на ряд дискуссионных аспектов концепций, развиваемых сторонниками постиндустриализма. Она отмечает, что «имеется некоторая негативность всех определений, которые достигаются посредством приставки «пост-». Называя постиндустриальное общество постэкономическим, посткапиталистическим, постсовременным и наделяя новыми чертами, отрицающими индустриализм, исследователи в меньшей мере интересуются их преемственностью. Признавая многогранность характеристик будущего, она констатирует, что его очертания «пока еще не позволяют дать ему меньший набор применяемых названий, чем мы сегодня имеем». И

речь должна идти не о конкуренции концепций, которые отражают отдельные важные аспекты проблемы, а о накоплении информационной базы о текущих и перспективных трансформациях в обществе, тем более что выбор описательных категорий для отображения социальных изменений зависит от целей исследования, будь то информационное или постиндустриальное общество [10, с.11-13]. И *такой объединяющей концепцией, по нашему мнению, должна стать теория техногенного общественного развития*, рассматривающая социальные и природные процессы в единой системе на фоне разворачивающегося глобального процесса постбиосферной трансформации земной жизни.

В свою очередь Ю.В.Яковец отмечает, что цивилизационный кризис конца XX века в системе «общество-природа» способствует созданию условий для эпохальных и базисных инноваций и становления *гуманистически-ноосферного постиндустриального общества*. В США и Западной Европе, по его мнению, «вопреки многим утверждениям, преобладает не постиндустриальное, а *позднеиндустриальное общество* и реализуется грандиозная социальная псевдоинновация – его продление в следующую эпоху под видом информационного общества». Не исключено, что в ближайшие десятилетия в число лидеров инновационного технологического обновления войдут и новые страны. «Однако термин «постиндустриальный», - справедливо добавляет он, - еще ничего не говорит о главной отличительной черте этой эпохи, а только о ее месте – после индустриального общества. Нужен термин, который выражал бы сущность... нового общества. Названия «информационное», «ноосферное» и т.п. не подходят, поскольку они выражают только одну сторону нового строя, а не его суть». И он предлагает назвать мировую цивилизацию XXI-XXII веков *«интегральным обществом»* [11, с.57, 411]. Исследователи признают, что перемены в обществе происходят, однако ограничивают рассмотрение глобальных процессов только социально-технической и социально-экономической детерминацией. С нашей точки зрения, *речь должна идти о двух эпохальных эпохах в истории человечества и природы – дотехногенной и техногенной*. Именно понятие «техногенный» интегрирует в себе всю совокупность происходящих в XVIII-XXII веках трансформаций длительного периода перехода от биосферной системы человеческой жизни к постбиосферной, ее

ускоренной социализации, технологизации и индустриализации, в котором фазы индустриализма и постиндустриализма являются лишь промежуточными этапами расширенного применения научно-технических достижений в производстве и общественной жизни. «Великий переход», о котором еще во второй половине XX века говорил Г. Кан, завершится в XXII веке установлением окончательного господства «техно» над социальным и биологическим и формированием предельно техносферизированного техногенного земного мира.

Необходимо обратить внимание на то, что в большинстве работ сторонников теории постиндустриализма развитие современного общества рассматривается с точки зрения происходящих изменений в общественном хозяйстве: так, в индустриальном обществе, по сравнению с традиционным, сокращается с двух третей до десятой части доля занятого в сельском хозяйстве населения, а в постиндустриальном – доля занятых в промышленности сокращается до десятой части, зато самой массовой становится сфера услуг, особенно информационных – от двух третей и выше. Причем основными являются финансовые, торговые, образовательные, научно-исследовательские и социальные услуги. В теории Д. Белла и его последователей основной акцент делается именно на превалировании сферы услуг в постиндустриальном обществе, приходящей на смену массовому индустриальному сектору экономики и преодолении на этой основе технократизма индустриальной эпохи, в то время как вопросы изменения характера земной жизни, перехода от биосферных форм жизни к техно-ноосферным, искусственным остаются без должного рассмотрения.

И хотя занятость в сфере производства сокращается, но базой постиндустриального развития остается индустрия. Речь идет о непрерывном поэтапном расширении материального производства (техносферы), которое последовательно усложняет технико-технологическую инфраструктуру, используя в доиндустриальном обществе сырье и ручной труд, индустриальном – энергию и машинные технологии и в постиндустриальном – информацию и интеллектуальные технические системы. В этой связи можно согласиться с В.Л.Иноземцевым, который справедливо подчеркивает: «Материальная база современного производства остается и будет оставаться фундаментом, на котором происходит

развитие новых экономических и социальных процессов» [5, с.61]. Некоторые исследователи подвергают критике теорию постиндустриализма Д. Белла и ставят под сомнение уверенность тех, кто убежден в возникновении нового, постиндустриального (информационного) общества как посттехногенного, указывая на преемственность постиндустриализма [9, 12]. В то же время следует отметить, что Д. Белл сам отмечает: «Понятие постиндустриального общества является *аналитической конструкцией*, а не картиной специфического или конкретного общества. Она есть некая парадигма, социальная схема, выявляющая новые оси социальной организации и стратификации в развитом западном обществе» [1, с.655]. Разрабатываемая модель постиндустриализма призвана исследовать наиболее существенные социальные изменения, происходящие в современной общественной жизни.

Логическим обобщением существующих критических взглядов на постиндустриализм, с нашей точки зрения, является позиция В.А.Кутырева, который убедительно доказывает, что понятие «постиндустриальное общество» «является лишь отрицательным, ... когда утверждается, будто оно означает преодоление индустриализма как засилья техники». На самом деле, подчеркивает он, «никакого перехода в «посттехнологическую стадию» нет. Если промышленная техника действительно минимизируется, то частично перетекая из сферы производства в сферу потребления, то техника как способ деятельности, как «технэ» становится всеобщей» [8, с.86]. В.А.Кутырев считает, что более подходящими определениями к такому обществу были бы «ультра (гипер) индустриальное», технотронное, телематическое, информационно-компьютерное. Последнее название, по его мнению, раскрывает содержательную характеристику супериндустриализма. Рациональное формирование искусственного (бесприродного технического) мира и гиперискусственного бытия (компьютерной реальности) является закономерным следствием всеобщей технологизации жизни, замены естественной природы и человека техникой, естественного интеллекта искусственным, появления постчеловека. Создаваемая ноосфера в действительности функционирует как техносфера – искусственная среда, подавляющая и вытесняющая естественную, поэтому, по мысли В.А.Кутырева, ее правильнее было бы назвать ноотехносферой. Мы же, как и Э.С.Демиденко [2], называем такую

реальность техно-ноосферой, подчеркивая решающую роль «техно» в ее становлении. В.А.Кутырев совершенно справедливо указывает общий вектор социоприродного развития – поглощение естественного искусственным. Действительно, индустрия достигает наивысшей степени техногенной рационализации в постиндустриальном обществе и остается основной базой постиндустриального развития. Между индустриальной и постиндустриальной общественными системами, несмотря на многие качественные различия, сохраняются коренные общие черты. Среди них – совершенствующиеся научно-технические производительные силы, дальнейшее индустриальное и сверхиндустриальное развитие на новой технико-технологической базе, разрастание урбанистически-искусственных систем и техносферы, процессы информатизации и технологизации производства и быта, усиление техносферизации условий жизнедеятельности людей и биосферного мира и т.п. Все это ведет к деградации биосферы и неконтролируемой трансформации человека.

И если сторонники теории постиндустриализма акцентируют внимание на происходящих социально-экономических трансформациях в общественном устройстве, то мы обращаем внимание на усиление трендов техногенности, заключающихся в повышении степени экономизации, сциентизации и технологизации, то есть в целом рационализации индустриальных общественных систем на базе научно-технологического производства общественной жизни в направлении формирования постбиосферной действительности. Таким образом, вопрос о нецелесообразности выделения постиндустриализма в отдельную стадию развития человеческого общества остается актуальным и находит все большее количество сторонников. Разрабатываемая нами теория техногенного общественного развития носит интегративный характер, объединяя в своей основе индустриальные и постиндустриальные общественные системы на этапе их активной техногенной глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д.Белл. – М., 1999.
2. Демиденко, Э.С. Урбанизация села и техно-ноосферные перспективы земледелия / Э.С. Демиденко. – Брянск, 2005. – С.146-156.

3. Иноземцев, В.Л. Постиндустриальный мир Даниэла Белла / В.Л. Иноземцев // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999.
4. Иноземцев, В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире / В.Л. Иноземцев // Век глобализации. - 2008. - №1.
5. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа противоречия, перспективы / В.Л. Иноземцев. – М., 2000.
6. Колпаков, В.А. Общество знания. Опыт философско-методологического анализа / В.А. Колпаков // Вопросы философии. – 2008. - №4.
7. Кравченко, И.И. Общественный кризис XX века и его отражение в ряде западных концепций / И.И. Кравченко // Вопросы философии. – 2001. - №8.
8. Кутырев, В.А. Культура и технология: борьба миров / В.А. Кутырев. – М., 2001.
9. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф.Уэбстер. - М., 2004. - С.47-62.
10. Федотова, В.Г. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») / В.Г.Федотова // Вопросы философии. – 2000. - №1.
11. Яковец, Ю.В. Эпохальные инновации XXI века / Ю.В. Яковец. – М., 2004.
12. Kumar, K. Prophecy and Progress: The Sociology of Industrial and Post-Industrial Society. Alien Lane, 1978. - P.232- 237.

Н. Н. ЛАПЧЕНКО

ТЕХНОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Общество конца XX – начала XXI веков эволюционирует на основе научно-технических производительных сил и комплексов социотехнических, социобиосферных, технобиосферных и ряда иных взаимосвязей, в которых доминирующие функции общественного развития передаются от социальных институтов онаученным технико-технологическим системам. Оно не просто глобализуется в мировом масштабе, а качественно изменяется, становится в определенной мере информационно-техногенным, а в еще большей – социотехноприродным организмом. Хотя понятие «техногенный» появилось в отечественной научной литературе сравнительно недавно, в настоящее время оно получило широкое распространение. При этом каждый исследователь вкладывает в него свой смысл, не давая необходимых обоснований. Особенно различаются трактовки этих понятий в философии, технических, экологических и

обществоведческих науках.

«Понятие «техногенный», – как справедливо отмечает Е.А.Дергачева, – охватывает не только технику и технологии, но и трансформирующиеся и развивающиеся под их воздействием общественные и природные объекты, особое состояние и новые качества общества и биосферы. Поэтому под понятием «техногенный» мы будем подразумевать социальные, биосферные, природные и искусственные системы, объекты и процессы, генезис и эволюция которых осуществляется преимущественно на основе антропогенно-технических факторов» [2, с.65]. Техногенное общество, взаимодействуя с биосферой, подчиняет, трансформирует и разрушает ее и тем самым изменяет качественные характеристики своего окружения, а в итоге и себя. В понятие «техногенное общество» мы включаем не только социум, как мир взаимодействующих людей, но и втянутую в жизнедеятельность человека природную среду и создаваемую им техносферу, объединенные социотехническими, природотехническими, технико-технологическими, экономическими, научными, культурными связями на индустриальной и постиндустриальной ступени исторического развития.

Принимая во внимание возрастающую интенсивность потребления информации во всех сферах жизнедеятельности современного общества, необходимо отметить, что оно по своей сути является насыщенным научно-техническими и технико-технологическими системами, процессами и их взаимосвязями, а также искусственно измененными элементами биосферы. Наряду с открывающимися перед человечеством новыми возможностями для дальнейшего социального прогресса, информационная компонента социоприродного развития во многом усугубляет наметившиеся уже в индустриальном обществе техногенные и другие проблемы. Опасность заключается в том, что усиливающиеся процессы информатизации на основе новейших технологий и техники, активизируемые деятельностью крупного бизнеса и транснациональных корпораций в своих собственных интересах, могут неблагоприятным образом повлиять на дальнейшую техногенную эволюцию общества и земного мира. Речь идет о насыщении общественного организма искусственными элементами и прежде всего техносферой, ее многообразными объектами, которые

не только социально возвышают человечество над биосферой, рационализируют социоприродный мир и наращивают техноносферный, но и несут опасность для биосферы и биосферной жизни, включая трансформацию, деградацию и усиление искусственности человеческого организма и другие негативные глобальные процессы и проблемы.

В техногенных условиях развития неравномерность в наращивании научно-технического и в целом информационного потенциала стран мира оказывает негативное воздействие не только на эволюцию их социально-экономических и научно-технических систем, но и сопровождается нарастанием противоречий и проблем в формирующейся глобальной социоприродной системе. Во все возрастающей степени функционирование механизма производств ведущих стран, то есть в целом техногенных общественных систем мира, стало зависеть от количества, качества и своевременности поступающей разнообразной информации (экономической, политической, научно-технической, социальной и т.д.), что создало предпосылки для формирования индустрии информатики и информационных технологий как особой интеллектуальной отрасли народного хозяйства с нематериалоемкими, «информационно-знаниеёмкими» продуктами ее деятельности. Структурной основой информационной индустрии являются информационные технологии, а ее технологической составляющей – информационно-коммуникативная революция. Она представляет собой процесс информатизации всех сфер жизнедеятельности общества и человека, включая не только производство, но главным образом науку, культуру, образование, бизнес-процессы, здравоохранение, досуг и т.д.; при этом коренной трансформации и рационализации подвергаются средства производства, преобразования, хранения и передачи информации. Итогом ИКР является стремительно нарастающая информатизация общества и общественной жизни, формирование информационной системы техногенного общества.

Процесс информатизации, охвативший все сферы жизни общества, требует необходимости социально-философского и социологического осмысления и анализа социальных последствий информатизации общества. Для более детального понимания указанных выше процессов, на наш взгляд, необходимо установить соотношение между понятиями медиатизации, интеллектуализации,

электронизации, компьютеризации и собственно информатизации общества.

Медиаатизация представляет собой распространение современных технологий связи, подпроцесс информатизации. В ходе этого процесса создаются и транслируются системы связи, обеспечивающие доступ ко всем источникам информации, к личностному, межличностному и групповому общению, что ведет в определенной мере к нарастающей интеллектуализации населения. *Интеллектуализация* – развитие способности людей к восприятию, накоплению и порождению информации, формированию новых, особенно научных, знаний, в том числе с использованием искусственного интеллекта. *Электронизация* представляет собой инженерно-технический процесс, состоящий в производстве, конструировании и широком внедрении полупроводников, приборов и других электронных технологий и создании на их основе различных электронных устройств, включая интегральные схемы, микропроцессоры и т.д., применяемые в промышленности, научных исследованиях, в технических устройствах и приборах, на транспорте и во многих других областях жизнедеятельности общества. Электронная промышленность охватывает изготовление новых материалов с заданными свойствами, элементной базой для компьютеров, средств связи и т.п. Сама по себе электронизация общества еще не означает радикальных изменений в социальной сфере, хотя и создает возможность для существенных изменений в сфере промышленного производства, экономики, образования, медицины, быта и других областях. *Компьютеризация* как бы надстраивается над электронизацией, создающей элементы и компоненты современных компьютеров, качество которых зависит в первую очередь от электронных приборов и устройств, включая устройства для запоминания, интегральные микропроцессорные схемы и т.д. Разумеется, создание современных компьютеров и их широкое внедрение для контроля и автоматизации производства, для конструирования производства и использования роботов и т.п. сами по себе играют революционизирующую роль, особенно при наличии высокой компьютерной насыщенности. Однако ни их наличие, ни их использование не делает общество информационным. Например, использование компьютеров для подсчета голосов депутатов в парламенте еще не повышает, как показывает опыт, уровня

информированности, осведомленности и компетентности последних. Электронизация и компьютеризация позволяют судить о техническом, технологическом и экономическом уровне развития общества. Но отождествлять их с процессом информатизации, в основе которого они лежат, и целиком редуцировать к ним этот последний было бы принципиальной ошибкой. Что касается информатизации, ее нельзя ограничить лишь технологическими процессами и проблемами, поскольку информатизация интегрирует социальные, технологические, технические, экономические, культурные механизмы, действующие в техногенном обществе, результатом же этой интеграции выступают радикальные преобразования производственных структур и технологий, преобразование социальных, экономических, политических, культурных отношений. Таким образом, информатизация – широкий социотехнологический процесс перехода индустриального общества в постиндустриальное на основе научно-технологической и информационно-коммуникативной революции и формирования техно-ноосферы как важнейшей составляющей части техногенного общественного организма, то есть нового качества социального и природного развития, все большей искусственности жизни с опорой на знаниеемкие производительные силы.

В настоящее время все страны мира в той или иной степени осуществляют процесс информатизации. Неправильно выбранная стратегия информатизации или ее недостаточные динамизм и мобильность могут привести к существенным, а подчас драматическим изменениям во всех сферах жизни страны. В любой стране независимо от уровня ее развития понимают в той или иной мере неизбежность и необходимость претворения в жизнь идей информатизации общества, но, к сожалению, не обращают внимания на избыточную техносферизацию планеты. Интенсивность процессов информатизации и их пространственно-территориальная распространенность становятся показателями степени развития той или иной страны. Лидерами в сфере информационных технологий являются развитые техногенные общества: США, Канада, Япония, страны Западной Европы. Уровень информатизации позволяет судить об эффективности научно-технического прогресса и в целом общественного развития того или иного региона мира. По степени информационно-технологической оснащенности Россия пока что

отстает от развитых стран. В развивающихся странах ввиду отсутствия собственных наукоемких производств происходит копирование информационно-коммуникативных структур развитых стран, что в определенной степени является препятствием для их равноценного участия в мировом компьютерном пространстве. Многие страны имеют национальные программы информатизации с учетом местных особенностей и условий.

Однако при создании и внедрении таких программ следует опираться не только на опыт передовых стран, учитывая их успехи и неудачи, отражая в них существующие и перспективные тенденции информатизации, но и хорошо представлять, в каком направлении развиваются общество и земной мир в техногенную эпоху. При всем многообразии точек зрения на информационные перемены в современном обществе, многие исследователи указывают на индустриальный характер формирующегося информационного общества, усиление на новой научно-технической базе давно начавшихся процессов информатизации, упрочнение позиций глобальной капиталистической системы, хотя и раздираемой глобальными социальными и социоприродными противоречиями. В то же время информатизация представляет собой сложный социотехнологический процесс формирования техно-ноосферы как важнейшей составляющей общественного организма, то есть нового качества социального и природного развития, все большей искусственности жизни с опорой на знаниеёмкие производительные силы. В так называемом информационном обществе, не только сохраняется, но и усиливается техногенный характер развития, происходит на более высоком наукоемком уровне реализации и рационализации экономико-технологических, научно-технических, технико-технологических, социотехнических, технобиосферных процессов и систем и формируемых ими взаимосвязей и взаимозависимостей при доминирующем влиянии рыночно-капиталистического фактора научно-технической рациональности, определяющем значении финансового капитала при развитии высокотехнологичных отраслей и всей техносферно-информационной инфраструктуры общества. Это находит отражение во все более масштабном разрастании информационно-техносферной системы и ее усиливающемся влиянии на процессы социальной и социоприродной глобализации. Глобализирующееся техногенное

развитие охватывает и информационный процесс, эволюция которого зависит от способности социоприродной системы в дальнейшем извлекать информацию из окружающей естественной и искусственной среды, производить и распространять знания (информацию), адаптироваться к происходящим научно-техническим изменениям.

Информатизация общества не только усложняет социотехноприродную среду общества, но и предлагает инструментарий для решения накопившихся социоприродных проблем техногенной цивилизации. Так, как утверждает Р.И.Цвылев, в условиях информационной перестройки общества важное значение приобретают функции предвидения, планирования будущей преобразовательной деятельности человека. Процессы стихийной адаптации должны уступить место техноэволюционному типу адаптации, то есть сознательным, целеустремленным действиям общества по преобразованию окружающей социальной и природной среды. Детальный анализ достоверной информации предотвратит будущие кризисы техно-экономического развития [4, с.44-45], а также, на наш взгляд, позволит преодолеть техно-экологические противоречия. Информатизация радикально технологизирует деятельность людей с помощью компьютеров и средств связи. Эта технологизация противоречиво влияет на деловую активность, образование, внешнюю и внутреннюю политику, быт, медицину, мировоззрение, культуру, науку, на развитие социальных и природных качеств человека. Информационные системы, основанные на компьютере, стали основой для высших современных технологий.

Биотехнологии, космические технологии, атомная, энергетическая и т.п. в настоящее время невозможны без использования компьютерных информационных систем. Компьютер увеличивает эффективность и качество многих форм деятельности человека, облегчает его работу, вводит человека в круг новых, интересующих его событий и концептуальных представлений, что способствует прогрессу личности, усиливает ее интеллектуальные возможности, но в то же время отрицательно воздействует на его здоровье. Жизнь человека теперь реализуется на путях все более активного общения с многообразными техническими устройствами, а это требует формирования нового и критического отношения к технике. Как отметил Б.А. Глинский, сегодня можно говорить о

формировании своеобразной целостности человека и компьютера, с чем необходимо считаться и создателю компьютера, и его пользователю [1], но в то же время он не видит развивающихся противоречий этой «целостности».

Важный результат развития компьютерной техники – не только характеристики быстродействия компьютеров (в настоящее время граница этого показателя приближается к скорости вычисления 10^{15} арифметических операций в секунду), но и перевод в цифровую форму гигантских массивов аналоговой информации, накопленных ранее человечеством. Общий объем информации, переведенной за последние полвека в цифровую форму, оценивается в 10^4 терабайт (1 терабайт – это 10^{12} байт. Для сравнения: информационная емкость легендарной Александрийской библиотеки, содержащей 532800 свитков (книг), составляла, примерно, 10^{11} бит (1 байт=8 бит). Другими словами, возможна цифровая копия реального мира достаточно высокой степени точности. И если чисто технологические аспекты подобного тотального перевода информации в цифровую форму более или менее очевидны для специалистов, то его социальные и психологические последствия менее изучены. Как отмечает Э.С.Демиденко, сегодня мы можем уже сказать, что информатизация представляет собой не просто использование в широких масштабах информации, и прежде всего научной, внедрение компьютерных и иных информационных технологий во все области производства и общественной жизни, а органическое «вживление» в социальный и даже в формирующийся социоприродный организм информационных технологий нового поколения. Ткань земной жизни пронизывается информационными технологиями и информационными системами как своеобразной нервной сетью формирующегося нового социоприродного мира [3, с.174-175].

Можно выделить следующие особенности информатизации.

1. *Технология воздействует на информацию*, а не информация, предназначена для воздействия на технологию, как было ранее.

2. *Всеохватность* информационных технологий, поскольку информация есть интегральная часть всякой деятельности. Все процессы индивидуального и коллективного существования непосредственно формируются с применением новых информационных технологий.

3. *Сетевой принцип* информатизации, использующей технологии,

чьи сети приспособлены к растущей сложности взаимодействий.

4. *Гибкость информатизации* – процессы не только обратимы; организации можно модифицировать и даже изменять путем перегруппировки их компонентов. Стало возможным, не разрушая организацию, перепрограммировать ее материальную базу.

5. *Растущая конвергенция информационных технологий в высокоинтегрированные системы.* Так, микроэлектроника, телекоммуникации, оптическая электроника и компьютеры интегрированы теперь в информационных системах. Более того, один элемент невозможно представить без другого: микрокомпьютеры определяются в основном мощностью чипов, а проектирование и параллельная обработка микропроцессоров зависят от архитектуры компьютеров. Телекоммуникации являются одной из форм обработки информации; технологии передачи и связи одновременно все шире диверсифицируются и интегрируются в одной и той же сети, где оперируют компьютеры.

6. *Глобальность* как одна из важнейших характеристик информационного сообщества. Разумеется, как и любой технический комплекс, Интернет может существовать исключительно благодаря действиям людей. Но человек не способен предусмотреть синергетический эффект одновременных совместных действий сотен миллионов (а в будущем и миллиардов) пользователей и такого же количества технических устройств различной степени сложности, объединенных в единую систему. Впервые возникла техногенная глобальная система, обладающая некоторыми признаками живого организма: развитие этой системы, однажды возникнув, в дальнейшем не прекращается; сетевые вирусы имеют много общих характеристик с биологическими вирусами; развитие Интернета носит самопроизвольный характер и сопровождается ростом, с одной стороны, и структурным и функциональным усложнением системы, с другой; на основе этих процессов возможно возникновение новых явлений и функций данной системы, а также нового качественного уровня системы в целом.

7. *Усиление техносферизации и техногенности земного мира.*

На основании философского анализа базовых параметров информатизации – ее сущностных характеристик – можно прогнозировать их влияние на социум путем проецирования и наложения на главные сферы жизни общества. Научные знания и

информация становятся непосредственной производительной силой общества, основным фактором развития наукоемких технологий и преобразования материальной и духовной сфер жизни общества, значительное место в которых занимают отрасли, связанные с производством знаний. Следствием интенсификации процессов информатизации является повышение уровня развития человеческого потенциала, образованности и информированности людей, ускорение экономического и социального прогресса техногенных общественных систем, наиболее активно вовлеченных в информационную индустрию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глинский, Б.А. Философские и социальные проблемы информатики / Б.А.Глинский. – М.: Наука, 1990.
2. Дергачева, Е.А. Формирование идей о техногенном обществе и техногенном мире // Е.А.Дергачева, Э.С.Демиденко, Н.В. Попкова Техногенное общество и земной мир. – М.; Брянск, 2007.
3. Демиденко, Э.С. Содержательные характеристики информационного общества // Демиденко Э.С., Попкова Н.В., Шустов А.Ф. Техногенное развитие общества и жизни на земле. Книга 1. – Брянск, 2007.
4. Цвылев. Р.И. Постиндустриальное развитие. Уроки для России / Р.И.Цвылев. – М., 1996.

Н.В.ПОПКОВА

ЦЕЛЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕХНОСФЕРЫ

Цель философа – разработка новых схем мышления и действия для разрешения основных проблем своего времени по мере того, как привычные схемы перестают работать. В этом важную роль играет методологическая рефлексия, преодолевающая натуралистический способ мышления и распредмечивающая традиционные представления. Распредмечивание понятия (или критическая рефлексия над ним, преодолевающая предметную точку зрения и показывающая, какой познавательной установкой это понятие обусловлено, каковы ее основания и границы и т.д.) сменяется опредмечиванием – построением новых понятий и идеальных объектов, на основе которых осуществляется интеллектуальное проектирование, создаются новые способы мышления и действия. Рассмотрим значение методологического анализа на примере понятия

«техносфера». Актуальность исследования техносферы продиктована современным состоянием философского анализа *техногенной среды* (реальности, которая сформировалась из совокупности технических средств и произведенных с их помощью техногенных объектов). По мере ее увеличения становятся все более заметными непредсказуемые последствия технической деятельности, особенно техногенные деформации участков природной среды и связанные с техническим прогрессом социокультурные изменения. Отсутствие изолированных технических объектов для современной эпохи очевидно: как сами технологические процессы (все чаще направляемые не на создание предметов потребления, а на создание средств функционирования других технологических процессов), так и складывающиеся в сложные комплексы технические изделия (фактически становящиеся элементами целостной инфраструктуры жизнеобеспечения, вне которой они не функционируют) не имеют ни смысла, ни самого своего существования вне техногенной среды. Можно сделать вывод: техногенная среда есть исторически сложившийся способ существования технической реальности, отражающий основную цель ее создания – получение искусственной среды, благоприятной для жизни людей. Понятие «техносфера» часто используется для обозначения техногенной среды как планетарной целостности, подчеркивая рост масштабов техногенных процессов и их автономизацию.

Например, Б.И.Кудрин называет техносферой иерархическую систему *техноценозов* (территориально-производственных комплексов), закономерно создаваемую в ходе *техногенеза* – геохимического воздействия промышленности на естественную среду: «Изделия, самоорганизуясь с определенного количественного и качественного уровня, образуют техноценозы, которые, как элементарные объекты, вложенно и пересекаясь, составляют техносферу» [2, с.1012-1014]. Б.И. Кудрин недоумевает: «Почему все философы единодушно твердят, что техническое создается только человеком? Почему отвергаются факты массового порождения технического техническим, происходящего вне желания человека?» [1, с.108]. Техническую реальность, считает Б.И.Кудрин, следует рассматривать как целостность, включающую «технику (установленные изделия, здания, сооружения и сети), применяемую

технологии... используемые материалы, изготавливаемую продукцию, появляющиеся отходы» [1, с.235].

Поскольку изучению подвергается техногенная среда как целостность, которой приписывается определенная степень самоорганизации, понятие, содержащее термин «сфера» (применяемый для обозначения объектов, характеризующихся целостностью, системностью, воспроизводимостью и т.п.) в известной мере предполагает наличие искомым характеристик. Понятие «техносфера» допускается атрибутивной характеристикой функционирования техники: оно отражает ее свойство не оставаться в виде локальных управляемых объектов, а формировать целостную среду, имеющую не зависящие от воли людей характеристики и закономерности функционирования и в условиях ограниченности ресурсов планеты конкурирующую с естественной средой. Оно показывает, что решение проблем, связанных с технической деятельностью человека, возможно только в общепланетарном масштабе и подчеркивает глобальный характер технической деятельности и ее социоприродных последствий. Это понятие также отражает наблюдаемую тенденцию развития техногенной среды – достижение глобальной целостности и ее самоорганизацию.

Глобальной технической системы не существует: наряду с тенденциями, прогнозирующими ее скорое появление в результате дальнейшего технического развития, намечаются и другие, скорее ведущие к технологическому расколу мира. Эта двойственность техногенной среды является причиной появляющихся при ее теоретическом исследовании затруднений: ее понятийному отображению как техносферы сопутствуют другие возможности. С одной стороны, достигнутая степень общности между различными техническими системами может пониматься как недостаточная для концептуализации их единства, и вместо рассмотрения единой техносферы некоторые исследователи ограничиваются *анализом отдельных технических систем*, считая их независимыми друг от друга. С другой стороны, можно рассматривать техногенную среду как *подсистему искусственного мира*, который сложился на планете Земля, изучая как взаимосвязанные технологические, социальные, культурные процессы. Понятие «техносфера» формируется в результате абстрагирования от неизбежных несоответствий и противоречий между отдельными техническими системами и

выделения их главной черты – переработки естественной среды в искусственную. Именно эта характеристика признается наиболее существенной, а различия (вызываемые разным временем создания или масштабом технических объектов, разной степенью их управляемости человеком, их включенности в технологические сети и т.д.) отбрасываются как несущественные.

Техносфера становится объектом теоретического изучения для разрешения одной из важнейших проблем современной эпохи – обеспечения дальнейшего развития человечества. Актуальность этих исследований определена противоречиями: между стремительным ростом техногенной среды, потребляющей природные ресурсы, – и возможностями природы эти ресурсы восполнять; между ее системными характеристиками (проявляющимися как внутренние связи между ее элементами и функциональные связи с окружающей средой) – и стремлением человека управлять техногенной средой в своих интересах. Необходимость управления созданным людьми искусственным миром (или хотя бы осмысленных воздействий на него, имеющих целью его изменение) и прогнозирования его роста очевидна: сам масштаб технологических процессов делает неполную их контролируемость опасной, ответные воздействия техносферы на природу и социокультурные системы – грозящими потерей их равновесия, а ограниченность необходимых для технологической переработки ресурсов – ведущей к ограничению ее дальнейшего роста (и требующей качественного решения для обеспечения удовлетворения потребностей человечества). Являясь одним из понятий, отражающих техногенную среду, техносфера подчеркивает ее глобальный характер.

Эта глобальность не только пространственная: между технологическими процессами, операциями и принципами, которые уже сложились в данной культуре, с одной стороны, а также различными социальными и культурными процессами и системами – с другой, существует тесная взаимосвязь. Поэтому, как следует из исследований В.М.Розина, в XX столетии сформировалась *замкнутая планетарная техническая среда*: цепочки изменений природной среды и инфраструктур человеческой жизни замкнулись, и создание каждой технической структуры теперь приводит к трансформациям условий жизни человека ввиду возникновения систем деятельности, их обеспечивающих. На современном этапе развития сумма

используемых технологий, подчеркивает В.М.Розин, «постепенно становится технической суперсистемой (техносферой), которая определяет развитие и формирование всех прочих технических систем» [6, с.26]. Имеет смысл понимать технику в качестве «особой среды обитания человека, навязывающей ему средовые архетипы, ритмы функционирования, эстетические образы и т.п.» [5, с.239]. Для жизни в этой среде характерны «полная зависимость человека от технических систем обеспечения (начиная от квартиры), и технические ритмы, которым должен подчиняться человек (производственные, транспортные, коммуникационные...), и потребности, которые исподволь или явно (реклама) формируют технические новации» [4, с.111].

Понятие техносферы появляется в современной философской литературе в связи с решением трех основных проблем: прогнозирования развития самой техногенной среды, нейтрализации техногенных изменений природы и оценки техногенных трансформаций человека и социокультурной среды. Для решения столь разных задач необходимы как различные методы исследования техногенной среды, так и неодинаковые способы ее представления. Во всех трех случаях применяется одно понятие «техносфера», но принять по умолчанию идентичность обозначаемых этим понятием объектов (или хотя бы возможность представить приписываемые им свойства как дополняющие друг друга) было бы методологически неверным. Автор проанализировал как независимые три подхода к исследованию техносферы, возникших в ходе обсуждения этих проблем: *техноцентрический* – рассматривающий сущность техники и выявляющий основные тенденции технического развития; *экоцентрический* – анализирующий последствия технически обусловленной деятельности человечества для природной среды; *антропоцентрический* – исследующий техногенные изменения в человеческой жизни (социальных процессах, культуре, общении и т.п.). Каждый сформировавшийся философский подход рассматривает техносферу как относительно самостоятельную целостность со своими связями, характеристиками, условиями функционирования и развития. Объединяет подходы общий объект исследования, а разделяют собственная методологическая база, онтологическая концепция изучаемой среды, особый категориальный аппарат, своя проблематика и т.п. Всё это на основе общего

эмпирического материала приводит к формулировке различных законов функционирования техносферы, выявлению противоречивых перспектив ее развития. Правильность исследования зависит не только от подробной разработки этих подходов, но и от их верного использования: понимания того, какие задачи можно решить на их основе.

Следует заметить, что большинство исследователей не разделяли эти подходы в чистом виде: в их работах, посвященных техногенной среде и использующих понятие «техносфера», часто можно встретить противоречия и недосказанности. Само существование разных подходов к исследованию техносферы еще не было выявлено современной философией техники. Отсутствие отрефлексированности дискурсов, применяемых при обсуждении техногенных проблем, и ведет к тому, что оно проходит на некритическом уровне. Подразумеваемые допущения не формулируются открыто, определения используемым понятиям (не только узко специфическим, но и слишком широко распространенным, а потому многозначным – «техника», «природа», «искусственное» и т.д.) не даются в явном виде, а существование границ применимости различных подходов и вообще не упоминается. Иногда в одной и той же работе мы видим положения, выводимые из различных оснований и (при проведении их логического анализа) относящиеся к разным концепциям. Поэтому автор, вместо того, чтобы отслеживать аспекты понимания техносферы отдельными философами, прибегал к *методологической реконструкции* основных подходов к исследованию техносферы. Рассмотрение этих подходов неизбежно сопровождалось их *артикуляцией и структурированием*, поскольку концепции техносферы еще мало проработаны, их онтологические и гносеологические предпосылки не выявлены, и аморфность ведет к недостаточно четкому их противопоставлению.

В предшествовавших работах автор типологизировал теоретические концепции и дискурсы, сложившиеся в философии техники, и выявил философский смысл, вкладываемый ими в понятие «техносфера»: *элементный подход* (глобальность техногенной среды считается недостаточной и анализ сводится к исследованию элементов этой среды), *техноцентрический подход* (техносфера – результат взаимодействия между техническими объектами и системами), *экоцентрический подход* (техносфера – результат

взаимодействия между человечеством и природой), *антропоцентрический подход* (техносфера – органопроекции человека или объективирование взаимоотношений людей в ходе их жизнедеятельности). Если для экоцентрического подхода техносфера отражает взаимодействие между человечеством и природой, для техноцентрического – взаимодействие между техническими объектами, а для антропоцентрического – объективированные взаимоотношения людей в ходе обеспечения их жизнедеятельности, это является логическим следствием определенного способа проведения границ, отсекающих от общего фона технической реальности исследуемый объект как целостное образование. Автор относит к *элементному подходу* работы по философии техники, которые освещают увеличение масштабов воздействия технических объектов на природу и жизнь людей, но не обращаются к анализу создаваемой искусственной среды в целом, обходясь без введения соответствующего понятия и ограничивая свое исследование осмыслением отдельных технических систем. Представители данного подхода не видят смысла в использовании понятия, обозначающего *постоянно воспроизводимую целостную техногенную среду планетарного масштаба*, не признавая ее существования, или наличия методов ее изучения в глобальном масштабе, или плодотворность ее исследований по сравнению с традиционными разработками. Поскольку каждый из подходов уделяет основное внимание одному из аспектов техногенной среды, с их помощью были раскрыты многие закономерности искусственной реальности, выявлены ее основные элементы и противоречия. Но отсутствие систематизации и несогласованность подходов приводят к тому, что практические рецепты разрешения техногенных проблем, проводимые по разработанным в них методикам, иногда содержат противоположные выводы. Возможно, сопоставить разработанные подходы (проверив их на возможность дополнять друг друга в рамках единой концепции) и скоординировать используемые ими методы – важнее, чем разработать очередной подход.

Традиционные подходы, признавая отсутствие глобальной технической системы, рассматривают техносферу как реальный объект: *техноцентрический* считает возможным использовать понятие «техносфера», раскрывая единство техногенной среды на уровне наблюдаемых тенденций ее развития (таких, как укрупнение

технологических процессов и глобализация техногенных взаимодействий); *экоцентрический* подход – раскрывая единство техногенной среды как источника глобальных изменений природы (технические объекты объединяются по признаку воздействия на естественные процессы); *антропоцентрический* – раскрывая единство техногенной среды на уровне генетической соизмеримости всех технических объектов. Проведенный автором анализ показал, что традиционные подходы к исследованию техносферы (основанные на противопоставлении глобальных понятий природы, человечества и техники, понимаемых как непересекающиеся целостности, находящиеся во внешнем контакте), не могут предложить новых стратегий решения возникших проблем.

В результате критического анализа традиционных подходов и их дискурсов автором было показано, что их основной недостаток – натурализация техносферы. Продолжение анализа техногенной среды требует распрямления понятия техносферы и выработки новых подходов к ее исследованию, дополняющих традиционные. Если мы попробуем переосмыслить эти понятия и, в частности, *одну из пар этих противоположностей представить как проявления некоей целостности* (что вполне возможно, исходя из их фактической взаимосвязи), то мы получим три новых, нестандартных взгляда на сущность техносферы – три подхода, позволяющие выявить новые закономерности и тенденции техногенной среды: *социоприродный* – анализирующий «нетронутую» природу и человеческое общество (порождающее технику) как ступени единой лестницы эволюции, имеющие поэтому общие законы функционирования; *социотехнический* – рассматривающий социокультурные и технические практики как порожденные единой коммуникационной средой, а особенности материальных форм деятельности – как вторичные; *биотехнический* – исследующий природные и технические системы как поле действия безличных, объективных закономерностей, поэтому элиминирующий из процессов их развития субъективный фактор. Эти новые, *нетрадиционные* подходы основаны на различении техногенной среды (как совокупности технических и техногенных объектов) и техносферы (понимаемой в качестве не объекта, а *концепта, задающего способ описания техногенной среды* и формируемого на основе гипотезы о существовании ее упорядоченности в глобальном масштабе).

Техносфера – концепт, оформленный как объяснение технической реальности и построенный исходя из предположения о существовании некоторого порядка, детерминированности одних объектов другими.

Социоприродный подход считает возможным использовать понятие «техносфера» в качестве концепта, раскрывающего единство техногенной среды на уровне общей функции всех технических объектов – посредничества между естественной средой и людьми. Целью исследования является определение степени автономности техногенной среды и возможностей управления технической реальностью. Социотехнический подход считает, что концепт «техносфера» раскрывает единство техногенной среды на уровне единства социокультурного кода работы с естественной реальностью через ее переработку техническими практиками в искусственную и субъективно вкладываемых человеком в этот процесс смыслов (необходимости социализации технических практик или приведения их в координированное единство с остальными социальными практиками, а при глобализации, формирующей единый планетарный социум, – с техническими практиками других обществ в единую техническую систему). Целью исследования здесь является сопоставление различных технических и нетехнических способов детерминации человеческой жизни, основанных на принадлежности индивида к конкретному коммуникативному пространству. Биотехнический подход считает, что концепт «техносфера» раскрывает единство техногенной среды на уровне принадлежности всех технических объектов к новой, надбиологической ступени эволюционного развития. Целью исследования, проводимого данным подходом, является системный анализ человечества как подсистемы развивающейся Вселенной в его отношении с порождаемой технической реальностью и выявление их иерархической соподчиненности.

Таким образом, традиционное представление о техногенной среде, порождаемой целесообразной деятельностью людей, сталкивается по мере технического развития с противоречием между рациональным происхождением отдельных технических объектов (результатов целенаправленного творчества) и стихийным (непредсказуемым и неуправляемым) функционированием техногенной среды в целом. Изменения в способах представления

техногенной среды позволят по-новому взглянуть на ряд задач, попытки разрешения которых в рамках традиционных подходов так и не смогли дать реализуемые стратегии социального действия. Современный человек – не только творец техногенной среды, но в значительной мере ее творение. Исследователи, работающие на основе традиционных подходов, ставят целью восстановление контроля людей над техногенной средой и, после попыток реализации глобальных программ, часто приходят к выводу о невозможности достижения этой цели и неизбежной деградации природы и человека. Следовательно, необходима разработка иных подходов, снимающих редукцию технического к материальному (то есть понимающих технику как исторически обусловленные, социокультурно нормированные способы и средства изменения природы).

Это приведет и к переосмыслению понятия техносферы (как упорядочивающей их структуры): отказу от ее натуралистической трактовки и употреблению в качестве *концепта, задающего способ описания техногенной среды* (объективность которой проявляется прежде всего как сопротивляемость познанию и управлению). В концепте «техносфера» будет отражен универсальный социокультурный код работы человека с природой: ее переработки техническими практиками, перестройки естественных объектов в искусственные. Формируя с помощью предложенных подходов новые формы осознания автономности техногенной среды и способов решения глобальных проблем, можно создавать альтернативные методы концептуализации технической реальности. Логическим завершением изучения техносферы с помощью нетрадиционных подходов будет предложение новых социальных проектов выхода из цивилизационного кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудрин, Б.И. Техногенная самоорганизация. Для технариев электрики и философов / Б.И.Кудрин. – М., 2004.
2. Кудрин, Б.И. Техноценоз / Б.И.Кудрин // Глобалистика: Энциклопедия. – М., 2003.
3. Розин, В.М. Диалог технария и гуманитария о кризисе техники и путях его преодоления / В.М.Розин // Философские науки. – 2004. – №9.
4. Розин, В.М. Философия техники / В.М.Розин. – М., 2001.
5. Розин, В.М. Философия техники и культурно-исторические реконструкции развития техники / В.М.Розин // Вопросы философии. – 1996. – №3.

А.А. СВИДЕРСКИЙ

**ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА: ОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО
ОТЧУЖДЕНИЯ**

Ценностная обусловленность материально-преобразовательной деятельности предполагает, что элементы деятельности выступают предметом оценки, а затем и ценностного освоения. Поэтому ценностные основания, определяющие материальное преобразование, включают в себя, прежде всего, отношение к субъекту и объекту деятельности, а также к способам, средствам, результатам преобразования. Ключевую роль в детерминации материально-преобразовательной деятельности, как центрального элемента взаимодействия общества и природы, играет ценностное восприятие природы.

Человек необходимо вступает в отношения с окружающим миром и другими людьми. Такое освоение приводит к становлению сознания и самосознания, разнообразных форм социальности, развитию культуры и общества. Практически преобразуя природу, человек, выступает не просто самодостаточным индивидом, а социальным существом, встроенным в систему общественных связей и отношений. Таким образом, налицо обусловленность материально-преобразовательной деятельности человека другими людьми, общественными отношениями в которых она осуществляется. Ценностное восприятие природы обусловлено межличностным взаимодействием, которое необходимо предполагает ценностное отношение к субъекту этого взаимодействия. Кроме того, в отношениях между людьми природа выступает не только как внешняя среда, но и как универсальный объект-посредник этих отношений. В данном случае речь идет не только о внешней природе, но и о естественной биопсихической природе человека. Следовательно, отношения в системе «общество-природа» в ценностном смысле можно представить как отношения человека к человеку и к обществу. Рассмотрение отношений человека к природе изолировано от отношений между людьми, является абстрактным, метафизическим. Так, неслучайно «природа – рабыня человека» становилась таковой в мире, где человек, занимающийся физическим трудом, непосредственный преобразователь природы является лишь

«говорящим орудием труда». В обществах, где существует жесткий социальный режим подавления немногочисленной элитой бесправного большинства, растет не только отчужденность человека от человека и общества, но и человека от природы. Ценностная иерархия мира социального распространялась и на мир космический.

Необходимо подробнее рассмотреть взаимосвязь отчуждения между людьми и ценностного восприятия природы. В.И.Супрун утверждает, что сущность отчуждения проявляется в разрыве ценностных отношений между людьми [12, с. 161]. Сущность этого явления состоит в том, что при разрыве ценностных межсубъективных отношений индивид перестает участвовать в сотворчестве ценностей. Значимость ценности как мотива деятельности индивида зависит от ценностного восприятия других индивидов, общества в целом. Вследствие отчуждения (имеющего разнообразную природу), доминирующую роль начинает играть субъект-объектное отношение, при котором индивидуальная оценка, обусловленная актуальными потребностями индивида становится основанием его активности, что, в конечном счете, обуславливает потребительское отношение к природе. Итак, негативация ценности природы обусловлена прекращением ценностных отношений между людьми, когда человек отстраняется от культурного процесса, процесса формирования ценностей.

В силу этого субъект опирается не на ценности, а на оценки и потребности, его деятельность приобретает функционально-прагматический характер. Поэтому раб или лично зависимый крестьянин в традиционных обществах, выполняющие самый «грязный и греховный труд», ближе других к несовершенному миру («миру бесконечного становления», «вместилищу дьявольских сил»); этот мир, воспринимаемый как условие порабощения, не вызывал у них позитивного ценностного отношения. Таким образом, аксиологическое отношение к природе зависит от отношений между людьми, в узком смысле – от отношений к человеку. Ценностное восприятие человека выступает необходимым условием ценностного восприятия природы.

Можно обнаружить ряд препятствий ценностному восприятию человека, обусловленных не только существующим в обществе отчуждением, но и противоречивым взаимодействием природного, социального и духовного, общественного и индивидуального в

человеке. Ценностное восприятие человека предполагает понимание человека как цели деятельности, одновременно позитивное отношение к конкретно-историческому человеку и всему человечеству, толерантное отношение к выражению человеческой индивидуальности и проявлениям его противоречивой природы. Необходимо признать существование в обществе различных форм отчуждения, их глобальный, универсально-исторический характер. Как отмечает Т.В.Белова, это проявляется, в частности, в том, что ликвидация одних форм отчуждения может создавать другие формы [2, с.25]. Ценностная иерархия Космоса и социальная иерархия совпадают в том смысле, что развивающиеся формы отчуждения между людьми переносятся на природный мир. Взаимосвязь форм отчуждения приводит к тому, что рост социального и индивидуального отчуждения в обществе провоцирует рост отчуждения от природы. Кроме того, важную роль в ценностной обусловленности материально-преобразовательной деятельности играет отношение к труду. Ценностное восприятие субъекта материально-преобразовательной деятельности определяет значимость его труда.

Можно отметить, что в разных исторических типах обществ лица, занимающиеся физическим трудом, находились на низших ступенях социальной иерархии, испытывали на себе принуждение со стороны вышестоящих, рассматривались в качестве предмета управления и манипулирования. Одновременно следует подчеркнуть, что именно физический труд предполагает непосредственный чувственный контакт с природой, способствующий ценностному восприятию естества, обнаружению в нем субъектного начала. Негативизация физического труда способствовала утверждению ценности физического комфорта, являющейся выражением стремления человека к максимуму эффективности физических усилий. Одновременно увеличивалась социальная значимость управленческой деятельности, предметом которой становились субъекты физического труда, терявшие вследствие этого ценностно-целевую составляющую своей практики. Таким образом, социокультурная негативация физического труда, позволявшая осуществлять организационно-управленческое воздействие без непосредственного контакта с природой, способствовала утверждению отчужденно-управленческого отношения к природе.

Ценность природы в системе ценностей культуры играет важную роль, так как обуславливает ценности всех других элементов материально-преобразовательной деятельности. В своем исследовании Е.Г.Виноградова и Н.М.Мамедов приходят к выводу о том, что ценность природы в культуре определяет в целом характер преобразующей деятельности общества [3, с.330]. Необходимо обнаружить и конкретизировать место природы в структуре ценностных отношений. Следует заметить, что ценность представляет собой не естественно-природные явления в их непосредственной бытийности и не отношение к ним человека, а явления культуры, возникающие в отношениях между людьми, которые только в этом виде способны выступить детерминантой деятельности, выступающей в качестве субстанции истории человечества. Природа в системе ценностных отношений способна выступать не только в качестве условия или среды человеческой активности или объекта-носителя различных ценностных свойств. Как подчеркивает в своем исследовании Г.П.Выжлецов, природа может выступать самоценным субъектом ценности, как источник жизни, как биологическая основа человека, как основа бытия его духа [4, с.56]. Нужно отметить, что «природа вне человека» и «природа внутри человека» тесно взаимосвязаны. Кроме того, природа является необходимым условием существования ценности, будучи источником жизни, основой материально-предметной практики человека и деятельности его сознания. Таким образом, уничтожение природы, понимаемой как внешнее, есть разрушение внутреннего мира человека. К.Лоренц отмечает, что прямым следствием разрушения природы является разрушение культуры, ценностей [8, с.51].

Но для того, чтобы природа выступила субъектом ценностных отношений необходимо раскрыть в ней субъективное начало. Такое раскрытие природы предполагает понимание ее как источника жизни, необходимой основы бытия человека, условия развития бесконечного духовного потенциала человечества. Кроме того, человек должен увидеть в природе некую сообразность себе, обнаружить в ней не холодную, протяженную и во многом бессмысленную субстанцию, а одухотворенное, чувствующее начало, определяющее развитие природных явлений и социального мира. Так, например, древние анимистические представления, мистические восточные верования, гилозоизм, ренессансный пантеизм, определяющие природу в

качестве субъекта ценностных отношений, способствовали формированию природосообразной культуры. Взаимодействуя с природой, различные общества вырабатывали специфическое отношение к ней.

Это отношение достаточно четко проявляется во всех культурных универсалиях общества: религии, искусстве, способах хозяйственной деятельности, системе управления и т.д. Культура может развиваться как органическое продолжение природы, либо покорять ее, беспредельно рационализируя и техницизируя свои сущностные основания. Такая классификация культур выглядит несколько поверхностной, так как не рассматривает природу этих различий, а также способствует противопоставлению культур. Противопоставление, в этом смысле, культур Востока и Запада, которое можно встретить в литературе [5], не совсем верно, так как является несимметричным сравнением и явной идеализацией первой из них.

Плодотворными, на наш взгляд, являются подходы, направленные на выявление исторических типов ценностного отношения к природе. Н.А.Мещерякова выделяет три таких типа: «1) отношение к другому как к «своему»; 2) отношение к другому как к «чужому»; 3) отношение к другому как к «своему иному» [10, с.132]. Исторически первый тип отношений соответствует древнейшему обществу с примитивным хозяйством (в основном присваивающего типа), высокой степенью зависимости от природы, социальной недифференцированностью. Наиболее ярким примером здесь могут являться анимистические представления и тотемизм, в рамках которых человек не противопоставляет себя природе, воспринимая ее как равного участника ценностных отношений и, тем самым, воспроизводя те культурные ценности, которые соответствовали единым интересам сообществ людей и природного мира, прежде всего в плане выживания и воспроизводства. Но генезис ценностного сознания направлен на обнаружение отличия человека от природы, в направлении их противопоставления. На этом основан второй тип ценностного отношения, свойственный обществам с высоким уровнем развития производительных сил, добившихся относительной независимости от природы.

Противопоставляя себя природе, человек выстраивает ценностную иерархию универсума, где верховенство и одновременно

право на неограниченное преобразование природы принадлежит ему. Природа постепенно теряет статус субъекта ценности и становится объектом для различных манипуляций, средством для достижения грандиозных целей и планов человека. Рассмотрение природы как чего-то внешнего для человека и рост отчужденности от нее дает возможность, с одной стороны, воспринимать ее как нечто несовершенное и хаотичное, в противоположность разумности и целенаправленности человека, а с другой, видеть в ней разрушительное и враждебное начало. Такое отношение к природе способствует утверждению субъективистского тезиса о том, что природа существует во имя и для человека, а без него невозможна. Человек здесь (как телесное существо) считает себя высшим продуктом природы, и в этом смысле ее целью. С этой установкой связана эгоистическая окрашенность практического освоения: практически действующий человек рассматривает природу исключительно в качестве предмета потребления. Одновременно с этим, активность человека, его творческий дух, опредмеченный в разнообразных проявлениях материальной культуры приобретают сакральный, абсолютно значимый характер.

Понижение ценностного статуса природного, естественного в окружающем мире и в самом человеке, когда естество предстает как антиценность («вместилище зла») или ее ценностный смысл нейтрализован («пустота»), означает отчуждение человека от природы и формирование антикультуры, развитие которой сопровождается значительными внутренними системными кризисами и возникновением острых противоречий в системе «общество-природа» (прежде всего экологических проблем). Такая культура действительно может «оставить после себя пустыню», так как, отрицая ценность природы, культура отрицает не только свою основу, но и саму жизнь. Ведь отрицая природу, человек тем самым отрицает часть самого себя. Иллюстрацией отчуждения от природы является современная мораль, которая распространяется преимущественно на сферу межчеловеческих отношений, практически исключая опосредованность этих отношений природой. Причем человек выступает здесь только как социальное существо, а мораль призвана обуздывать и ограничивать природное в человеке. Исторический опыт показывает, что морализаторство, возведенное во всеобщую идеологию, разрывает человека, который в этих условиях

обречен на вечную борьбу телесного и духовного. Тем не менее, попытки отказаться от морали, руководствуясь исключительно прагматическими целями деятельности, порождают не только отношение к человеку к средству, но, как было отмечено выше, практически исключают ценностное отношение к природе, способствуют утверждению утилитаризма в материально-преобразовательной деятельности. В этих условиях безучастность к человеку предполагает и безучастность к природе, провоцирует жестокость и агрессивность.

Обратное отчужденному состоянию личности является состояние сопричастности природе как целому и «неотделимо своему», когда общение с ней всегда наполнено позитивным эмоциональным тоном. Здесь уместным будет привести выражение П.М.Китаева, в котором он характеризует естественное ценностное отношение к миру так: «Мировосприятие смещается в полосу радости, когда индивидуум видит мир открытым для себя, в этом смысле считает его своим и сам, в свою очередь, открыт миру, когда он обнаруживает свое положение в этом мире как надежное и прочное, свои личностные горизонты – широко открытыми, а свое существование не только нужным, но и исполненным высокого значения» [7, с.118]. По нашему мнению, в современных доминирующих культурах, развивающих отчуждение и объективацию природы, мы не можем обнаружить устойчивых оснований для подобного ценностного отношения. Кроме того, практически нет соответствующих общественных условий, способных выступить в качестве внешнего стимула ценностной трансформации. По замечанию Р.С.Карпинской, такое ценностное отношение нельзя считать также биологически запрограммированным [6, с.59]. То есть, ценностное отношение к природе – не естественно-биологическое отношение, а естественно-культурное, отражающее естественную укорененность человека в природе, раскрытую культурой. Следовательно, изменение отношения к природе возможно, прежде всего, средствами самой культуры, а именно – креативной деятельностью, сущность которой в творении и трансляции ценностей.

Генетически первичными являются материальные ценности, так как возникшие на заре становления человеческого общества ценностные отношения были связаны, прежде всего, с удовлетворением биологических, витальных потребностей человека,

связанных с его телесной природой и соответственно чувственно-телесными наслаждениями. Р.Г.Апресян отмечает, что «духовные наслаждения гораздо менее интенсивны, нежели чувственно-телесные: по сути, лишь последние и являются «абсолютными», «чистыми» наслаждениями» [1, с. 32]. Социокультурная природа материальных ценностей делает их достоянием экономической культуры, где природа уже имеет значение не для непосредственного потребления, а для обмена, что делает возможным использование природных процессов и явлений в качестве товара с определенной ценой. Цена оторвана от ценности, зависит от многих «внешних» для нее факторов (спроса, предложения, уровня конкуренции и т.д.), но может выступать в качестве иллюзорного заменителя ценности. Природа для экономического субъекта, движимого к максимуму экономической выгоды, не может быть ценностью.

Соответственно, в рамках экономических отношений неосуществимо также движение от материальных аспектов ценности природы к духовным, которое идеологически представляется общей тенденцией бытия человека в культуре. Противоречивость экономических ценностей в том, что они порождают дифференцированное восприятие природы, исключаящее восприятие ее как целостности в единстве многообразных ее материальных проявлений, составляющих реальную основу бытия человека и общества. Экономическая культура проводит жесткую демаркацию между полезным и бесполезным, выгодным и невыгодным, целесообразным и нецелесообразным в природе. Нужно отметить: буржуазные революции обусловили социально-культурные перемены, которые привели к прагматизации культуры. Общество развивается однобоко, культивируя прежде всего материальную сторону общественной жизни, а культура не способна к воспроизводству общечеловеческих ценностей, обеспечивающих движение к идеалам, высшим нравственным императивам.

Природа в аксиологическом смысле есть не только «материал», но и источник, носитель духовного потенциала жизни, необходимая основа бытия культуры и ценностей и основание духовной культуры. Эстетическое восприятие естества является проводником духовно-ценностного содержания: здесь субъект определяет уровень очеловеченности, одухотворенности природных явлений, исходя из их качественной определенности. Эстетическое освоение природы в

целом направлено на обретение индивидом гармонии своего внутреннего Я с окружающей действительностью, то есть восприятие ее как исконно своей, интимно близкой. Как отмечает Н.К.Рерих, при подобном восприятии природы «кочок природы, впервые подвергшийся обработке рукой человека, непременно должен вызвать чувство, похожее на впечатление потери чего-то невозвратимого» [11, с.30].

В ходе подобного освоения природы происходит обогащение духовного мира личности: многие ценности, идеи, казавшиеся ранее сугубо умозрительными, находят свое подтверждение. Обнаружение единства достигается, в том числе, за счет непосредственного эмоционального восприятия, необходимого при эстетическом освоении природы. Оно в отличие от абстрактно-рационального освоения мира предполагает единство субъекта и объекта восприятия и способствует формированию естественных неотчужденных связей с природой, на основе которых возможно ценностное восприятие природы.

Эстетическое восприятие природы есть и неутилитарное, в известном смысле незаинтересованное отношение к ней, отличимое от прагматической пользы предмета (что подчеркивает духовную специфику эстетического отношения). Здесь происходит освобождение человека от непосредственного влияния вещей, обстоятельств и социально-экономических условностей. Ведь эстетическому, ценностному освоению доступны не только природные объекты, подвергшиеся материально-практическому освоению: очеловечивание природы не всегда означает ее физическое преобразование. Многие объекты природы практически исключают возможность преобразовательного воздействия на них человека. По сути, ценностное как предмет нашего стремления, как наша цель, должно исключать утилитарное.

Причем восприятие красоты природы часто не требует каких-либо значительных интеллектуальных усилий или дополнительной подготовки, вызывая положительные чувства, чувства эстетического удовольствия. Но это не всегда так. Более сложное мировосприятие природных объектов требует определенной культурной базы и высокого уровня развития познавательных способностей [13, с.50]. Здесь становится важным сохранение единства между мыслью и чувством, как залога формирования ценностных структур сознания.

Наибольшие перспективы эстетического освоения природы проявляются там, где человек воспринимает так называемые живописные места, где природные объекты привлекают внимание своей необычностью, величественностью, многообразием, яркостью и т.д., что заведомо обуславливает положительные эстетические чувства. Подобная практика может привести к ценностному дифференцированию природы, отвергающей ее целостность, так как не вся естественная природа отвечает обусловленным культурой требованиям живописности или восприятие ее приносит заведомое эстетическое удовольствие. Соответственно формируется деятельностный стереотип сохранения живописности привлекательных объектов природы (причем любой ценой, даже в ущерб существующим биоценозам) и преобразование, совершенствование всех остальных. Следовательно, утверждается деятельный стереотип, обуславливающий любые манипуляции природными объектами в угоду простому эстетическому удовольствию. Чувственное переживание природных объектов должно пересекаться с экологическим знанием, что позволяет говорить не просто о красоте природы, а о ее «экологической красоте». По определению Н.Б.Маньковской, экологическая красота – это комплексная, сложная, рациональная красота, оперирующая категориями экономичности, простоты, она заключается в понимании структуры, функционирования, целесообразности экологической системы [9, с. 21].

Экологическая красота подчеркивает эстетическую ценность всей природы как целостного, взаимосвязанного организма, эстетический приоритет невозделанной природы. Эстетическое отношение к природе предполагает и начало нравственного отношения к ней. Эстетическое освоение природы порождает стремление сохранить природу как гармоническое целое, что требует ответственной материальной практики. Целенаправленное, творческое соприкосновение человека с прекрасным, способствует более глубокому восприятию таких нравственных идеалов, как благо, равенство, чистота. Кроме того, эстетическое и этическое взаимозависимы еще и в аспекте чувственного восприятия мира, которое является необходимой составляющей формирования и функционирования ценностей. Любовь к природе есть и любовь к человеку, так как природа является перекрестием межчеловеческих

отношений и одновременной основой бытия человека. Поэтому духовно-ценностное отношение к человеку невозможно без ценностного восприятия его телесности, природности. Только тогда ясным становится, что, разрушая природу, мы тем самым разрушаем собственную жизнь, жизнь другого человека и всего человечества.

Таким образом, в отношении к природе заключен глубокий нравственный смысл: насилие над природой есть насилие над человеком и наоборот. Разрыв ценностных отношений между людьми есть разрыв ценностных отношений между человеком и природой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Р.Г. Мораль потребления: традиции и новации / Р.Г. Апресян // Мораль потребительства: истоки проявления, критика. – М., 1985. – С. 27-43.
2. Белова, Т.В. Социальный и индивидуальный уровни отчуждения / Т.В. Белова // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. – 1991. – №2. – С. 25-34.
3. Виноградова, Е.Г. Формирование культуры устойчивого развития / Е.Г. Виноградова, Н.М. Мамедов // Эпоха глобальных перемен (опыт философского осмысления). – М., 2004. – С. 327-335.
4. Выжлецов, В.Г. Аксиология культуры / В.Г. Выжлецов. – СПб., 1996.
5. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990.
6. Карпинская, Р.С. Человек и его жизнедеятельность / Р.С. Карпинская. – М., 1988.
7. Китаев, П.М. Культура: человеческое измерение / П.М. Китаев. – СПб., 1997.
8. Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 39-53.
9. Маньковская, Н.Б. Экологическая эстетика за рубежом / Н.Б. Маньковская // Философские науки. – 1992. – №2. – С. 16-31.
10. Мещерякова, Н.А. Отношение к природе как аксиологическая проблема / Н.А. Мещерякова // Философские науки. – 1986. – №6. – С. 131-134.
11. Рерих, Н.К. Человек и природа / Н.К. Рерих. – М., 1994.
12. Супрун, В.И. Современная буржуазная футурология: проблемы, тенденции / В.И. Супрун. – Новосибирск, 1986.
13. Хацкевич, Д.Х. Природа как эстетическая ценность / Д.Х. Хацкевич. – М., 1987.

С.Н.ЧУВИН

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ТРАНСФОРМАЦИЙ ЧЕЛОВЕКА

Для раскрытия особенностей развития человека под воздействием общественно-исторического развития нам кажется необходимым

ввести и дать некоторые разъяснения к понятиям «эволюционные изменения человека», «эволюционные трансформации человека», «экотехнологическая трансформация человека». На наш взгляд, данные процессы целесообразно разграничить по нескольким параметрам, таким как их относительная длительность, подчинённость природным либо социальным законам, объективным или субъективным факторам, направленность и тенденции развития человека в целом.

Так, под *эволюционными изменениями* человека мы понимаем медленные, происходившие на протяжении миллионов лет и подчинённые в основном природным законам перемены, в ходе которых человек интегрировался с окружающей средой, приспособлялся к ней, и результатом которых явилось возникновение человека современного биологического типа – кроманьонца. При эволюционных изменениях характерны, прежде всего, исторически длительные периоды перехода от одного качественного состояния к другому, человек по своему происхождению интегрирован с природой, является её неотъемлемой частью, и изменения носят в большей степени приспособительный характер к медленно эволюционирующей биосфере; человек изменяется, но изменяется в соответствии с фундаментальными изменениями в биосфере и определённой географической среде, в которой он развивается. Эволюционные изменения шли сравнительно медленно (миллионы лет), они плавно накапливались, сменившись затем эволюционными трансформациями, то есть качественными переходами на основе накоплений внутренних изменений, особенно веса и структуры мозга.

Естественный отбор человека наблюдается на всём протяжении двухсоттысячелетней истории кроманьонца: собственно социальные закономерности стали проявляться только в эпоху техногенного развития – индустриального и постиндустриального, тогда как в период собирательства и земледелия человек находился “в плену” природно-социальных закономерностей, где незначительная социальная составляющая не играла своей роли. До появления и развития промышленного производства (с промышленной революции конца XVIII века) природно-биосферные закономерности всецело определяли жизнь человека; только в условиях техногенного развития социальная составляющая возросла – и мы сейчас можем

говорить о том, что человечество развивается на основе социально-природных закономерностей. Так, например, за всю историю развития кроманьонца (150-200 тысяч лет) средняя продолжительность жизни возросла с 12-13 лет до 20 лет в XV веке, что определялось в основном высокой детской смертностью [2, с.38-39]. В XVI-XVIII веках она возрастает до 30-35 лет, а за два столетия индустриального развития (XIX-XX века) она достигает уже 75-80 лет в наиболее развитых странах [2, с.40-53]. О поспешности выводов об определённости постоянства типа современного человека свидетельствуют процессы акселерации, когда только в XX веке население промышленных стран подросло на 10-15 см, и многие другие данные.

Кроманьонец, проживший на планете без существенных физических изменений последние 50 тысяч лет, стал стремительно меняться и терять свои природно-функциональные качества, приобретая социальные и социально-техногенные. Человек был порожден биосферой и до определенного времени развивался преимущественно как природное существо, в котором природные задатки превалировали над социальными способностями. И несмотря на все трудности жизни и выживания в биосферно-природной среде, человек соответствовал этой среде, в которой проходила его жизнь и естественный отбор.

Заметные изменения социального порядка в человеке стали происходить, начиная с эпохи неолита, аграрных революций. Именно в этот период начали не только развиваться многие стороны социальной жизни и соответственно социальные качества людей, но и снижаться давление естественного отбора. «Сам человек в его социальной истории, – пишет, например, В.П.Казначеев, – в растущей степени управляемый целевыми факторами, опосредованными элементами культуры, социальными потребностями, выскользнул из сфер естественного отбора и вошел в зону культурного биосоциального эволюционного процесса. Советский биолог Н.К.Кольцов ещё в 20-е годы нашего столетия показал, что приблизительно за последние 8-10 тыс. лет давление естественного отбора снизилось в тысячу раз. В отношении наших дней давление естественного отбора на человека, вероятно, снизилось ещё на два порядка» [3, с.222-223].

Здесь мы уже можем говорить об *эволюционных трансформациях* человека, которые шли уже не по чисто природным, а преимущественно по природно-социальным законам. Происходили они, по сравнению с предыдущими эволюционными изменениями, с относительно большой скоростью: если первые длились миллионы лет и завершились появлением кроманьонца – человека современного биологического типа, то вторые происходили всего лишь несколько десятков тысяч лет: с 40-50 тысяч лет до нашей эры и до 1800-х годов. К эволюционным трансформациям мы можем отнести такие социальные явления, как появление и закрепление мифологического сознания, мифологического мировоззрения, культуры и основных (первичных) норм нравственности. Однако, стоит отметить и то, что параллельно шло облагораживание телесности человека – становились более изящными черты лица и т.п. На этой базе и совершенствовался человек современного типа.

Становление индустриально-городской, затем постиндустриальной, а в итоге техногенной цивилизации является самым мощным фактором изменения человеческой жизнедеятельности и человека. Но большинству исследователей видятся изменения в человеке только положительного характера, мало кто обращает внимание на его кризисное состояние. Новая реальность, техногенный мир, а не природа, во многом уже определяют жизнедеятельность человека. В ходе развития техносферы и ноосферы происходит интеграция социально-природного человека с техникой и связанный с этим эволюционный кризис человека. Биосферный человек в условиях бурного промышленного развития, урбанизации жизнедеятельности и разрушения биосферы подвергается деструктивным процессам и, пожалуй, уже необратимой деградации природных его свойств. Все усилия медицины (а именно она занимается вопросами здоровья человека) направлены не на сохранение и развитие природных качеств людей, а на лечение болезней, разработку лекарств и различных технологий и методов лечения, не обращая внимания на заметное усиливающееся разрушение физического и психического здоровья человека техногенной цивилизации, в результате чего и появляются болезни. Эти явления как положительного, так и отрицательного характера можно рассматривать в рамках процесса, который мы определили как «экотехнологическая трансформация человека».

Экотехнологическая трансформация человека – подчинённое социальным и социоприродным законам коренное изменение биосоциальной природы человека и его интеграция с техникой и техносферой в целом под воздействием ряда социальных факторов, в первую очередь – стремительно восходящей науко-техники, с помощью которой человек изменяет самого себя и строит искусственную среду своего обитания. К экотехнологической трансформации человека можно отнести изменение образа жизни под воздействием техники, возникновение потребностей технико-технического характера, формирование нового разумного существа, в организм которого уже могут быть включены чипы и иные технические средства. Как отмечает Э.С.Демиденко, «до сих пор на Земле осуществлялась биогенетическая смена биосферных существ, приведшая к появлению человека... сейчас же на смену биосферному, биосоциальному существу грозит прийти существо постчеловеческое: вначале биотехносоциальное, затем и технобиосоциальное и, наконец, как венец творения homo sapiens – киборг» [1, с.140]. Основными проявлениями экотехнологической трансформации человека, которая неразрывным образом связана с разрушением и деградацией биосферы, с коренными техно-биологическими изменениями в ней, являются проблемы экологии человека, выход его из сферы физического труда. Это ведет к изменению его образа жизни и потере им природных свойств, органов и функциональных систем (особенно сердечно-сосудистой, половой, эндокринной и др.), проблемы, связанные с употреблением алкоголя, наркотиков, психосоциальные перегрузки и т.п. Новые потребности и интересы, которые овладевают человеческими умами и душами, связаны все больше и больше со стремительно развивающимися техникой и технологиями, искусственностью социоприродного развития.

По итогам данного исследования можно отметить следующее:

Во-первых, исследуемые в ней процессы, такие как эволюционные изменения человека, эволюционные трансформации человека, экотехнологическая трансформация человека можно разграничить по нескольким параметрам: таким, как их относительная длительность, подчинённость природным либо социальным законам, характер интеграции человека с окружающей

средой, прогрессирование либо деградация определённых качеств человека, направленность его развития в целом.

Во-вторых, под *эволюционными изменениями* человека мы понимаем медленные, происходившие на протяжении миллионов лет и подчинённые в основном природным законам перемены, в ходе которых человек интегрировался с окружающей средой, приспособлялся к ней, и результатом которых явилось возникновение человека современного биологического типа – кроманьонца.

В третьих, *эволюционные трансформации* человека, идущие уже не по чисто природным, а преимущественно по природно-социальным законам, происходили лишь несколько десятков тысяч лет: с 40-50 тысяч лет и до 1800-х годов до нашей эры, включая такие социальные явления как появление и закрепление мифологического сознания, мифологического мировоззрения, культуры и первичных норм нравственности.

В четвёртых, *экотехнологическая трансформация* человека, происходящая в последние десятилетия, подчинена социальным и социоприродным законам, являясь коренным изменением биосоциальной природы человека и его интеграцией с техникой и техносферой в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демиденко, Э.С. Формирование метасоциума и постбиосферной земной жизни / Э.С.Демиденко. – М.; Брянск, 2006.
2. Журов, Ю.В. Проблемы методологии истории / Ю.В.Журов. – Брянск, 1996.
3. Казначеев, В.П. Учение В.И.Вернадского о ноосфере в связи с современными проблемами экологии человека / В.П.Казначеев // Учение В.И.Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. – М., 1990. – Т.1.

А.Ф.ШУСТОВ, Г.А.ШУСТОВА
ПРИРОДА ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА И ЕГО
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Задача данной статьи состоит в том, чтобы выяснить специфику технического творчества, указать на основные структурные элементы, его образующие, и определить, какова в нем роль социокультурной составляющей. Не вдаваясь в обсуждение вопроса о детальном определении творческого процесса, отметим только, что большинство авторов связывают процесс творчества с необходимостью восстановить нарушенную гармонию, под которой могут пониматься как организация самого объекта, так и ясность представления людей об окружающей действительности. Изменившиеся условия взаимодействия человека с каким-то фрагментом реальности требуют организации новой целостности, в новых условиях. В результате возникают такие деятельные схемы, которые не существовали до того и не могут быть выведены из предшествующих прямо и непосредственно.

Это осознается человеком как акт творчества, так как оно есть всегда выход за пределы достоверно известного. Творчество является необходимой характеристикой человеческой деятельности, обеспечивающей создание мира искусственных предметов и ориентированной на удовлетворение потребностей посредством изменения материальной среды. Значение творчества возрастает по мере превращения среды обитания людей из естественной, преобразуемой, в создаваемую, техногенную. В то же время оно является относительно самостоятельным духовным моментом в практической деятельности человека.

При рассмотрении технической деятельности в социокультурном пространстве одним из важнейших вопросов является проблема технического творчества и его специфика. Рассмотрение этого вопроса в контексте данной статьи не предполагает ознакомления с историческими и психологическими мотивами того или иного изобретения.

Философская проблема состоит в том, чтобы выяснить наиболее общие причины технического творчества, а также определить ту сферу, из которой обретается нечто новое, чего раньше не было. В процессе творчества проявляется особенно ярко факт, что человек не включен в качестве одного из членов в причинно-следственную связь природы. В нем есть нечто большее, что не выводится из закономерностей его материального, природного существования. В процессе творчества личность привносит в мир человеческие, субъективные начала, что приводит к расширению существующего

пространства культуры, создавая новые горизонты человеческих возможностей.

В самом общем виде под творческой деятельностью понимается деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. Такое понимание творчества имеет длительную традицию уходящую корнями в философию Платона и Аристотеля. Платон впервые определил творчество как создание нового. Он писал, что творческое искусство есть всякая способность, которая является причиной того, чего раньше не было. Аристотель поставил проблему объективной детерминации творческого процесса. Классическое понимание творчества, идущее от установок античной философии, исходит из того, что человек создавая нечто новое, открывает его существенные черты, скрытые от непосредственного восприятия. Поэтому в течение долгого времени к области творчества относили художественную практику, но по мере развития и осознания результатов познавательной деятельности, сформировались представления о творчестве ученого. К середине XIX века, вместе с возникновением технических наук стал осознаваться и третий вид творчества – техническое. С этого периода начинается процесс развития научно-технического творчества, при котором и научное и техническое начало органично взаимосвязаны. Взгляд на техническое творчество с позиций определяющей роли некоторой ведущей формы деятельности в ту или иную историческую эпоху исключительно важен, т.к. он позволяет осознать существо феномена и выявить определяющее его основание.

В литературе, посвященной техническому творчеству, подробно анализируется процесс его протекания, который позволяет выяснить сущность технического творчества, механизмы технической творческой деятельности и на этой основе выявить его специфику, найти средства социокультурного воздействия на этот процесс.

Одна из первых концепций, рассматривающая процесс технического творчества, была предложена в 1910 году П.К.Энгельмейером. Суть ее в подразделении процесса развития творческой идеи на три составляющие; первый акт – замысел, гипотетическая идея будущего произведения, второй акт – знания и рассуждения, оканчивающиеся схемой изобретения; третий акт – умения, при которых к замыслу прикладываются не мысли, а факты. Основным слабым местом этой концепции выступает абстрактность, неразвитость каждой из фаз, отсутствие анализа связи между фазами, а также полная неразработанность творческого процесса до момента

формирования замысла. Одним из источников технического творчества является внешняя необходимость, которая и выражается в потребностях.

Описанные различными авторами варианты структуры протекания творческого процесса подчинены близким друг другу принципам: замысел, осознание потребности, и кульминация получение результата. Приведенные схемы творческого процесса показывают ход его протекания, но данные схемы недостаточны для определения специфики технического творчества. Поэтому представляется необходимым более детально ознакомиться с некоторыми составляющими технического творчества, что поможет раскрыть его качественные характеристики и тем самым определить его отличительные черты.

Одной из начальных форм творчества является, полагание цели, т.е. процесс осознания объективных потребностей, тех необратимых изменений в мире и человеке, которые произведены предыдущей человеческой деятельностью. Кроме осознания потребностей в формулировку целей входит и процесс осмысления этих потребностей на языке тех возможностей, которые накоплены в предыдущем развитии. На основании данного анализа формируется проблемная ситуация, в ходе которой формулируется задача самоопределения субъекта технического творчества относительно условий деятельности. В начале творческого процесса субъект имеет дело с достаточно предварительным пониманием сути своего замысла, такой замысел можно назвать идеей. Идея выражает содержательность намерения субъекта, в нее входят: выбранный вариант решения задачи, уровень оптимизации конструктивных параметров объекта, присущее ему функционирование, структуру материалов его составляющих и т.д.

Гегель удачно выразил соотношение творческого намерения и идеи. Он писал, что продуктом мышления является все, что нами вообще мыслится, но мысль есть еще нечто формальное, понятие есть уже более определенная мысль, наконец, идея есть мысль в ее целостности и в себе и для себя сущим определением. Но идея есть, следовательно, истина, и единственно лишь она есть истина, существенная же черта природы идеи состоит в том, что она развивается и лишь через развитие постигает себя: она становится тем, что она есть. Новаторская техническая идея есть особое отношение субъекта к объекту, в ней органически сливаются стремление, намерение и познание объективной реальности. В

проекте реализуется системный подход к формируемому техническому объекту, включающий в себя теоретическую концепцию физической основы будущего устройства, определение его основных элементов взаимодополняющих и взаимообуславливающих друг друга в рамках данной целостности.

Субъект технического творчества исходит не только из теории, но и из ряда вненаучных и нетехнических факторов, он осуществляет не только выбор и синтезирование научных данных, но и их переосмысление в контексте технического видения природы и культуры.

Влияние социокультурных факторов на техническое творчество осуществляется в нескольких направлениях: прежде всего в культуре, поскольку она является пространством, в котором осуществляется процесс творчества. Поэтому культурная детерминация не сводится к набору условий и ограничений, налагаемых внешней средой, а выступает эвристическим стимулированием творческой деятельности, которая порождается совокупностью выделенных субъектом и значимых для него культурных ценностей. Следующим фактором, влияющим на развитие технического творчества, выступают социальные условия. Любая техническая идея несет некоторую социокультурную информацию и отражает социальное функционирование будущего технического объекта. Технический объект возникает не из небытия, а из субъективной реальности, уже существующей, но еще находящейся в сознании в качестве идеального образа, который может появиться в виде технической вещи, обладающей свойствами, заданными общественными потребностями и социокультурными характеристиками. Общественная значимость технического творчества вытекает из того, насколько оно удовлетворяет социокультурные потребности. Творчество инженера предполагает осмысление и переосмысление технической реальности, видение в ней новой предметной области, представляющей интерес для повышения эффективности техники и технологии. Техническое творчество предполагает формирование предмета поиска и раздумий, проекцию во вне. Необходимо акцентировать внимание на одной из главных особенностей технического творчества – а именно, на конструирующей деятельности субъекта по созданию нового, как существенной черты всякого творчества. Для этого сопоставим научное и техническое творчество.

Научное творчество направлено на описание и объяснение схем, с помощью которых субъект творчества выстраивает систему знаний об окружающей его действительности. Для ученого создание идеальной модели физического явления оказывается главной целью его деятельности, тогда как в техническом творчестве, это важный, но не конечный этап. Задача научного творчества – обнаружить, открыть и описать объективно уже существующие связи между явлениями и группами явлений (т.е. эти связи уже есть в наличном бытии).

Поиск субъекта технического творчества направлен на создание материально-технических конструкций, поэтому он вынужден учитывать конкретные особенности требуемой конструкции, характеристики используемых материалов и возможности существующих технологий. Все технические объекты, в конечном счете, задуманы и произведены субъектом, посредством творческого процесса.

Содержание и форма любого технического объекта не вытекает с необходимостью из природных закономерностей, которые обнаружены научным познанием: они – результат конструирующей деятельности субъекта. Даже проектирование традиционных объектов не представляет собой простого дедуцирования проекта из совокупности научных принципов. Общественная техническая потребность не определяет ни структуру технического объекта, ни технические идеи, которые в него заложены. Одной из характерных особенностей творческой деятельности является предвидение. При этом учитываются два момента. Во-первых, любой ход творчества и каждый его результат включает в себя достоверное знание фактов прошлого и настоящего, объективных свойств и законов деятельности. Следовательно, творчество объективно детерминировано историческим уровнем научного, технического, культурного и социального развития. Оно выражает и представляет собой определенную эпоху, выступая этой своей стороной от имени прошлого и настоящего. Во-вторых, творчество включает в себя и предвосхищение еще не наступившего. Этой своей стороной оно выступает от имени будущего. Таким образом, можно констатировать наличие противоречия, которое наряду с другими обстоятельствами характеризует процесс и продукты творчества. Оно опирается на знания и опыт прошлого и настоящего и, в тоже время, отрицает их, неся в себе стремление в будущее.

Создание нового опирается на предвидение, в первую очередь – на предвидение того, как это может удовлетворить созревшие технические потребности. В конечном итоге, совокупность общественных технических потребностей в их интегральном взаимодействии выполняет роль главного детерминанта по отношению к творчеству.

Но речь идет не о простой автоматической связи между социальным заказом общества, который выражается в общественных технических потребностях, и результатами творчества инженеров и техников. Эти результаты могут быть ответом на запросы общества будущего, определяясь еще неосознанными потребностями и тенденциями практики. Например, в 1748 году французский изобретатель Ж.Вокансон предложил проект средства сообщения, представляющего собой карету с двигателем в виде часового механизма, управляемого одним человеком. Проект был отвергнут Парижской академией

Техническое творчество «снимает» характеристики спонтанности и непредсказуемости развития проблемной ситуации. Творчество должно быть предсказуемым, как и развитие технической деятельности в целом. Предысторию такого подхода можно найти в размышлениях И.Канта о переориентации человеческого отношения к миру с открытия на изобретение, в философии творчества С.Кьеркегора и Ф.Ницше, утверждающей противоположность возникновения и творчества научно-технической рациональности.

Результат творческого процесса обладает двумя системными качествами: во-первых, к системе оценки результатов как значимое, и, во-вторых, в отношении к системе уже существующих результатов как новое. Субъект творчества стремится достичь социально значимого результата. Значимость порождена и определяется общественными техническими потребностями, которые являются движущими силами творчества вообще и технического в частности. Значимость возникает там, где имеется целесообразная система, взаимодействующая со средой. Между системой и средой обязательно возникает комплекс постоянно развивающихся противоречий, сущность которых – в различии законов рассматриваемой системы и законов среды.

Понятия «объективной новизны» и «социальной значимости» являются атрибутивными моментами технического творчества. Новизна связана со временем, которое, как писал Г.Гегель в «Эстетике», не есть положительная рядоположенность наподобие

пространства: наоборот, это отрицательная внешность, это подобие точки в виде снятой внеположенности, это своего рода отрицательная деятельность упразднения данного момента, уступающего место следующему, который в свою очередь упраздняется, сменяется другим.

Новое связано не только со временем, но и с пространством, выступающим как внешнее. Внешнее в ряду диалектических категорий противоположно внутреннему. Новое проникает в предмет творчества извне. Другого источника новизны нет, так как, если новое содержание имеется в самом предмете творчества, точнее, в том образе предмета, который уже есть в сознании самого творца, то оно уже не может рассматриваться как новое. Поэтому появляющееся новое качество есть по сравнению с исчезающим другое, безразличное качество, переход одного качества в другое, и оба качества положены как совершенно внешние друг другу. Новое может быть выделено из самого предмета творчества путем его анализа, проникновения внутрь, в сущность. Однако анализ предмета, разделение его на взаимосвязанные элементы приводит к тому, что сам он разделяется, некоторые части предмета перестают быть им сами и оказываются внешней его средой. Из них и возникает новое. Проникновение в сущность предмета также открывает нечто новое, не относящееся к тому первоначальному образу, который был в сознании творца, и в этом смысле открывает в сущности нечто внешнее для образа и предмета.

В известном смысле и субъект творчества также есть некоторый фактор внешней среды по отношению к объективно заданному предмету творчества. Субъект может быть различным, а объективно творческая задача существует независимо от конкретного субъекта, хотя именно субъект и должен ее решать, превратить из объективной потребности в субъективную цель. Новизна раскрывается не только как абстрактно внешнее, но и как движение от внешнего к внутреннему. Среда (внешнее) сама по себе не может задавать даже примерный характер новизны, извлекающийся из нее субъектом творчества. Скажем, аналогизирующий ум конструктора извлекает из среды аналогии, комбинирующий – элементы, а реконструирующий – отрицания.

Итак, на основе временного и пространственного определения новизны раскроем новое как возможность. Подобно всякому творчеству, техническое творчество развивается через переход от возможности к действительности. Творческая цель, прежде чем

получить реальное существование, предварительно существует как одна из возможностей. В определении технического творчества часто идут от результата деятельности, подчеркивая атрибутивные его моменты – новизну и значимость, создание нового, ранее не бывшего, выход за пределы заданной ситуации и т.д. Все эти моменты технического творчества были показаны выше. Однако, представляется, что такое понимание не охватывает всей глубины проблемы возможностей технического творчества в современных формах технической деятельности. Сегодня с особой актуальностью звучит вопрос, в чем смысл технического творчества. Смысл как субстанциональная основа технического творчества предполагает осознанную ответственность субъекта творчества, ибо результаты творческой деятельности могут обнаруживать отрицательное значение для самого творца и его социального бытия. Действуя только по принципу внешней целесообразности, человек сам становится моделью репродуктивного процесса.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, СОЦИУМА

В.Г. ГОРБАЧЕВ

ТЕМА ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЯХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Для социальной трансформации современного российского общества характерны также глубокие изменения и в его идеологических основаниях. Идеологическая сфера стала гораздо более сложной, «многополярной». В ней появились новые субъекты идеологического процесса (например, в лице многочисленных политических партий и политических движений разного толка), а некоторые из ранее существовавших субъектов (например, электронные средства массовой информации, русская православная церковь) резко усилили свою роль и влияние. В последние годы заметно усиливает свою идеологическую функцию и само российское государство. Сегодня особую роль в развитии российского общества играют *политические идеологии*, которые пытаются формулировать стратегию развития общества на длительный период, обозначать «маршруты» его движения.

Конечно, в центре внимания этих идеологий находится государство как основной орган официальной (легитимной) власти в обществе. Вместе с тем, в любой политической идеологии имеется и антропологическое содержание, поскольку первичным субъектом политики и ее непосредственным объектом всегда является человек. Вот почему *политическая идеология не может обойти стороной тему человека*, затрагивая соответствующие аспекты в ней. Роль политических идеологий особенно важна в периоды глубоких социальных трансформаций, и это очевидным образом проявлялось в России в 90-е годы XX века. Это были годы острого идеологического противостояния и политических дискуссий, когда (особенно во время избирательных кампаний, общенациональных референдумов) решался вопрос о выборе пути дальнейшего развития страны. Для идеологического процесса 90-х годов были характерны, в первую очередь, так называемые макропроблемы, связанные с радикальным реформированием общества. В центре внимания находились форма политического режима, власти, приватизация собственности, формирование рыночной экономики, федеральные отношения в стране, интеграция в европейские институты и т.д. В силу этих и иных причин вопросы социальной политики, касающиеся по сути своей уровня и качества жизни человека, не были в повестке дня на первом плане. Логика либеральных реформ, общая установка на смену общественного строя неуклонно вела в итоге к тому, что *целое брало верх над отдельным*, т.е. макропроблемы общества обретали в процессах реформирования приоритетный характер. К тому же, эти реформы, как показало время, осуществлялись в интересах узкого слоя общества с его специфическими интересами – интересами обладания собственностью. Уверенные в своей безусловной правоте, идеологи либеральных реформ были убеждены, что «с социализмом в России покончено», и «наше будущее – на путях рыночной экономики» [3, с.9]. Автор этих строк – Е.Т.Гайдар, в 1991-92 гг. возглавлявший Правительство России, а несколько позже - политическую партию Демократический выбор России, своей главной задачей считал, по его словам, «доведение до конца рыночных реформ и построение устойчивого, динамичного, богатейшего общества западного типа в нашей стране» [3, с.202]. Среди обозначенных им важнейших проблем России начала 90-х годов XX века (формирование правового государства,

демонополизация экономики, разделение власти, становление среднего класса и т.д.) не оказалось ни одной, сопряженной с термином «человек» [3, с. 200 – 201].

Насаждавшаяся в общественном сознании либеральная идеология делала акцент на личных правах и свободах человека, которые, обретая деформированные смыслы, рождали ту жизненную ориентацию, которую трудно назвать высокоморальной: «Бери от жизни все и наслаждайся!». На самом деле, это – принцип индивидуализма, доведенный до крайности, до безответственности перед обществом и государством. Форсированное создание в России основанной на частной собственности рыночной экономики и слабость ее регулирования со стороны государства («дикий капитализм») объективно формировало в итоге «экономического человека», ориентированного на личное преуспевание, на обогащение, потребительский образ жизни. На наш взгляд, *это - вульгарный человек с упрощенной природой и столь же упрощенным пониманием смысла своей жизни, не выходящий за рамки экономической детерминации своего бытия в условиях простейшей свободы.* Это человек, для которого свобода есть, прежде всего, свобода торговли, свобода частного бизнеса от государства. Один из идеологов «Демократического выбора России» подчеркивал, что данная партия – это «партия реформаторской буржуазии», ставящая во главу угла принцип частной собственности [15, с.31].

Негативные антропологические последствия либеральных реформ не могли не проявить себя. Они были «зафиксированы» в политической идеологии, подверглись публичным оценкам. Пожалуй, впервые это было сделано в официальных документах общественного движения «Яблоко» (позже оно обрело статус политической партии). Так, участвуя осенью 1995 года в выборах в Государственную Думу РФ, «Яблоко» на своем II съезде в принятой им «Декларации» поставило вопрос о «слишком большой цене» за либеральные реформы, о необходимости «думать о последствиях проводимой политики» [13, с.8 - 12]. «Яблоко» провозгласило, что оно выступает «за реформы для всех, а не для узкой прослойки, настроенной на быстрое обогащение» [13, с.8]. Годы современной Реформации с ее свободой слова открыли простор также и для всякого рода идеологий маргинального толка, выражающих различные оттенки «потрясенного», расколотого сознания, оказавшегося не способным

«совладать», справиться с острыми противоречиями жизни. В качестве типичного примера можно, на наш взгляд, взять идеи известного своими крайними позициями движения «Русское национальное единство». В работах идеолога этого движения А.П.Баркашова без особых усилий можно встретить идеи, которые по своим признакам относят к фашизму: защита генетической чистоты русской нации, борьба с демократическими ценностями, примат национального государства над гражданином, выделение «смертельных врагов» в лице отдельных наций и т.д. [1]. «Новую идеологию» для России пытается сформулировать и ЛДПР в лице ее неизменного лидера В.В.Жириновского. В эту идеологию заложен такой же акцент: спасение русской нации от внутренних и внешних врагов, от духовного и физического распада. По убеждению Жириновского, только патриотическая идея способна сыграть роль идеи общенациональной. Обращаясь к некоему собирательному образу по имени Иван, Жириновский призывает его: «Встань из окопа, выйди из своего покосившегося дома. /.../ Отступить нам некогда. За нами Россия. /.../ С Богом, Ваня. Пора начинать!» [5, с. 6, 62]. Россия, в представлении лидера ЛДПР, может быть лишь с сильным государством, с авторитарным режимом, с мощной экономикой и армией.

Надо сказать, что идеологическая проблематика не утратила своего значения и сегодня - в начале XXI столетия - особенно в связи с геополитическими процессами в мире, нарастанием угроз-вызовов для современной России. «Сегодня все политические силы России, - пишет известный российский ученый-политолог, - включились в погоню за «Большой государственной идеей». С одной стороны, в этом находит свое выражение реакция общества на цинизм и бездуховность политиков, пренебрегающих не только национальной традицией, но и всякими идеалами вообще. С другой – растерянность правящей элиты, проявившей полную неспособность внятно сформулировать ответ на основной вопрос государственной политики: в чем состоят национальные интересы России и какой стратегии требует их защита внутри страны и на мировой арене» [8, с. 352]. В его представлении, «Большая идея» - это «ответ осажденного роковыми силами, но не сломленного субъекта, сохранившего ориентацию на идеал» [8, с.352]. С этим нельзя не согласиться: без идей нет и социального движения. Надо, однако,

понимать, что в демократическом обществе с его разнородной социальной структурой идеология всегда существует во многих вариантах. В целом же, на наш взгляд, политическая идеология («большая идея») сегодня имеет совсем не меньшее значение, нежели экономика: *первое должно определять второе*, чтобы была определенность в стратегическом курсе развития экономики как основополагающей сферы общества. Впрочем, дело не только в экономике. Политическая идеология, в конечном счете, должна ставить вопрос глубже: как осуществить *человеческую меру* в развитии общества? Как сделать человечным государство? Сегодня все большее число политических партий и движений, являясь субъектами конкретных идеологий, заявляют, в качестве важнейшей для себя цели-ориентира, *свободную личность*, которая существовала бы в *свободном обществе*. Считается, что важнейшим итогом всех политических, экономических и иных преобразований в обществе должно быть создание условий и возможностей для саморазвития и самовыражения личности в формах свободы. Нам представляется, что политические идеологии современного российского общества, чтобы не отстать от жизни, должны осуществить настоящий переворот: переключить внимание общества на проблему человека, на поиски путей его подлинного освобождения и возвышения. Для России, где всегда существовал культ государства, сегодня это более чем актуально.

В начале XXI века в развитии российского общества наметилась и осуществилась так называемая стабилизация в развитии, означавшая, в частности, существенное укрепление государственных начал в различных сферах общественной жизни. В эти годы стала очевидной и попытка государства в лице правящей политической элиты и примыкающих к ней интеллектуальных кругов предложить новый курс развития России на длительный период (примерно до 2020-2025 годов) *стратегию развития страны при опоре на человеческий потенциал*. Этот курс стали называть «новой идеологией» для современного российского общества, которая будто бы способна вывести его из длительного состояния идеологической неопределенности и предложить ясные ориентиры дальнейшего развития. Чаще всего ее стали определять как «социально-консервативную» идеологию, сопоставляя таким образом с другими идеологиями современного российского общества и обозначая ее

специфику. Данная идеологическая ориентация была положена в основу программных документов и официальных установок политической партии «Единая Россия», активно использовалась ею во время выборов в Государственную Думу РФ в декабре 2007 года и во время выборов Президента страны в марте 2008 года. В политических кругах в эти годы часто говорили о так называемом «плане Путина», который будто бы был сформулирован им, в основе своей, в своих посланиях к Федеральному Собранию РФ, особенно в период 2004-2007 годов [16]. Говоря об этом плане, аналитики стали отмечать одно из его основных достоинств: признание человека главным источником развития страны и, следовательно, - установку на всемерную поддержку и развитие «человеческого капитала» через механизмы социальной политики государства.

В качестве исходных в данной стратегии стали две идеи. Во-первых, это идея инновационного прорыва России на основе формирования в стране «экономики знаний». Эта идея предполагает творческую личность, ориентированную на непрерывное образование и самовыражение. Во-вторых, идея поддержки и развития человеческого потенциала путем реализации приоритетных национальных проектов как конкретных каналов инвестиций в человека. По сути дела, это замысел активной социальной политики, предполагающей приоритетное развитие тех сфер общества, где имеет место «производство человека» (образование, здравоохранение, культура и т.д.). На наш взгляд, стратегия опережающего развития России оказалась именно тем интеллектуальным пространством, в котором удачно смогли «встретиться» политическая идеология, социальная наука и практическая политика, дополнив и усилив друг друга. Говоря о стратегии инновационного развития современной России, заметим, что ощутимый импульс обсуждению проблематики инновационного развития придало, в частности, выступление Президента РФ В.В.Путина в феврале 2008 года с докладом «О стратегии развития России до 2020 года» на расширенном заседании Государственного совета страны. В этом выступлении он употребил термин «инновационное общество», поставив задачу его активного формирования. В феврале-марте 2008 года во время избирательной кампании проблематика инновационного развития страны была актуализирована также и кандидатом на должность Президента

страны Д.А.Медведевым. Особенно заметно это было сделано им на V Красноярском экономическом форуме, где он обозначил задачу создания «экономики стимулов к инновациям», которая возможна лишь на основе реальной свободы субъектов экономической деятельности. По его мнению, такая экономика возможна благодаря четырем базовым «И»: институты, инфраструктура, инновации и инвестиции. Только такая экономика может обеспечить успех и на российских, и на мировых рынках товаров, технологий и услуг. В ноябре того года Д.А.Медведев, уже будучи Президентом страны, в своем Послании к Федеральному Собранию предложил эти четыре условия дополнить пятым «И», Интеллектом [11]. По мнению аналитиков, изучение публичных выступлений В.В.Путина, Д.А.Медведева и его ближайшего окружения в последние несколько лет дает основание полагать, что в России формируются контуры новой политической идеологии – *идеологии инновационного развития*. Основной в этой идеологии является идея развития страны при опоре, в первую очередь, на человеческий потенциал, который призван стать и быть условием, целью и критерием развития страны.

По сути дела, речь идет о фундаментальном идеологическом повороте в истории нашей страны – об идее формирования общества инновационного типа, в котором ведущую роль призвана играть свободная личность, ориентированная на полное творческое самовыражение. Основные принципы новой идеологии были изложены и обоснованы, в частности, А.И.Подберезкиным – известным ученым и политиком, в течение нескольких лет возглавлявшим Партию социальной справедливости. В «Политической платформе» данной партии Подберезкин отмечал, что именно в начале XXI века в России впервые за многие десятилетия «человек, его потенциал стали в центре внимания элиты, действий власти, а не следствием какой-то иной стратегии» [9, с. 3]. По его убеждению, такого рода «смена вех» не случайна, поскольку она выражает объективную тенденцию нашего времени – усиление роли политических идеологий в развитии общества. Более обстоятельно и подробно, в развернутой форме ученый изложил свои подходы и идеи в нескольких своих книгах под общим названием «Человеческий капитал». В одной из них он подчеркивал, что «основе борьбы различных идеологий лежит *борьба за человека, его политическую поддержку, его душу*. В одном

случае это идеология (идеологии), в конечном счете направленная *против человека* (даже если они и утверждают обратное), в другой – *за человека*» [10, с.27]. По мнению Подберезкина, новая идеология отводит человеку *«роль цели и, одновременно, средства развития»* [10, с.21].

В его представлении, *человеческий потенциал – это возможности личности* (интеллектуальные, информационные, социально-экономические и иные), от полной реализации которых сегодня в решающей степени зависит развитие российского общества. Следовательно, именно этот потенциал должен стать высшим приоритетом для нашей страны. Вот поэтому человек в наше время становится, по мнению Подберезкина, *«главной политической категорией, к которой апеллируют все политические силы»* [10, с.298]. Реализация возможностей человеческого потенциала должна стать главной задачей государства, что требует проведения соответствующей социальной политики. Идеология развития России, к которой призывает Подберезкин, - это *идеология развития человеческого потенциала*, и основная ее идея – *идея борьбы за человека* – вполне может претендовать на статус общенациональной идеи для России.

В 90-е годы XX века в политический язык общества и в самом деле стали все более активно проникать такие важные понятия, как *«человеческий капитал»*, *«человеческий потенциал»*, *«индекс развития человеческого потенциала»*, *«инвестиции в человека»*. Они получали соответствующую интерпретацию в научно-исследовательских работах, получая прикладную ориентацию в целях обоснования основных установок и содержания социальной политики российского государства [2]. Эти понятия стали применяться (и это особенно важно для реальной политики) в качестве измерителей политики государства с точки зрения ее соответствия интересам человека, т.е. как важнейший *критерий развития общества*. Можно сказать, что данная терминология стала своеобразным отрицанием концепции *«человеческого фактора»* периода советской перестройки второй половины 80-х годов, но с сохранением положительного содержания данной концепции. Сильный акцент на социальной политике как инструменте активизации человеческого потенциала традиционно имеет место в социал-демократической идеологии. В последние годы свою приверженность этой идеологии декларируют

многие политических партии России. В самом деле, есть ли в этой идеологии антропологический аспект? Что характерно для этого аспекта?

Во-первых, социал-демократы исходят из идеи органичного единства человека и общества, подчеркивая их взаимную ответственность друг перед другом. Провозглашая такое, они тем самым дистанцируются и от классического либерализма с его идеей «человека эгоистического», и от классической коммунистической идеологии, которая интересы общества и государства ставит выше интересов человека. Социал-демократия, таким образом, ставит задачу сближения человека и общества, гармонизации их отношений.

Во-вторых, в социал-демократической идеологии провозглашается, что решение проблемы человека невозможно путем социального насилия в тех или иных формах. Насилие не рассматривается ими как универсальный инструмент антропосоциального процесса и оправдывается лишь в исключительных случаях (например, по отношению к практике террора). Социал-демократы предлагают практику социального ненасилия (реформирования) как путь постоянного совершенствования социума, в котором существует человек. Проводится мысль о том, что решение проблемы человека не есть единовременный акт, а длительный, никогда не прекращающийся процесс совершенствования той социальной среды, в которой существует человек и в которой он пытается разрешать вопросы собственного бытия.

В-третьих, социал-демократы ставят вопрос, прежде всего, об освобождении человека труда, трудящегося, всех лиц, работающих по найму у работодателей. Тем самым они, как политическое течение, подчеркивают и особый статус трудящегося в обществе, и очерчивают свою социальную базу. Это необходимо отметить, поскольку нередко в программных материалах современных российских социал-демократов проводится мысль (неверная, на наш взгляд) о том, что будто бы социал-демократия есть партия среднего класса. На наш же взгляд, социал-демократия есть партия труда, а труд (в его социально-экономическом смысле) включает в себя не только лиц среднего класса, а всех наемных работников. Об этом необходимо вести речь, поскольку современной России с ее социальными контрастами еще далеко до формирования

многочисленного и влиятельного среднего класса. Дело еще и в том, что рыночные отношения в обществе затушевывают подлинную роль производительного труда, выпячивая на первый план отношения торговли-продажи. Известный своими взглядами левой ориентации политик, ученый-экономист С.Ю. Глазьев замечал в связи с этим, что сегодня восстановление достоинства человека труда - непростая проблема, ведь сознание российского общества существенно деформировалось в связи с утверждением рыночной экономики. Поэтому необходимо, пишет он, «сместить приоритеты в общественном сознании от возвеличивания «человека бизнеса» к уважению человека труда» [4, с.199]. Говоря о проблеме освобождения человека труда, трудящегося, отметим в связи с этим и следующее. Ставя и актуализируя данный вопрос, социал-демократы тем самым как бы преодолевают модель (образ) «человека экономического», на которую традиционно ориентируются либералы и их сторонники. «Человек экономический» видит решение, прежде всего, в обладании собственностью. В представлении либеральных идеологов, он есть частный собственник, а свобода для него – прежде всего свобода экономическая. Социал-демократы же ориентированы на преодоление данной модели, предлагая решать проблему человека не столько в сфере экономики, сколько за ее пределами – в сфере эффективной социальной политики, культуры, образования, воспитания, т.е. там, где человек по-настоящему признается в качестве социокультурного существа, а не лишь в качестве работника, функции от производства. Например, они ведут речь о «государстве социальных инвестиций», имея в виду крупные вложения средств в развитие человека посредством социальных программ. Ставя так вопрос, социал-демократия выступает как партия возвышения человека, его универсального становления и развития [14, с.168-188].

В-четвертых, свою приверженность решению проблемы человека социал-демократы выражают и в ключевых понятиях своей идеологической платформы: «свобода», «справедливость», «солидарность». Эти понятия, принимаемые и европейскими, и российскими социал-демократами, выступают основополагающими ценностными ориентирами, смысловыми метками социал-демократической практики. Они (в социал-демократической трактовке) – конкретные способы, формы самореализации человека в

социуме. Свобода – установка на универсальную самореализацию человека в жизни общества, возможность стать и быть самим собой. Справедливость – равная свобода для разных людей («равные шансы на жизнь», «равные стартовые условия» для жизни). Солидарность – единение лиц наемного труда и их взаимопомощь в отстаивании своих законных интересов, особенно в условиях рынка, который своими конкурентными началами нередко разрывает естественные связи между людьми, порождает противостояние между ними. Но названные нами понятия выступают не только как смысловые ориентиры. Они свидетельствуют, что для социал-демократии власть есть не самоцель, а средство для решения разного рода проблем, среди которых проблема человека – основная.

В-пятых, социал-демократия (в ее идеологическом измерении) не только ставит проблему человека и обозначает пути ее практического решения. Она еще и пытается ответить на вопрос о том, какие качества должны быть присущи человеку. С точки зрения социал-демократии, цивилизованному, воспитанному человеку должны быть присущи такие качества, как неконфликтность, склонность к диалогу и разумному компромиссу в отношениях с другими людьми. Социал-демократы полагают, что «нормальная» общественная жизнь не может сложиться и существовать без таких качеств людей, как толерантность, единство свободы и ответственности, порядочность, милосердие. Говоря об этих и иных качествах, социал-демократы соединяют тем самым политическое и моральное, пытаются преодолевать их извечную противопоставленность. Один из ведущих идеологов современной российской социал-демократии Б.С. Орлов в своих работах проводит мысль о том, что России нужен «деятельный человек. Деятельный человек в самых разных областях жизни, образованный, информированный, нравственно воспитанный. Человек, глубоко любящий страну и ставящий целью своей жизни вывести Россию на столбовую дорогу цивилизации...» [7, с.693]. Вообще, по Орлову, социал-демократия по сути своей есть «подчеркнуто нравственное движение» в мире политики, поскольку оно ставит своей задачей содействовать возвышению каждого человека и утверждать на деле «всестороннее отношение к личности» [7, с.72, 102]. По сути (сущности) своей, социал-демократия есть политическое движение, которое в качестве цели ставит формирование справедливого, социально ответственного общества.

Нередко говорят о ней как о форме политической идеологии, форме политической культуре и даже – своеобразном образе жизни. На наш взгляд, социал-демократия есть также и специфический антропологический проект, в котором ставится проблема человека и определяются пути ее практического решения – прежде всего, путем реального поворота государства лицом к человеку.

Политическая история современной России включает в себя немало попыток формирования социал-демократии как политического течения, провести объединительный процесс в этой нише партийно-политического спектра. История современной социал-демократии – это также и история попыток определить идеологические основания этого политического движения, которые (основания) конечно же, должны быть специфичны, приближены к традициям и реалиям нашего общества, к условиям и обстоятельствам жизни российского человека. Определенные антропологические сюжеты имеются в идеологических платформах ряда наиболее известных партий социал-демократического толка, которые возникли и существуют в настоящее время. Ведя речь о представленности антропологической проблематики в политических идеологиях, надо заметить и о таких подходах в этом вопросе, когда вопрос о человеке как бы заслоняется темой социальных институтов, макропроблем общества, но на самом деле – присутствует как проблема и для человека, и для общества. Такое характерно, в частности, для программы КПРФ – преемнице КПСС. Программа этой партии ведет речь о том, что и в самом деле актуально для современного российского общества: социальная поляризация, бездуховность в обществе, власть спекулятивного капитала, недоступность социальных благ для большей части общества, безработица, незащищенность личности, бесперспективность жизни и т.д и т.п. Решение этих и иных проблем общества КПРФ видит на путях широкого народного сопротивления насильственной капитализации страны, а в целом – через построение «полного социализма» как общества, свободного от эксплуатации человека человеком. Следуя своим традициям, компартия не упраздняет из своей идеологии идею коммунизма, трактуя ее как ассоциацию свободных трудящихся и избегая всякого рода утопических построений в этом вопросе [12].

Значительную роль в формировании и практической реализации современной идеологии развития российского общества стала играть *идея приоритетного национального проекта*. Впервые публично она была изложена Президентом РФ В.В.Путиным в начале сентября 2005 года в своем ежегодном Послании к Федеральному собранию (парламенту) страны. Речь шла о том, чтобы в ближайшие годы придать приоритетное значение и должным образом поддержать материально четыре сферы общества, напрямую имеющие особое социальное значение: образование, здравоохранение, строительство и сельское хозяйство. Выбор этих отраслей имел определенные соображения: через их активное развитие смягчить остроту проблемы бедности в стране, повысить уровень и качество жизни россиян, изменить к лучшему их социально-психологическое состояние. Более того, идея национального проекта по мере своей реализации обретала иные значения своего содержания: она знаменовала смену политической стратегии российского государства, переход к своей основополагающей функции – функции социального государства. В связи с этим аналитики заметили в данной идее некий глубинный идеологический смысл, «сигнал» государства обществу, «декларацию» о его «политических намерениях» - о переходе к *новой политике – к политике развития человеческого капитала* [6, с.35]. Они стали характеризовать эту инициативу как «пилотный проект» по созданию «нового общества», в основе которого лежит творческий потенциал личности [6, с.215-216]. Такой момент в эволюции современного российского государства – поворот к реальным потребностям человека - есть свидетельство существенного укрепления его роли на этапе перехода России к инновационному типу развития, что, разумеется, невозможно без активизации социальной политики, которая в данном случае должна играть стимулирующую роль, поощряя формирование потенциала человеческой личности. Идея приоритетных национальных проектов заметным образом изменила содержание политической идеологии и политический язык современного российского общества, сделала более определенной траекторию социальной политики государства. Данная идея достаточно широко была представлена в публичных выступлениях руководителей страны, в программных материалах

политических партий, активно использовалась во время крупных избирательных кампаний (выборы депутатов Государственной Думы РФ в декабре 2007 года и выборы Президента РФ в марте 2008 года). Обращение к политическим идеологиям общества дает возможность проследить присутствие идеи человека в специфической форме – в форме соответствующих идеологем.

В политических идеологиях, кроме подлинно *политического* (это, в первую очередь, проблема власти) всегда есть и *антропологическое*. Если быть более точным, то надо сказать: есть *философско-антропологическое* содержание, которое указывает на универсальный способ существования философской антропологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азбука русского националиста. – М., 1994.
2. Волгин, Н.А. Социальная политика: Энциклопедия / Под ред. Н.А.Волгина и Т.С.Сулимовой. – М., 2006.
3. Гайдар, Е.Т. Государство и эволюция / Е.Т.Гайдар. – М., «Евразия», 1995.
4. Глазьев, С.Ю. Россия: человек в системе общественных отношений (современное состояние и возможные перспективы) / С.Ю.Глазьев //Социально-гуманитарные знания, 2004, № 1.
5. Жириновский, В.В. Идеология для России / В.В.Жириновский. – М., 1997;
6. Карпенко, М. Приоритетные национальные проекты и новая идеология / М.Карпенко, В.Казанцев, А.Иванов. – М.: СГА, 2006.
7. Орлов, Б.С. Социал-демократия: история, теория, практика. Работы 2000-2005 гг. / Б.С.Орлов. – М.: Собрание, 2005.
8. Панарин, А.С. Политология: Учебник / А.С.Панарин. – М.: «Проспект», 1997.
9. Подберезкин, А.И. «Человеческий капитал». Политическая платформа политической партии «Партия социальной справедливости» / А.И.Подберезкин. – М., 2007.
10. Подберезкин, А.И. Человеческий капитал. Т.1: Идеология опережающего развития человеческого капитала / А.И.Подберезкин. – М., 2007.
11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. – 2008. – № 230.
12. Программа Коммунистической партии Российской Федерации. – М., 2000.
13. Реформы для большинства. *Объединение «Яблоко»*. – М., 1995.
14. Социал-демократия сегодня: Сб. ст. /РАН ИНИОН Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. / Отв. ред. Орлов Б.С. – М., 2002.
15. Улюкаев, А. Либерализм и политика переходного периода в современной России / А.Улюкаев. – М. 1995.

Е.А. ДЕРГАЧЕВА

УРБАН-ТЕХНОГЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ В ТЕХНОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В земледельческом обществе абсолютное большинство людей жило в сельских районах, занимаясь самообеспечением собственной жизни. Жители первых городов древнего мира составляли лишь незначительную часть населения планеты. В конце XVIII века в городах началось зарождение промышленного способа производства общественной жизни (А.М.Ковалев). Города аккумулировали в себе все достижения науки и техники, стали центрами крупного машинного производства, культурной жизни общества. Особенностью индустриализма, отличающей его от доиндустриальной эпохи развития, стал специфический промышленно-городской образ жизни с особой структурой общения, культурой и ценностными предпочтениями. Процессы индустриализации обусловили бурный рост городов – двигателей научно-технического прогресса – и городского населения в мире, которое на рубеже XX-XXI веков по своей численности превысило население сельской местности. При общем росте населения земного шара с 1800 по 1900 годы в 1,7 раза городское население увеличилось в 4,4 раза. В 1800 году горожане составляли 5% населения планеты (или около 50 млн чел.), в 1900 году – 13,6% (220 млн чел.), в 1950 году – 29% (738 млн чел.). Резкий перелом, получивший название «современной городской революции», или «современной урбанизации», произошел во второй половине XX века: за 1950-2000 годы численность городского населения выросла почти до 3 млрд человек, или в 4 раза. Если в 2000 году горожан насчитывалось около 50% от мирового населения, то, исходя из тенденций в 2025 году их станет 5,1 млрд человек, или 61% от населения мира [5, с.32-34]. В настоящее время происходит процесс дальнейшего углубления и территориального расширения урбанизации за счет малых и средних городов и сельских поселений, развитие субурбанизации. И хотя, начиная с 70-х годов XX века в развитых странах происходит процесс освобождения городов от промышленных объектов и возрастает значение сферы услуг, но эта

деконцентрация осуществляется за счет вывоза производств в развивающиеся страны Юго-Восточной Азии, где в начале XXI века наблюдается явное усиление вектора мировой урбанизации. Если при аграрном способе общественной жизни преобладал семейный труд, трудовая деятельность подчинялась природным биоритмам, а жизненно необходимая привязанность к средствам производства ограничивала подвижность работников, то в урбанистическую эпоху значения этих переменных коренным образом меняются. Со становлением капиталистического способа производства повышается территориальная мобильность и урбанизированность населения, которое мигрирует из сел в города и между городами для работы на промышленных предприятиях, повышается степень взаимодействия между людьми. Трудовая жизнь отделяется от семейной, при более сбалансированном соотношении полов по сравнению с сельскими районами падает рождаемость в городах, а впоследствии и в сельской местности, главным образом в развитых странах, где также возрастает удельный вес старших возрастных групп населения. Уменьшается средняя величина семьи (так называемая «нуклеарная», или малая, семья, состоящая из родителей и детей) и домашних хозяйств, происходит дезинтеграция семьи, увеличивается продолжительность жизни населения. Возрастает значение женщины в общественном производстве, которая становится материально самодостаточной и ориентируется на личностную самореализацию, а не на традиционные семейные ценности. На индустриальной материальной базе повышается благосостояние и социальная защищенность основной массы городского населения, начинается восхождение так называемого «общества потребления» с относительно доступным образованием, медицинской инфраструктурой, пенсионным обеспечением и сферой досуга.

В *индустриально-техногенном обществе* рабочее время регулируется и обуславливается работой технологических систем (промышленности, транспорта, связи), не зависящих от сезонных колебаний, что, с одной стороны, дает возможность планирования свободного времени, а с другой – ставит в рамки своего функционирования поведение человека. Комфортные условия существования, высокая технико-технологическая оснащенность урбанизированных комплексов, жизнь во многоотраслевом, многофункциональном культурном центре со специализацией

наиболее прогрессивных отраслей народного хозяйства, тесные технико-экономические связи по комбинированию и кооперированию промышленных предприятий между производством и потреблением промышленной и сельскохозяйственной продукции, высокая степень концентрации и диверсификации производства – все указанные характеристики дают основание рассматривать город и городскую агломерацию не только как подсистему общей системы размещения производства, но и как неотъемлемую часть и основу техносферы, в которой происходит вызревание и распространение на все общество новой западной культуры и образа жизни. В *постиндустриально-техногенном обществе* ввиду сдвигов в структуре занятости, определяющей роли теоретического знания и информационных технологий качественно усложняется образ жизни человека. «Уже сегодня можно говорить о том, – подчеркивает В.Л.Иноземцев возрастающее влияние процессов информатизации, – что бурное развитие компьютерных технологий создает в западном мире не только новый *технологический* уклад, но, скорее, новую социальную реальность» [3, с.57].

И эта новая высокотехнологичная цивилизация, убеждает нас О.Тоффлер, несет с собой «продолжающийся процесс отхода от единообразия в производстве, потреблении, средствах коммуникации, семье и других аспектах жизни» [6, с.452]. Стилем жизни в обществе технологических инноваций становится постоянное обновление вещей, исключаящее их ремонт и бережное использование. Такое общество, как метко заметил З.Бауман, «представляет собой цивилизацию запасных частей и одноразовых предметов, где искусство ремонта и поддержания сохранности излишни и забыты» [1, с.311]. Всесторонняя рационализация и информатизация образа жизни задают высокий темп динамичности всех сфер жизнедеятельности и одновременно ее нестабильности. «Неопределенность наших дней, – констатирует З.Бауман, – является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того, чтобы соединять» [1, с.30-31]. В супериндустриализме в противовес массовости и коллективности происходит индивидуализация личности, возрастает ее суверенность, ответственность за собственную судьбу. Приобретаемая самостоятельность неизбежно сопровождается одиночеством, распадом семьи в капиталистической миросистеме, признаком которой, по выражению И.Валлерстайна, является

«приоритет бесконечного накопления капитала» [2, с.176].

Немаловажный вклад в процессы индивидуализации вносит повсеместное использование информационных технологий, заменяющих необходимость реального общения виртуальным, то есть происходит вытеснение естественных социальных контактов кибернетическими. Осуществляется технологическое регулирование образа жизни, его детерминация искусственными параметрами. По мере развития наукотехники изменяется размещение производства, что, соответственно, сопровождается изменениями в урбанистическом образе жизни. Современный тип урбанизации в развитых странах характеризуется развитием субурбанизации (деконцентрации населения с переходом его в пригороды) и образованием на этой основе новых пространственных форм городского расселения – мегаполисов. Перемещение населения из крупных городов в их пригородные зоны обусловлено прогрессом интеллектуальных технологий, которые «сжимают» пространство и экономят время. Интенсификация пространственной подвижности, включение большей части населения в индустрию информационного производства, приоритетность проживания в экологически чистой зоне, перенос производства в домашние условия способствуют дальнейшему углублению и территориальному расширению процесса урбанизации, в который на новом этапе пространственной эволюции все активнее вовлекаются малые города и сельские поселения.

Техногенные трансформации происходят в сфере труда. Это проявилось через индустриализацию, технологизацию, роботизацию, информатизацию и интеллектуализацию практически всех основных видов труда. В доиндустриальную эпоху рост производительности труда был возможен благодаря увеличению физической нагрузки на человека и на одомашненных животных: на «мускулы» последних человек перекладывал от столетия к столетию все больше физических трудовых операций в земледелии. Мануфактуры, основанные на разделении труда, но с использованием ручной ремесленной техники, просуществовали в Западной Европе до последней трети XVIII века.

В ходе промышленной революции совершился переход от капиталистической мануфактуры к капиталистической фабрике с ее машинным производством. Машины быстро вытеснили прежние ручные малоэффективные станки. Рабочие стали только обслуживать машины. Машинная техника становится основой индустриального

производства, а также основой преобразования прежних и становления новых производительных сил. Дальнейший процесс индустриализации шел по пути усложнения технико-технологического потенциала общества, его механизации и автоматизации. Простые станки и машины были заменены взаимосвязанными системами сложных машин и механизмов, было создано крупное промышленное производство. Научно-технологический прогресс способствовал уменьшению затрат труда, сделал воздействие энергии работника на предмет более косвенным, способствовал обезличиванию, унификации человеческого труда. Наряду с промышленным сектором экономики начал развиваться третичный – сектор услуг. И если экономика доиндустриальных обществ характеризовалась высокой трудоемкостью, технологии индустриализма отличались высокой капиталоемкостью, то для постиндустриализма характерна высокая наукоемкость. Раньше работник создавал материальный продукт, теперь такое занятие становится делом соответствующих роботизированных технических систем.

Пик индустриального производства пришелся на середину XX века. Если до этого совершенствование труда шло по пути его сверхиндустриализации и технологизации, то с эпохой НТР развитие смещается в другую плоскость – интеллектуализацию производства и, соответственно, труда. Роботизация производства (создание сложных автоматизированных систем с программным обеспечением), способствуя экономии труда, создает технологическую безработицу. Большинство работ осуществляется без присутствия рабочей силы. Высокотехнологичные отрасли утрачивают свое компенсационное влияние на потерю малоквалифицированных рабочих мест в традиционных отраслях, происходит изменение операций в сфере услуг. Возрастает значимость высококвалифицированного, творческого, неотчуждаемого труда. Возникает потребность в людях нестандартного мышления, способных быстро переучиваться и адаптироваться к постоянно меняющимся условиям техногенной среды. Противоречие между трудом и средствами производства постепенно сходит на нет. Достаточно иметь портативный компьютер и сотовый телефон, чтобы успешно работать и хорошо зарабатывать. Для деятельности пространство не имеет значения, так как новые информационные технологии позволяют сосредоточить в одном

месте интеллектуальные ресурсы людей, разбросанных по всему миру, в результате отпадает необходимость физического перемещения для выполнения работы («электронные иммигранты»). Даже оплата труда осуществляется посредством электронных носителей – пластиковых карт, которые являются «дематериализованной» формой денег. Научно-техническая революция предъявляет более высокие требования к качеству трудовых ресурсов. Социальный успех каждого зависит не только от накопления материального богатства, сколько от его квалификации и интеллектуального развития. Основные вложения делаются в невещественные формы накопления – в образование и получение высокой квалификации индивидом. Власть в техногенном обществе все больше и больше переходит в руки носителей научной и технико-технологической рациональности – технократов, имеющих своей целью оптимальное развитие техники. Интеллектуальный и профессиональный уровень определяет современное социальное деление общества, выделяя его экономическую, профессиональную и властную элиту. Рост доходов населения сопровождается существенным сокращением рабочего дня.

В трудовой деятельности, с одной стороны, возрастает количество межличностных взаимодействий, а с другой стороны, труд индивидуализируется и сводится к общению человека с техническими устройствами и компьютерными технологиями. Изменяется организация труда, которая в постиндустриальном обществе ориентирована на самостоятельность работника, дистанционные формы работ в виртуальных предприятиях, гибкие графики рабочего времени, повременную работу и частичную (неполную) занятость и, как справедливо прогнозирует О.Тоффлер, «на предприятиях останутся лишь те, кому необходимо иметь физический контакт с предметом труда» [7, с.563].

Процессы технизации и электронизации охватывают и домашний быт. Создаются так называемые «электронные коттеджи» (О.Тоффлер), осуществляется domestikация труда, то есть работа в домашних условиях. Интеграция домашнего хозяйства и производственных видов деятельности становится возможной под влиянием процессов технико-технологической трансформации общественной жизни. Развитие электронных телекоммуникаций, как считает Дж.Мартин (и это уже во многом сбывается в наши дни), в

будущем фундаментально изменит всю «фактуру общества», исключит необходимость множества перемещений людей. Работа, встречи, рабочие конференции, расчеты, покупки и многое другое будут осуществляются по телекоммуникационным сетям, охватывая удаленных друг от друга участников [4, с.371-391]. Связь с миром все больше и больше происходит через домашние компьютерные системы. Со временем компьютеры самых разных назначений будут оказывать возрастающее количество разнообразных услуг. Электронная техника, например, облегчает и постепенно берет на себя большую часть домашней работы.

Задолго до этого о явлении доместификации труда писал О. Тоффлер. В таких технически оснащенных и электронизированных домах большинство людей будет заниматься производством и потреблением одновременно, создавать индивидуализированную продукцию, заготовки для которой будут произведены на предприятиях массового промышленного производства. Такая «волна самопроизводства» в определенной степени может быть реализуема благодаря расширению техносферно-урбанистической среды обитания, которая создает условия для выбора вида деятельности, благоприятствует развитию творческого труда. Не исключено, что даже сельское хозяйство и производство продуктов питания будет «электронизировано». В настоящее время для этого имеются все необходимые предпосылки.

Техносферизация и урбанизация условий жизнедеятельности людей. В доиндустриальный период развития человек жил в мире, сотворенном природой, приспособлялся и состязался с ней, стремясь выжить и подчинить ее своим интересам. Воздействие человека на биосферу при помощи элементарных орудий труда не приводило к существенному изменению среды его обитания даже на протяжении нескольких поколений людей. Земной мир за почти 10 тыс. лет земледельческой эволюции вида *homo sapiens* оставался неизменным для его обитателей. Технологические революции XIX-XX веков создали непреодолимую пропасть между аграрным и техногенным мирами людей, способствовали нарастающему усложнению социума и общественного развития. В биосфере сформировался новый, организованный по потребностям социума и законам техники, мир техносферы, в котором шаг за шагом совершается процесс рационализации не только человеческой

жизнедеятельности, но и биоприроды. Жизнь в техносфере – урбанизированных городских поселениях – становится неотъемлемым атрибутом человеческого существования, условием эффективного производства и прогресса, средством обеспечения человеческой жизнедеятельности и формирования основных жизненных установок. В индустриальной и постиндустриальной общественных системах происходит планомерная (а в некоторых случаях даже стихийная, например, в результате производственных аварий) реорганизация биосферных условий существования в социотехнобиосферные, практически полное отделение человеческой жизнедеятельности от естественной, природной и подчинение ее функциональным законам техносферы, усовершенствование технических систем за счет постоянного притока сырья, энергии и информации.

Процессы индустриализации и урбанизации, активизируемые научно-технической деятельностью человека, являются основными составляющими и движущими силами формирования искусственной технико-технологической реальности – техносферы, которая включает в себя не только производственные, информационные технологии и технологии по изменению объектов биосферного мира, но и искусственно измененные человеком участки биосферы, включая технологически трансформированные живые (техноноосферные) организмы как переходную фазу между техногенной и техносферной системами, а также технико-технологические системы для стабилизации человеческого организма. В техногенном обществе на качественно новом уровне происходят процессы социализации, а жизнедеятельность человека протекает в техносферно-урбанизированной среде.

Искусственная направленность мирового процесса развития безвозвратно удаляет человека от естественных, природных условий среды обитания. Даже переезд населения в пригородные зоны происходит на условиях сохранения всех благ урбанизированного мира. Вряд ли в будущем общество сможет отказаться от техносферы, так как представители техногенного общества уже не смогут выжить в естественных, первобытных условиях. Возрастают противоречия между экспоненциально усиливающейся мощностью

техносферы и уничтожением естественных экосистем, массовым ухудшением здоровья людей, ограниченными возможностями человека адаптироваться к происходящим изменениям искусственной среды и формируемого урбан-техногенного образа жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. – М., 2004.
3. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа противоречия, перспективы. – М., 2000.
4. Мартин Дж. Телематическое общество. Вызов ближайшего будущего // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
5. Пивоваров Ю.Л. Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы. – М., 1999.
6. Тоффлер О. Адаптивная корпорация // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
7. Тоффлер О. Третья волна. – М., 2004.

В.М. ЛОБЕЕВА

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕФОРМАТОРСТВА: КОНЦЕПЦИЯ Б.Н.ЧИЧЕРИНА

В арсенале русской государственной истории и истории общественной мысли существует множество прогрессивных идей и социальных технологий, реализованных или не реализованных по тем или иным причинам в свое время, но сохраняющих свой познавательный и конструктивный потенциал. Это побуждает обращаться к истории, в частности, к истории русской общественной мысли, в поисках пути модернизации и конструирования социальной реальности. В этом контексте мы усматриваем большой теоретический и практический смысл в социально-политическом учении Б.Н.Чичерина, в котором значительное место занимает разработка проблемы реформ как определенного типа общественного развития. Концепция социально-политических реформ в России изложена ученым в основных философских и философско-правовых сочинениях. Как ему представлялось, именно либеральные реформы, проводимые «сверху», т.е. государством, позволят избежать

разрушительных революционных потрясений и обеспечат поступательное и одновременно стабильное развитие страны. По его мнению, революции возникали везде, где существовала упорная охранительная система, где власть не желала компромиссов и реформ. При этом ученый отчетливо осознавал, что бедствия, которые несет с собой революция, не ограничиваются междоусобными войнами, кровопролитиями, жестоким подавлением свободы. Революция уничтожает чувство законности, и народ начинает предпочитать смело и нетерпеливо воздвигнутые теории, жаждет переворотов. Именно поэтому Б.Н.Чичерин был твердо убежден в объективной необходимости и целесообразности реформ.

Значительное место в его концепции занимала разработка проблем реформирования российского государства. Б.Н.Чичерин всегда был сторонником сильного государства и сильной государственной власти, поэтому предложенная им программа реформ строилась на органичном сочетании позитивных моментов национальных традиций российской государственной власти (самодержавия) и необходимых новаций, а также ставила задачей найти гармонию между сложно сочетаемыми, но необходимыми ценностями свободы и порядка, государства и гражданского общества. Она включала в себя как проблемы собственно структурных преобразований системы государственной власти, так и указывала на назревшую потребность изменить сам стиль государственного администрирования, опорой которого призваны стать нравственный авторитет власти и профессионализм чиновников. Б.Н.Чичерин был убежден, что переход к конституционному правлению, в котором он видел политический идеал для России, должен осуществляться постепенно по мере готовности для этого политического устройства российского общества и самой государственной власти. Разрабатывая свою концепцию модернизации государства, Б.Н.Чичерин исходил из представления о том, что до середины XIX века российское самодержавие «собрало и устроило Русскую землю, насадило в ней просвещение; наконец, оно освободило народ и поставило на ноги общественные силы» [3, с. 609]. При этом общество только следовало за властью, подчиняясь ее велениям. В XIX веке с развитием общественных сил стало очевидным, что интересы общества и власти не всегда совпадают. Следовательно, назрела необходимость

реформирования отношений общества и власти. Начало преобразованиям было положено Александром I. Однако под влиянием объективных требований времени российское государство и во второй половине XIX в. вновь очевидно нуждалось в совершенствовании. В качестве необходимых социально-экономических и правовых предпосылок для перехода от абсолютной к конституционной монархии ученый называл проведение крестьянской реформы, установление гражданских прав, а также создание учреждений, призванных их охранять (судов присяжных, местного самоуправления).

Российская монархия в своей истории имела периоды, когда она была сословно-представительной. Б.Н.Чичерин видел в такой форме монархии много достоинств и считал, что именно в направлении формирования народного представительства около монарха должна развиваться далее российская монархия. Во-первых, это соответствовало традиции национальной государственности. Во-вторых, дух времени требовал, чтобы Россия шла дальше по пути формирования конституционной монархии, основанной на законе. Эта форма рассматривалась Б.Н.Чичериным как своеобразный частный случай представительной монархии, соответствующий новому времени. В-третьих, конституционная монархия более других форм способствует достижению общественной стабильности тем, что позволяет сдерживать как диктат большинства или «демократический цезаризм» [2, с. 515], проявляющийся в республиканских государствах, так и неизбежное стремление высшей аристократии к безраздельному господству.

Система реформированной высшей государственной власти в концепции Б.Н.Чичерина выглядела следующим образом. Монарх, совершенно независимый ото всех, надпартийный, выступающий как отец народа, патриарх, высший и беспристрастный арбитр в обществе и государстве, был вправе назначать и смещать министров, судей, распускать нижнюю палату – палату представителей. Свои действия государь мог согласовывать только с верхней палатой, которую составляют люди, назначенные в нее волей того же государя. Следует признать, что при подобной схеме их оппозиция, если бы она вообще проявилась, не была бы сколько-нибудь серьезной. Таким образом, в этой модели власти монарху отводилась первая роль. Далее шел двухпалатный парламент. Верхняя палата должна формироваться из

представителей родовой аристократии, высших чиновников, даже министров, доверенных лиц, назначаемых монархом, выборных от губернских земств. Б.Н.Чичерин высказывал идею реформирования существовавшего Государственного совета, преобразования его в верхнюю палату с правом обсуждения им законов и бюджета страны, то есть предлагал наделить данный орган законодательными, а не только законосовещательными полномочиями. Нетрудно заметить, что при таком принципе формирования верхняя палата выглядела как некое продолжение исполнительной власти. Верхняя палата нужна для того, чтобы уравнивать политическую систему в целом и удерживать членов нижней палаты от возможного политического популизма. Нижняя палата должна состоять из зажиточных представителей других сословий, представляющих в основном средний класс. При этом акцент снова делался на то, что это должны быть люди способные понять государственные потребности. Ученый категорически возражал против участия в деле государственного управления «низших слоев», не готовых к этому ни моральным, ни в интеллектуальном плане. И дело здесь ни в дворянском высокомерии, а в непреложной истине, которая утверждает, что государственное управление требует определенной подготовки, и, следовательно, «каждая кухарка не может управлять государством». Задачей нижней палаты в основном должна быть законотворческая деятельность, при условии, что депутаты будут действовать в соответствии с государственными потребностями. Нижняя палата могла быть распущена монархом практически по любому поводу. Таким образом, представительный орган власти должен соединить в себе два принципа - назначение и выборность. Такое устройство ведет к тому, что власть, с одной стороны, будет сосредоточена в руках государства и назначаемых администраторов, с другой стороны, выборные земские органы сами будут выбирать исполнительные органы решать местные проблемы.

Сущность всей системы представительства состояла в том, что воля граждан всецело переносилась на избранное лицо, которое представляло в органе власти и тех, кто его избирал, и тех, кто был против, и тех, кто по каким-либо обстоятельствам лишен избирательного права, то есть население территории. Следовательно, преимущества конституционного монархизма, по мнению Б.Н.Чичерина, состояли в возможности привлечения к управлению

достоинейших людей, вне зависимости от их политической принадлежности. Конституционная монархия, дополненная и одновременно ограниченная земским представительством – вот политический идеал для России.

Ученый анализировал также проблемы, которые могли возникнуть при подобном построении власти. К ним он относил потенциальное стремление палат парламента и парламентских партий расширить или изменить свои полномочия, стремление к назначению на высокие государственные должности «своих» людей. Предотвратить подобные ситуации призваны всевидящее око и совесть монарха, а также закон, которому должны быть подчинены действия властей и иных политических структур общества, например партий.

Далее в этой системе следовали правительственная власть (назначаемые министры) и судебная власть, реформированная на принципах публичности, гласности судопроизводства, независимости и несменяемости судей, учреждении суда присяжных. Как ученый, как здравомыслящий и высоко нравственный человек Б.Н.Чичерин не мог обойти здесь проблему недостатка профессионализма и нравственности судейского корпуса России. С известной долей оптимизма он выражал надежду, что на переустройство судебной системы уйдет полвека. К сожалению, во многом проблема остается нерешенной до сих пор. Еще одним важным направлением реформирования государства Б.Н.Чичерин признавал необходимость изменения правового статуса личности в соответствии с требованиями времени.

Основным методологическим принципом, исходя из которого он строил анализ правового положения личности, было признание свободы метафизической сущностью человека и источником всех его прав. В таких сочинениях, как «Собственность и государство», «Общее государственное право», «Философия права» и др. исследованы важнейшие права и свободы человека. К ним ученый относил право гражданства (подданства), личные права (личную свободу, неприкосновенность дома, бумаг и писем, свободу перемещения, право на защиту чести, право на свободу совести, свободу и неприкосновенность собственности, свободу промыслов и занятий, свободу заключать договоры, свободу слова, включающую в себя свободу преподавания и свободу печати, свободу собраний и

товариществ, право прошений), политические права. Этот перечень во многом совпадает с современными представлениями о правах и свободах человека.

В современных законодательствах, в том числе российском, перечень прав и свобод граждан, несомненно, шире, чем это было в XIX веке. Однако следует помнить об исторических особенностях времени, а также обратить внимание на то, сколь объемно толковались Б.Н.Чичериным названные права. В этом случае становится понятным, что обозначенные правовые рамки, в случае их реализации, могли обеспечить вполне цивилизованное существование человека. Как истинный представитель «государственной школы» и философ-западник, ученый считал, что государство должно расширять права и свободы личности. По его мнению, это будет способствовать развитию России по европейскому пути и сближению ее с Европой. Следует признать, что для своего времени учение Б.Н.Чичерина о правовом статусе гражданина было прогрессивным, либеральным и гуманистичным. Российская монархия второй половины XIX века предоставляла не много возможностей для практического воплощения такого набора прав личности. Однако сам факт того, что имелась возможность публичного изложения весьма либеральной правовой конструкции, красноречиво свидетельствует об уже существовавшей, хотя, безусловно, ограниченной свободе мысли и слова. Кроме того, концепция правового положения личности характеризует научную, мировоззренческую и гражданскую позицию самого ученого. Необходимо отметить, что Б.Н.Чичерин не только создал фундаментальное и прогрессивное учение, но и последовательно и смело излагал его в своих сочинениях, преподавательской деятельности в Московском университете, а также участвуя в общественной жизни.

Однако здесь необходимо заметить, что учение о правовом статусе личности нельзя путать с оценкой ученым роли отдельных социальных групп в жизни общества. Б.Н.Чичерин считал, что в обществе можно вести речь только о юридическом, а не о социальном равенстве. Между людьми существует колоссальная разница способностей, стремлений, социально-экономического положения, уровня образованности и т.п. Поэтому расслоение в обществе носит объективный и неустранимый характер, а, следовательно, каждый общественный слой будет играть свою объективную роль. Задача

государства в этом случае давно известна человечеству: попытаться гармонизировать общественные отношения. Равноправие сословий Б.Н.Чичерин видел не в установлении одинаковых прав, а в распределении деятельности в соответствующих сферах, т.к., «когда в государстве существуют различные сословия, распределение прав между ними должно сообразоваться не с отвлеченным началом равенства, а со способностью их участвовать в общественных делах» [4, с. 428].

Главным сословием в России Б.Н.Чичерин считал дворянство как наиболее образованное, богатое, имеющее многовековой опыт политической деятельности и государственного управления. Он прямо заявлял, что стоит за политическое преобладание дворянства, поэтому именно ему отводил дело областного и государственного управления. Однако накануне проведения крестьянской реформы мыслитель подчеркивал, что дворянство, скорее всего, попытается провести ее, исходя из собственных сословных интересов, и поэтому возлагал надежду на высшую власть, которая должна в этой ситуации, сохраняя беспристрастность, равно выражать и защищать интересы, как дворянства, так и крестьянства. Таким образом, ученый справедливо отмечал, что власть не должна допускать расширения сословных прав, нарушая при этом принципы справедливости и общественной пользы.

Среднее сословие пореформенной России Б.Н.Чичерин оценивал скептически, считая, что оно «с одной стороны, богатство, не связанное с образованием, а с другой, - скудное образование, не соединенное с богатством» [5, с. 437]. Но при этом он выражал надежду, что через упорный труд и образование оно упрочит свое положение. Экономическое призвание среднего сословия состоит в том, что оно связывает крайности, представляя сочетание высших форм труда с руководящей деятельностью в мелком производстве. Среднее сословие призвано участвовать в областном и городском управлении, поддерживать общественный порядок и свободу. Кроме того, мыслитель утверждал, что на рубеже XIX вв. значительная часть российского дворянства по своему экономическому положению фактически принадлежала к среднему сословию. Это реально не только расширяло среднее сословие численно, но и укрепляло его интеллектуально и духовно. Подчеркивая особую роль «среднего слоя» в будущем, ученый писал, что «юридическая раздельность

сословий уничтожается тогда, когда преобладающее значение получает среднее сословие, которое, соединяя собою крайности политического и общественного положения, служит цементом для общества и самой надежной опорой государства. С крепким и образованным средним сословием, из каких бы, впрочем, стихий оно не слагалось, является политической сила, при которой возможны и общественное единство, и разумная государственная жизнь» [4, с. 410]. Заслуга Б.Н.Чичерина состоит в том, что он одним из первых среди ученых обозначил и стал разрабатывать проблему формирования среднего класса в России как опоры стабильности политической системы в ходе буржуазных преобразований.

В крестьянстве Б.Н.Чичерин видел в «первобытную народную силу, готовую при разумном руководстве стоять за основные начала общественной жизни» [4, с. 411], и при этом отмечал, что забота о благосостоянии крестьян должна лежать на правительстве. Крестьяне - низшее сословие – по своим свойствам и по своему положению менее способны к общественной деятельности. Не имея ни экономической независимости, ни образования они призваны участвовать в экономическом производстве только своим физическим трудом, а также могут заниматься делами сельского управления.

В эффективном функционировании власти, по мнению Б.Н.Чичерина, значительная роль принадлежит духовной связи между властью и гражданами. Эту связь он считал самой надежной опорой власти. В статье «Россия накануне двадцатого столетия», написанной в 1900 году, ученый с горечью замечает, что «в России нравственный уровень высших правительственных сфер никогда не был высок; но при Александре III он понизился так, что это превосходит всякое вероятие» [3, с. 577]. Б.Н.Чичерин был глубоко убежден в том, что главную внутреннюю силу власти составляет ее нравственный авторитет, который никогда не возникнет, если государственная власть, устанавливая правовые нормы для граждан, сама не будет основывать на них свою деятельность. Нет более опасного заблуждения, чем смешение силы власти с господством произвола, как превращение начала власти в самоцель. В основе функционирования государства должен лежать закон. Государство нравственно настолько, насколько оно само управляется законом. Основными принципами, на которых должно происходить реформирование стиля или самого духа государственного

управления, Б.Н.Чичерин считал очищение государственной машины от деспотизма и непрофессионализма, а также от волокиты, взяточничества, фаворитизма, интриг, угодничества, покорности и прочих проявлений безнравственности чиновничества. В связи с этим во многих фундаментальных работах, публицистике, переписке, мемуарах он критиковал деспотизм государственной машины при Николае I, реакционность и несогласованность действий власти при Александре III, такие многовековые беды российской власти как аморальность и малообразованность бюрократии. Проблема образованности чиновничества особенно актуальна и поныне, а потому остановимся на ней более подробно. Исходя из общего посыла о неравномерности распределения образования в обществе, ученый утверждал, что объективное право на управление обществом имеет самая образованная его часть, т.е. зажиточные классы. Поэтому демократия не может быть идеалом человеческого общежития.

Однако применительно к конкретной исторической действительности России 80-годов XIX столетия Б.Н.Чичерин замечал, что «русская аристократия не сумела сохранить свои предания и нравственно удержаться на высоте своего положения. В настоящее время она неспособна служить руководителем общества. Для этого ей нужно было бы внутренне обновиться, проникнуться образованием, возвратиться к преданиям просвещенного вельможества прежних времен. Только тогда она могла бы сделаться твердым оплотом государственного порядка и центром общественной жизни» [1, с. 534]. Вряд ли стоит думать, что в этой оценке сказалась личная обида Б.Н.Чичерина, который именно в начале 80-х годов XIX века был отстранен императором Александром III от должности московского городского головы. Принципиальные проблемы ученый всегда решал, исходя из принципов объективности, исторической конкретности и здравого смысла.

В определении места и роли каждого класса в общественной жизни Б.Н.Чичерин был одинаково строг и критичен и к бедным, и к богатым. Так, он подчеркивал, что «богатство избавляет от труда, вследствие чего на вершинах общества нередко встречается скудность умственного развития» [6, с. 216]. Философ прав: образованность не наследуется, как имущество, а является результатом собственного труда. Иное дело – средние классы. В средних классах с достатком соединяется труд, поэтому именно от

них всегда и везде исходит умственное развитие. В обществах, где развита политическая жизнь, лучшие представители средних слоев могут попасть в ряды политической элиты. Таким образом, леность богатых и активность средних слоев обеспечивают условия для ротации верхов, гарантируют оптимальное сочетание количества и качества в правящих слоях и реализуют идею народного представительства в них. И все же Б.Н.Чичерин настаивал на особом статусе аристократии. Он рассуждал следующим образом. Попадание в средний класс, а из него в элиту – это результат свободного выбора и равных для всех возможностей. Значит, особая роль аристократии ею заслужена, а потому справедлива. Такой вариант реализации принципа демократии не приводит к нарушению количества и качества, потому составляет условие правильного развития и не противоречит разумным требованиям общественной жизни. Всякая иная демократия неразумна, а потому вредна. По сути дела, в рассуждениях Б.Н.Чичерина ставка делалась (в духе либерального эгоцентризма) на деятельно-личное начало в решении вопроса о демократической составляющей власти. Представители родовой аристократии лишь тогда становятся политической элитой, когда при унаследованном богатстве сохраняют живые политические интересы и энергию действия. Представители средних классов обеспечивают себе право быть среди лучших своей личной активностью, трудолюбием и их результатом – материальным достатком и образованностью. Пролетарии же, в численном отношении составляющие большинство, чье имущественное положение и умственное развитие стоят на самой низкой ступени, не доросли еще до того необходимого состояния, чтобы стать (благодаря только количеству) правящим классом. Ученый был убежден, что «при нормальном соотношении общественных элементов эта масса должна стоять внизу, а не наверху» [6, с. 217] и что «невежественная толпа», обладающая властью, есть величайшая опасность для общества.

В своих сочинениях Б.Н.Чичерин поднимал вопрос о методах осуществления либеральных реформ и выступал против любых форм насилия на пути их реализации. Одновременно философ решительно выступал против революционных форм экстремизма, пустившего глубокие корни в социалистической идеологии, ибо революция трактовалась им как нарушение всяких прав. И хотя иногда она может быть оправдана обстоятельствами – достигшим предела

угнетением и обнищанием народа, - но никогда не может быть признана выражением правомерного образа действия. Революция неприемлема не только с точки зрения права, но и потому, что она вызывает деструктивную волну анархии и разрушений, отбрасывающую общество вспять. Таким образом, единственным правомочным способом модернизации общества остается путь реформ, которые вводят либеральные общественные и политические институты с учетом сложившихся традиций и одновременно воспитывают людей, приучая их к созидательной работе, а не к ожиданию «распределительного рая».

Б.Н.Чичерин, несомненно, принадлежит к классикам отечественной социально-политической науки. А классики – это те мыслители, чьи идеи и концепции не теряют своей значимости со временем. В российской социально-политической мысли во второй половине XIX века Б.Н.Чичерин являлся наиболее последовательным продолжателем гегелевской традиции в понимании природы государства и общества. Его новаторство состояло в попытке применить социально-философскую парадигму Гегеля к российской действительности. Главным образом к выработке таких социально-исторических механизмов, которые позволили бы стране развиваться эволюционным путем, без радикальной ломки существующих общественных форм и социальных взрывов. Высказанные ученым идеи консолидации общества через институты власти и государства, воссоздания его материально-духовной целостности, неоспоримы. Отмеченные идеалы духовно-нравственного восприятия государственности не могут быть забыты, потому что они когда-то сформировали нацию и продолжают присутствовать в ее психологии. Они представляют огромный плодотворный и очень востребованный ныне потенциал. Актуальной остается и идея Б.Н.Чичерина о том, что сущностная задача государства – это собирание народа через инструмент централизации под эгидой единой воли. Для России по-прежнему остро стоят проблемы эффективности государственной власти управления, диалектического сочетания исторически присущей тенденции стремления к сильной власти и необходимости демократизации власти, проблема качества госслужащих. Не уменьшилась, а, напротив, возросла роль нравственной составляющей власти. Нравственный идеал служения народу, закону и отечеству необходимо вернуть в политическую лексику и практику.

Именно он создает особый «правовой дух» правового государства. Без такого нравственного императива формально-правовое государство в российской действительности будет ничем иным кроме как обычной плохо функционирующей государственной бюрократией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чичерин, Б.Н. Задачи нового царствования/ Б.Н.Чичерин // Философия права. – СПб.: Наука, 1998.
2. Чичерин, Б.Н. Конституционный вопрос в России / Б.Н.Чичерин // Философия права. – СПб.: Наука, 1998.
3. Чичерин, Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия / Б.Н.Чичерин // Философия права. – СПб.: Наука, 1998.
4. Чичерин, Б.Н. Русское дворянство / Б.Н.Чичерин // Философия права. – СПб.: Наука, 1998.
5. Чичерин, Б.Н. Что такое среднее сословие? / Б.Н.Чичерин // Философия права. – СПб.: Наука, 1998.
6. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н.Чичерин. – СПб.: Наука, 1998.

V. МИХАЛЁВ-ВОЛОКОВ

О РЕЛИГИИ КАК ФОРМЕ ВЕРЫ

Вера как и Свобода, Любовь, творчество – неотъемленные, базовые качества и свойства человеческого Духа, человека. Без них он не живёт. И лишь Вера в Бога, безразлично в какую религиозную форму она обрамляется, способна построить возле тебя не дегуманизированный мир, и никто, - никакие системы и технологии, правительства не заставят быть тебя бездумным механизмом. И в XXI веке с падением религиозного сознания, когда в Европе даже закрываются храмы, проблема самоидентификации человека, его свободной, верующей личности становится важнейшей проблемой, без решения которой человек обречён на духовную пустоту, тоску и скуку. Правда, в Библии говорится, что перед «концом света» очень и очень мало будет верующих людей. Это мы и наблюдаем сегодня.

Особенность нашей жизни на этой Земле с момента зарождения человечества состоит в том, что слишком велики и обширны искушения, окружающие нас. Возможности воровства, убийства, насилия во всех формах, мошенничества, влечения к разрушению,

ненависть, злобы и мести широко представляются нам. Всё это – превышение меры в функционировании качеств голода, пола, эгоизма и собственности – базовых свойств человека как телесного создания, а также духовных качеств. И окружающий мир прямо таки «просит» нас всё это сделать. Как говорится, искренне жаль человека, ведь он живёт среди этих искушений, но совершенно не жаль его, если он поддаётся этим искушениям. Так что, - не превышайте меры в функционировании своих качеств (меру вы устанавливаете сами и это ещё один повод для самоанализа и самопознания). И вы не искуситесь, Вы не будьте, как говорил Эрих Фромм, коленопреклонённым перед этими искушениями, властью, деньгами. Вы не будете суеверным, если не превысите меру своей Веры и не будете идолопоклонничать, не творить себе земных кумиров. А творить себе земных кумиров, увы, свойственно человеческой натуре. Мы их творили, когда человечество формировало религиозное сознание, поклоняясь природным силам, животным, деревьям, рекам и озёрам. Так и сейчас, мы можем поклоняться любимому человеку, начальнику, новоявленному пророку, обещающему исцеление от всех болезней, счастье и богатство. Но можно, веря только в Бога, познавать Его, твою миссию на этой Земле и подыматься от своей зависимости от природных условий, людей – ничтожных мошенников к любви к Богу. И при этом исполнять определённую социальную роль в этом мире (а без этого невозможно представить любого человека) и не терять самого себя, своей уникальности. И ни религия, ни твой труд как средство зарабатывания на хлеб насущный не сможет нивелировать тебя, если ты сам не позволишь этого.

Религия, действительно, форма облечения Веры человеком или группой людей (по-другому человек, видно, и не познаёт Бога) и это – создание человеческое. Ты можешь следовать ритуалам и канонам определённой религиозной формы, а можешь и не следовать и при этом от тебя только зависит, - смогут религиозные ритуалы и каноны нивелировать твою самоидентификацию или нет. В принципе всё, что ты делаешь на этой Земле способно нивелировать тебя, делать из тебя послушного зверя. Работа, семья, отдых могут превратить тебя в робота, управляемого извне, как, впрочем, и религия. Ну так ты не поддавайся. Познавай себя, познавай свою миссию на этой Земле. Для чего ты живёшь? Миссий возможно пять: личная, семейная, общественная, творческая и государственная.

Личную миссию ты, в первую очередь, выполняешь, когда твой возраст до 18 лет или ты на пенсии. Ты оказываешь влияние на других своей личностью, что, впрочем, можешь делать всю свою жизнь. Когда ты заводишь семью, то начинается семейная миссия: воспитание детей, создание ячейки общества. Общественная миссия начинается, когда ты устраиваешься на работу; государственная – когда ты служишь государству в администрациях различного уровня, правительстве, силовых структурах. Ну а творческая миссия возможна, когда ты обладаешь талантом в любой сфере творчества, искусства и культуры, техники. Некоторые успевают за свою жизнь все пять миссий выполнить, а некоторые – только максимум три: личную, семейную и общественную, и таких большинство.

Всё это ты делаешь по сознательному или бессознательному соглашению с Богом или дьяволом. Сможешь просто работать, писать, строить дома, рисовать – делай и не греши (не превышай меры ни в чем). Твори во славу Божью. Идентифицируй и возвышай себя. Сможешь убивать, воровать и насиловать, - значит заключил договор с дьяволом. И эта дьявольская миссия – твоя.

Ты всегда будешь в какой-либо социальной системе и лишь от тебя и Божьей помощи зависит – потеряешь ты себя или нет, станешь роботом, автоматом или духовной личностью.

Религия не должна дозвлет в обществе, чтобы не впасть в искушение подчинить себе людей данному религиозному начальству, но и она никогда не исчезнет, как и не уйдёт от нас Вера в Бога (правда, Вера возможна в кого угодно, и во что угодно). Ты вынужден принять общие этические ценности и нормы, раз живёшь в данном обществе, в данное время. Но принимай их частично, не забывая себя, своего поиска Истины. Любая религиозная система в чем-то схожа с армейской: единый начальник (патриарх, епископ, командир), вертикаль подчинения. И если ты вошёл в религиозную систему на правах её полного члена (монах, священник), то, конечно, ты вынужден принять правила системы и порой здесь трудно проявить свои личностные качества. Но и можно – всё зависит от напора и таланта личности. Например, Эразм Роттердамский, Митрополит Филарет (1782-1867), - участник составления манифеста об отмене крепостного права, Иоанн Кронштадский явно выделялись на общем фоне. Священники Сергей Булгаков и Александр Мень не полностью вписывались в церковную систему: шли, зачастую, своим

путём. Например, поиск С. Булгаковым Софии премудрой как истины Божьей отходил от церковных канонов. Здесь он пытался свойство сделать субъектом. Труды священника Павла Флоренского тоже не всегда вписывались в церковную систему. Его «столп и утверждённые истины» официально не одобрялись тогдашней церковной иерархией. Но личность Флоренского не нивелировалась. Истина, конечно, у Бога. Мы лишь пытаемся приблизиться к ней, как и к познанию Бога в рамках той или иной религиозной системы – христианской, мусульманской, буддийской и других. И каждая из них по своей тропинке ползёт вверх к сияющей вершине – Богу.

Кстати, под истиной мы понимаем истинность предложений, утверждений и объектов, субъектов. Утверждение считаем истинным, если оно логически непротиворечиво и вытекает из законов тождества, достаточного основания, исключенного третьего и противоречия. А объект или субъект истины, т.е. мы познали его истину, если мы можем спрогнозировать его поведение во всех возможных ситуациях пространства и времени. Что, увы, просто не под силу человеческому разуму. Потому истину всего и вся знает только Бог. А мы лишь пытаемся к ней приблизиться, да и то не знаем, в правильном ли направлении идём?

Религиозные системы, как и любые явления, объекты в своём развитии проходят ряд этапов самоотрицаний и гибнут, когда число этих этапов превышает 5-6. Ибо, согласно функции развития, введённой нами, $f(N)=N^N$, где N – число этапов самоотрицаний, любое явление или объект развивается не от худшего к лучшему и сплошным прогрессивным развитием, а зародившись, и достигнув пика развития, - далее стремится к гибели. И это происходит достаточно быстро – за 4-6 этапов самоотрицаний. Под этапом самоотрицания понимается совокупность внешних и внутренних влияний на явление или объект, приводящих их к довольно-таки существенному изменению. Правда, выделить такие этапы – задача не из лёгких. Здесь нужно искусство, анализ, знание сущности исследуемого явления, объекта. У человека, например, четыре этапа самоотрицаний: детство, юность, зрелость и старость. Далее – смерть. У человечества шесть этапов: первобытно-общинная форма, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая и постиндустриальная. Религия прошла тоже ряд этапов самоотрицания: анимизм, идолопоклонство, религиозное

оформление духовных устремлений к Богу в виде христианства, мусульманства и других религиозных систем, иными словами: обожествление природы, многобожие, единый Бог. Ну а затем каждая религиозная система проходит свои этапы, и она будет сопровождать человека и человечество до их гибели и погибнут вместе с ними в этой земной жизни. Например, был этап инквизиции в развитии католицизма, сменившийся этапом любви и смирения и калялся недавно Папа Римский за сожжение Джордано Бруно, унижение Галилео Галилея, охоту на ведьм. И в православной церкви были этапы, когда неграмотность народа поощрялась рядом монашествующих (Епафаний Премудрый – XV век; Аввакум – XVII век). В первой половине XVI века шла знаменитая борьба «нестяжателей» и святого Иосифа Волоцкого, который любил поговаривать: «Моя рука крепка, чтоб бить еретика». Сторонников Ника Сорского и «нестяжателей» сжигали живьем. Потом была борьба со старообрядцами. Недавно Собор Православной Церкви также калялся. Грешат и люди и религии. Таким образом, этапы злобы и ненависть к еретикам, отступникам заменялись этапами любви и смирения, попытки познать всё-таки Волю Божью, - как собственно и должно быть. В наше время наука и техника достигли такого развития, что, опираясь на них можно сделать выводы о величии Божьем, Его премудрости, дать ответы на извечные вопросы, волновавшие учёных и простых людей. Дело в том, что те или иные теории имеют ряд фактов, объясняющих те или иные моменты образования Земли, Вселенной, человека. Например, есть факты, подтверждающие теорию эволюции, Дарвина или сотворения. Но всех моментов развития животных и людей они не объясняют. Всеобъемлющей теории нет. «Стакан полупустой или полуполный»? Каждый отвечает на этот вопрос не по факту, а по настроению.

Рассмотрим вопросы образования человека, животных на молекулярном уровне. Так, 20 аминокислот участвуют в образовании белков и все они имеют левую асимметрию. Если бы в воздухе был кислород, то первая аминокислота никогда бы не образовалась, а без кислорода она была бы уничтожена космическими лучами. Необходимые для жизни белки состоят из очень сложных молекул. Вероятность их случайного образования равна $1:10^{113}$. Число 10^{113} превышает число всех атомов во Вселенной. То есть, это нулевое событие. Для обеспечения жизненных процессов клетки требуется

2000 белков, действующих в качестве ферментов. Вероятность случайного возникновения их всех равна $1:10^{40000}$ образование белков зависит от ДНК. Но ДНК не может образоваться без уже существующего белка. Так что было раньше: «яйцо или курица?» Ответ: они развились параллельно.

Геномы людей и животных отличаются на проценты или десятые доли процентов, или почти одинаковы. Так, геном человека и мыши одинаков на 99 процентов и только 1 процент генов делает нас человеком. Мужчина и женщина отличаются тем, что гены производят разное количество белков.

Кстати ген – участок длинной молекулы ДНК. Их в геноме человека 30000; каждый ген заведует производством одного или нескольких белков. Информация с гена считывается матричной РНК – специальной молекулой, которая способна синтезировать молекулу белка. Геном – это партитура, а РНК – музыкальный инструмент.

В геноме шимпанзе не хватает всего 53 генов по сравнению с человеком. В спирали ДНК 3 млрд. нуклеотидных пар-человека и шимпанзе и различий здесь 35 млн. Разница в геномах 1,2 процента. А с учётом эгоистичной ДНК (участка, который не кодирует никакой информации, но способен вырезаться из молекулы и встраиваться в другом месте, изменяя активность генов) различия достигают 4 процентов.

У нас в каждой клетке по 46 хромосом, а у собаки – 78, хотя объём информации у них один и тот же.

Наш генетический код ближе к геному кошки, свиньи, тюленя.

Что из этого можно извлечь? Это значит, что, встраивая ядро клетки одного растения, животного, человека в клетку другого животного или растения можно получить такие сказочные явления как кентавры., до сих пор считавшиеся вымыслом. Из человека можно сделать собаку или другое животное! Уже сейчас делают растения со свойствами животных и наоборот. Поистине, велик Господь. Религиозные системы создаются людьми с Божьей помощью и они призваны дать ответы на вопросы бытия человека и окружающего его мира. Добро и зло, справедливость и несправедливость, поступки человека, его страдания, его судьба, судьба мира и Вселенной. На всё это и должна давать ответ любая религиозная система.

В настоящее время в мире существуют религиозные системы, отражающие обожествление, поклонение и почитание природы во всех её проявлениях. Поклоняются огню, солнцу, луне, дереву, реке, озеру и т.д. Например, это идолопоклонничество, зороастризм, шаманство и другое. Хотя с этой религиозной системы и началось познание Бога человеком, но она никуда не ушла и не уйдёт. Далее, идёт многобожие. Сюда относятся такие религиозные системы как индуизм, буддизм, синтоизм, который включает и фетишизм, анимизм. Ну и, наконец, вершина религиозных систем – христианство и ислам, признающие единого Бога и в наибольшей степени, отражающие реальную действительность. Насколько та или иная религия ближе к познанию Бога, - человека и мира нам не дано знать. Но для нас каждая религия имеет свои достоинства и недостатки, свои грехи.

Познания подлинной истины Бога и человека ни у какой из религий нет. И каждый человек, придерживаясь той или иной религии, секты пытается с их помощью познавать Бога, получая величайшее наслаждение от этого. Придерживаясь той или иной религии, мы не должны всё в ней принимать слепо, не веру. Так можно впасть и в суеверие. Что-то более нравится, соответствует твоему пониманию Бога, что-то менее. И здесь поле для творчества. Вноси поправки в религиозную систему, обсуждай её, раздумывая над ней. От этого твоя духовная составляющая только выиграет. Да, поправка в религию, обсуждение и покаяние за предыдущие моменты истории религиозной системы вносятся соборно, но можно писать, публиковать, рассуждать. Всё претендует на истину. У каждого своя истина. Но истина одна и кто ближе к ней – никто не знает. Хотя, Православная религия имеет перед другими религиями преимущество: ведь на Пасху принимает небесный огонь у Гроба Господня именно представитель Православной Церкви. Никто другой этого сделать не может.

Рассмотри ответы на злободневные вопросы с точки зрения христианства.

Проблема добра и зла – основная проблема нашего бытия в этом мире. Почему зла так много? Почему распространены воровство, убийство, унижения и страдания людей. Почему начальники так тупы и грубы, рассматривают нас как рабов и скотов? А бедствия сыпятся на нас полными горстями. Зло абстрагировали и видели его то в

материи как Плотин, то в незнании как Сократ и Сенека, то, как дополнение Добра, его необходимый элемент. Давид Юм в «Диалогах о естественной религии» пишет: «Старые вопросы Эпикура ещё остаются без ответа. Может быть, Божество хочет, но не может предотвратить зло? Значит оно не всемогуще. Если же оно может сделать это, но не хочет, значит оно недоброжелательно. Если же оно и хочет и может, то откуда же берется зло?» [2, с.451].

Что можно сказать на это? В Послании Иоанна Богослова сказано: «... будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рождён от Бога и знает Бога, кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» [1, с.1221].

Итак, если определить Зло как нелюбовь человека к окружающему его миру, людям, Богу, то и получается, что там, где нет любви, - там царит Зло. А Добро – есть любовь человека ко всему его окружающему, и любящий не будет причинять страдания любимому. Не будет загрязнять землю отходами, воровать и убивать, мучить людей и животных, природу. Ну а почему Зла так много? Так потому, то Господь, во-первых, дал полную свободу человеку: делай что хочешь, но знай, что за всё ответишь! Мы же не марионетки и куклы. А, во-вторых, мир полон искушений, что уже отмечалось выше и человеку трудно, а порой невозможно не искушиться. Тут легко превысить меру. Поэтому, впадая в разные грехи, мы с Божьей помощью учимся познавать Зло, уходить от него. Ибо, ступив на наклонную вниз, в темноту, тропинку зла, мы обязательно будем подставлены бесами, дьяволом, попадёмся как мышь в западню, мышеловку. Таково высшее наслаждение бесов: подставить человека. Мы часто падаем, - так надо подниматься и стараться не грешить. А мир, увы, таков: слишком много здесь искушений. Такова Воля Божья. Если мы свободные личности, а такими нас сделал Господь, то и сами, свободно, а не по принуждению (и Бог здесь уже не при чем), можете возлюбить и избежать зла. Зло – это наше испытание. Ну а страдания и унижения в нашей судьбе и в умеренных дозах необходимы как лекарство от непомерного эгоизма. Почему тебя начальник унижает и издевается над тобой? Почему он туп (ты так думаешь), а ты умён (ты так думаешь) и в подчинении? Здесь надо смотреть и на твоих родителей, предков, внешнюю среду и многое другое.

В становлении человека как личности, принимаемой нами за 100 процентов, - 25 процентов отводится наследственности как телесной, так и духовной до четырех поколений. Сын за отца, увы, отвечает. И часто грехи родителей падают на нашу голову. 25 процентов отводится воспитанию в семье, если она есть. Если её нет, то воспитывают другие. 25 процентов отдаётся влиянию внешней среды в данное время и в данном месте. Она с неизбежностью давит своим местом и временем. Ну и, наконец, 25 процентов отводится твоим собственным помыслам, чувствам, деяниям. Всё это формирует тебя и какое место ты занимаешь в этом мире зависит от всего этого. Вот и задумайся с учётом этого, почему ты занимаешь это, а не другое место под Солнцем? Дени Дидро пишет: «Человек честен или добродетелен, когда без каких бы то ни было низких и раболепных побуждений, таких, как надежда на вознаграждение или страх наказания, он принуждает все свои страсти способствовать общему благу...» [3, с.61]. Прекрасно, если ты сможешь сам в силу тех четырёх факторов, изложенных выше, принудить себя к добру. Но для многих именно страх наказания или щедрое воздаяние принуждает к этому. Так что в этом плохого? Можно быть добродетельным и без религии, утверждает Дидро. Ну и хорошо, делай так. А у некоторых – только в религии и с Богом получается это. Щедрое воздаяние и счастливая жизнь на том свете для многих более чем прекрасный повод творить добро – любовь. «Язычник рассчитывал гулять по Елисейским полям, пить нектар и питаться амброзией. Магометанин, охотник до вина, пить которое ему воспрещают его законы, уповаает на то, что вечно будет напиваться среди серых, красных, зелёных и белых гурий. Но христианин будет наслаждаться своим богом», - пишет Д. Дидро [3, с.103]. Далее он говорит, что «умеренные страсти – удел заурядных людей» [3, с.164]. Но именно умеренные страсти и позволяют человеку не грешить и управлять собой. А неумеренный эгоизм, гордыня, пьянство вызовут лишь отвращение у окружающих, твои болезни и грехи. Иным надо бояться Бога, а иным – любить. «Из всех религий предпочтительнее те, истина которых имеет больше доказательств и меньше возражений» [3, с.193]. Религиозные постулаты мы принимаем на веру, а жизненные факты приводят нас к той или иной религии. И здесь трудно подсчитывать «за и против». Те четыре фактора, указанные выше (в процентах) и заставляют нас принять ту или иную

религию или не принять никакой. Здесь твоя Вера и Свобода – твои помощники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Издание Московской Патриархии. - М., 1968.
2. Юм, Д. Сочинения / Д. Юм. – М., 1996.
3. Дидро, Д. Сочинения / Д.Дидро. - М., 1986.

Д.М. КОШЛАКОВ

ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ЖИЗНИ

Исторически сложилось, что между естествонаучным и социально-гуманитарным знанием существуют огромные преграды. Истоки этого разграничения относят к философии И.Канта и его последователей – неокантианцев. И.Кант, разделяя мир на природу («мир сущего») и культуру («мир должного»), выдвинул идею принципиальной различимости естествонаучного и гуманитарного знания [1; 9, с. 119].

В свою очередь, неокантианское движение только усилило разграничение этих пластов знания, указав на то, что если естественные науки используют номотетический подход, основанный на выведении законов посредством генерализации состояний объекта исследования, то социогуманитарные – идиографический, который основан на описании конкретных событий и состояний объекта посредством их индивидуализации. Следует также отметить, что, несмотря на глубокую проработанность проблемы научного знания, неокантианская позиция не вполне отвечает специфике современной науки.

По нашему глубокому убеждению, идея невозможности генерализующего описания явлений социально-гуманитарной сферы не соответствует современным реалиям. В качестве подтверждения нашей позиции имеет смысл указать на наличие таких феноменов, как социальные и гуманитарные технологии, политехнологии, психотехники и т.п. Дело в том, что различного рода социогуманитарные «техники и технологии» были бы невозможны как системные и систематические явления социальной и гуманитарной жизни, если бы они не опирались на те самые законы,

наличие которых применительно к гуманитарной сфере отрицали неокантианцы и которые позволяют осуществлять генерализующее описание социально-гуманитарных систем и процессов. Иначе говоря, понимание социально-гуманитарного знания как идиографического утрачивает свою актуальность и адекватность реальности и происходит это по причине наличия в рамках его современного содержания своеобразных техник и технологий.

Думается, тот факт, что неокантианцы, проведя грандиозные философские исследования, не смогли прийти до осознания этого вывода, оказался отчасти предопределен тем фактом, что феномен технического знания не был должным образом отражен в их классификации и философском исследовании науки. По сути дела из своих основных схем неокантианцы «выкинули» целое звено знания – технику и технологию. Пока роль этого звена не была столь высока и практически не просматривалась интеграция социально-гуманитарного, естествонаучного и технического знания, свойственная современной, постнеклассической науке, дихотомия естественного и гуманитарного знания была вполне приемлемой концептуальной моделью, описывающей научное знание. Но эта же дихотомия стала огромным препятствием в становлении единства научной рациональности и ее философского осмысления, начиная с XX века, когда необычайный расцвет приобрели самые разнообразные социально-гуманитарные техники и технологии вплоть до технологий манипуляции общественным сознанием; когда СМИ, сфера коммуникации, массовой культуры, управления и т.п. превратились в самые настоящие индустрии и когда, соответственно, потребовалось социально-философское и социологическое исследование этой новой социокультурной реальности на принципиально ином уровне. Новая социокультурная реальность уже не могла и не может быть исследована посредством идиографического подхода, да и целый ряд социальных и глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество, требуют выявления адекватных законов с целью скорейшего разрешения проблем. И по большому счету, мы можем сказать, что сейчас идет процесс генерализации социально-гуманитарного знания, а также процесс интеграции гуманитарного, естествонаучного и технического знания. Интеграция трех сегментов знания идет отчасти за счет того, что приходит осознание целевой направленности техники и технологии

на человека. Понимая технику и технологию в узком, чисто техническом смысле, можно сказать, что технические открытия и новации призваны способствовать гуманизации и раскрытию человеческой сущности, на что, к примеру, справедливо указывал Х.Ортега-и-Гассет [5, с. 34-39]. Понимая же технику и технологию в более широком смысле, т.е. не редуцируя ее до чисто технических устройств, объектов и приемов и учитывая наличие социально-гуманитарных технологий, уж тем более следует сказать, что она направлена на человека и общество. Однако, это развитие феномена техники и технологии, его выход за рамки только чисто технического знания, а по существу развитие возможностей рациональной человеческой деятельности, ставит целый ряд принципиально новых этических проблем и вопросов, которые требуют самого пристального философского осмысления.

Можно сказать, что «техничко-технологический» подход дает возможность генерализации в социально-гуманитарном знании, способствует его принципиально новому развитию. Думается, что и методы математического и компьютерного моделирования, привнесенные в социальную и гуманитарную науку из естествонаучного и технического знания, в существенной мере способствуют этому развитию. Современная философия воспринимает технику и технологию как специфические области науки и человеческой деятельности вообще, однако понимания их роли и места в современной культуре недостаточно. Причем проблема во многом заключается в том, что технику и технологию часто понимают лишь в чисто техническом ключе, в узком смысле, не учитывая наличия в современной культуре и науке, социальной и политической жизни именно социально-гуманитарных техник и технологий, к примеру, таких широко распространенных современных феноменов, как политтехнологии (в широком и в узком смысле их понимания), гуманитарные технологии, технологии воздействия на общественное сознание, психотехники и т.д., которые тоже являются своего рода элементами техники и технологии (в широком смысле). Указанные феномены, явно относясь к социогуманитарному знанию, по нашему глубокому убеждению, в большей мере соответствуют специфике техники и технологии, тем более что в них просматривается проектная ориентация и деятельностная направленность в противовес сугубо

исследовательской. Феномен социальной и гуманитарной техники и технологии, т.е. тех технико-технологических процессов, которые свойственны социальной и гуманитарной жизни относится не только к уже названным феноменам (политическим технологиям, психотехникам и т.д.), но и к процессам управления социальными системами, коммуникации в обществе и т.п. По большому счету, к социальным технологиям можно и должно относить управление и его типы и методы, всевозможные формы хозяйствования, различные формы правления, типы и виды модернизации и т.п. При этом важнейшая задача социально-гуманитарной науки состоит в определении наиболее качественных и вместе с тем приемлемых технологий развития общества и человека.

В качестве наиболее общего философского основания «технико-технологического» подхода к социальной сфере и соответствующего философского обобщения феномена техники и технологии можно назвать идеи философа и методолога физики и техники Марио Бунге о том, что техника и технология характеризуют все сферы жизнедеятельности общества (материально-производственную, коммуникативную (социальную), регулятивную (управленческую), духовную). Непереоценимое значение в свете понимания техники и технологии социально-гуманитарной жизни имеет методология Г.П. Щедровицкого. Очень существенной по своей значимости является вообще марксистская позиция. В этом плане о марксизме крайне позитивно отзывается влиятельный американский политолог и философ З.Бжезинский: «Марксизм представляет собой новый, исключительно важный этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к внешнему миру человека над пассивным, созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой... Марксизм ставит на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, также как и руководство действием, вытекающим из этого изучения» [10, с. 73].

Вообще, технико-технологический подход к социальной реальности неразрывно связан с марксистской и неомарксистской мыслью и берет свое начало, пожалуй, из знаменитого тезиса К.Маркса о переделке мира как сущности философии. К примеру, А.А.Богданов, а вслед за ним и вся советская теория управления, ставили задачу познать и преобразовать природу в своих интересах,

организовать себя, свои усилия и активности, в отдельной личности и в коллективе [8, с. 26]. Следует добавить, что отнюдь не случайно сегодня под воздействием глобального экономического (а во многом и мировоззренческого, философского) кризиса на Западе все чаще обращаются к трудам К.Маркса, чего не было со времен Ф.Рузвельта. Техничко-техноло-гический подход с его условиями активной, субъектной позиции по отношению к социальной реальности неразрывно связан не только с марксистской и неомарксистской мыслью, но и посткапиталистическими идеологиями, а также мировоззрением элит постиндустриального уклада [6; 8, с. 15]. Надо отметить, что феномен техники и технологии находит свое отражение в современных психолого-педагогических исследованиях, где принято говорить о содержании психологической и педагогической технологии. В рамках современной педагогики все большее значение приобретает т.н. компетентностный подход, в котором явно просматривается влияние теории управления качеством, которая изначально формировалась в рамках технологической науки с целью развития средств и методов управления производственными и технологическими процессами. Сегодня эти методы играют большую роль в педагогике и образовании, управлении инновационной деятельностью, менеджменте кадровых ресурсов. Все более часто встречающимся становится понимание социологии и политологии как своего рода социально-инженерных и социально-технологических пластов знания, происходит возрастание роли активного политического и социального прогнозирования.

Феномен техники и технологии в его расширенном и многослойном толковании можно встретить в самых различных современных исследованиях по логике и философии (технология диалектического мышления и т.п.), экономике и менеджменту (технологии управления и т.п.), юриспруденции (правовые технологии). Много «технологического» просматривается в исследованиях феномена социально-коммуникативных процессов, когда в рамках масс-медийного и социокультурного пространства происходит не столько объективное отражение социальной действительности, сколько конструирование ее образа, модели [4]. В этом плане можно указать на исследования М.М.Бахтина, Ж.Бодрийяра, С.Г.Кара-Мурзы, П.Лазерсфельда, Г.Ласуэлла, М.Фуко, Ю.Хабермаса, Н.Хомского и др. Даже многие аспекты, связанные с

искусством, в каком-то смысле описываются при помощи технико-технологических подходов. Можно отметить, что искусство является особым родом техникой и технологией развития у «зрителей» и «художников» этических и эстетических качеств. Так, к примеру, актёрская психотехника рассматривается как техника, ориентированная на развитие личности и позволяющая расширить возможности развития эмпатии (чувства сопереживания и т.п.) [2, с. 3-4]. Добавим, что, по мнению Л.С.Выготского, психотехника является одним из главных методов формирования психики [2, с. 9].

Понятие «актёрская психотехника» в сценическое искусство ввёл К.С.Станиславский. Современные актёрские технологии берут своё начало из психотехники йоги и учения Рибо, научных открытий И.П.Павлова, И.М.Сеченова и др., которые были изучены, апробированы и внедрены в школу актёрского искусства Станиславским [2, с. 9]. Нередко актерская психотехника в очень существенной мере опирается на сравнительную этнографию, антропологию и религиоведение.

Если обратиться к философии киноискусства, то кинематограф интерпретируется в нем как средство технического воспроизведения реальности, интерпретация реальности определенными средствами. Таким образом, киноискусство (как и искусство вообще) являются в некотором смысле некоторой техникой и технологией, и то, что философия кино включает в себя исследования, граничащие не только с эстетикой, эпистемологией, онтологией, социологией медийных пространств, социологией и философией культуры, но и философией техники, не является случайным [2, с. 3]. Нередко изображение реальности в кинофильме воспринимается как модель реальности и в этом смысле можно говорить о технике и технологии построения подобного рода модели. Кино – модель человеческого представления о мире, но не сам мир, не копия его. Согласно теории С.Эйзенштейна, кино – не средство передачи, а способ особого воздействия, и главная задача режиссера – повлиять на зрителя. В связи с этим становится важным, какие образы в существенной мере искусственно рождаются в его сознании при восприятии движущихся изображений в кино [2, с. 22]. Эйзенштейн говорит, что смысл монтажа в кино состоит в подборе монтажных кусков таким образом, чтобы возникла некоторая целостность. Единство – это образ в сознании зрителя, который возникает при сопоставлении различных монтажных кусков. Принцип

их сопоставления основан на столкновении, образ возникает на контрапункте конфликтующих изображений. Итак, кинематограф представляет собой не копирование реальности, а технику воспроизведения образов, возникающих в сознании силой творческого воображения [2, с. 22].

Согласно общепринятой точке зрения о воздействии киноискусства на зрителя, со зрителем как бы случается катарсис. Современная эстетика потребления действует так, что катарсис происходит как сброс напряжения посредством фильма. Но у массового и интеллектуального кино есть принципиальные отличия. Зритель в массовом кино пассивен, это происходит по той простой причине, что в массовом кино для реализации суггестии (внушения) используются известные зрителю смыслы. В зрителе воспроизводят некоторые эмоции, потом подводят к катарсису: по окончании фильма зритель проходит все требовавшиеся от него состояния. В интеллектуальном кино все принципиально иначе. Зритель, пытаясь понять авторские смыслы, активен во время просмотра. По окончании фильма он остается перед индивидуальными смыслами автора в ситуации непонимания. Катарсиса не было – разрядки не произошло. Зритель пребывает, вместо катарсического состояния, в моменте торможения. Итак, у разных типов кино и разная техника работы со зрителем и со зрительскими образами [2, с. 23-24].

Надо отметить, что технико-технологический подход позволяет понять даже глобализационные процессы в современном мире, как впрочем и любые процессы, несущие отпечаток искусственности и подразумевающие наличие объекта и субъекта некоторого воздействия или управления. Стремительное развитие глобализационных процессов, технического прогресса изменяет окружающую действительность, давая возможность получать неограниченные объемы информации, формировать принципиально новую виртуальную реальность [3, с. 3]. Так, к примеру, З.Бжезинский говорит о культурном превосходстве как недооцененном аспекте американской глобальной мощи [3, с. 24]. Подражание американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, создавая более благоприятные условия для установления косвенной и на вид консенсусной американской гегемонии. Вдохновляемая Америкой глобальная культурная революция изменяет социальную мораль, культурные ценности, личные вкусы,

поведенческие стереотипы и материальные запросы молодого населения почти всего мира. Бжезинский прямо говорит о том, что соприкосновение с американской массовой культурой раскрепощает личность, опрокидывает существующие обычаи, вызывает чаще всего неосуществимые социальные амбиции и подрывает основы существующего порядка [3, с. 24-25]. Итак, американская культура, претендующая на роль глобальной, оказывает определенное технологическое воздействие на всю социокультурную реальность, имея совершенно определенные глобальные политические цели. Это подтверждает тот факт, что глобализация – в определенной мере искусственный, а значит по-своему технологический процесс. Интересным представляется прослеживание в разного рода социально-гуманитарных техниках некоторого эффекта столкновения. Так важнейшей спецификой феномена техники является то, что техника как бы сталкивает те самые объективные законы, которые мы можем наблюдать в природе и которые изучаются в рамках физики, и тем самым осуществляет получение некоторого полезного эффекта. В этом смысле технику нельзя уподобить, скажем, прикладной физике, ибо феномен техники принципиально самостоятелен и имеет собственную специфику.

Аналогичные «эффекты столкновения» в том или ином виде просматриваются и в технике и технологии социально-гуманитарной жизни. Так, к примеру, социальное управление предполагает столкновение мотивов различных социальных акторов. Многие политические технологии, масс-медийная коммуникация, искусство, даже манипуляция общественным сознанием во многом строятся на столкновении образов, символов, знаков, стереотипов, или, говоря условно, смысловых акторов. Можно выдвинуть гипотезу, согласно которой технике и технологии в ее широком истолковании вполне присущ определенный эффект столкновения. Обобщая все сказанное, имеет смысл отметить, что техника и технология должны пониматься не только в узком смысле, т.е. исключительно как феномены технического знания, но и в широком смысле, как своего рода явления социогуманитарной сферы, что имеет огромное методологическое значение, особенно для управления социальными системами и процессами. Подводя некоторый итог осуществленному в данной статье анализу, имеет смысл отметить и то, что в свое время Х.Ортега-и-Гассет, исследуя феномен техники и технологии, указал на то, что

техника развивается от техники, связанной со случайными изобретениями, проходит этап техники ремесленников и мастеров и выходит на этап техники как технологии, техники как особого рода науки [5, с. 38]. Различие же между этапами этого сложного исторического процесса состоит в уровне развития рационального мышления человека и человечества. В свете обсуждаемой тематики можно заключить, что рациональность человеческой деятельности развивается и выходит на принципиально новый уровень, связанный с техникой и технологией социально-гуманитарной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова, Н.С. Рациональность: наука, философия, жизнь / Н.С.Автономова // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995. – С. 47-75.
2. Бенеш, Н.Л. Актерская психотехника как психологическое средство развития эмпатии личности: Автореф. ... канд. психолог. наук / Н.Л.Бенеш. – Хабаровск, 2007.
3. Бобров, Е.Е. Общие закономерности процессов глобализации: социально-философский анализ: Автореф. ... канд. филос. наук / Е.Е.Бобров. – М., 2008.
4. Дьякова, Е.Г. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов / Е.Г.Дьякова, А.Д.Трахтенберг. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999.
5. Митчем, К. Что такое философия техники? / К.Митчем. — М., 1995.
6. Неклесса, А.И. Люди воздуха, или Кто строит мир / А.И.Неклесса // Библиотека журнала «ИНТЕЛПРОС». – М., 2005.
7. Постникова, Т.В. Антропология киноискусства: философский анализ проблемы репрезентации реальности: Автореф. ... канд. филос. наук / Т.В.Постникова. – М., 2007.
8. Русяева, Е.Ю. Философский анализ управления социальными системами (культурно-исторические аспекты): Автореф. ... канд. филос. наук Е.Ю.Русяева. – М., 2007.
9. Степанищев, А.Ф. Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике / А.Ф.Степанищев. – Брянск, 2006.
10. Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York, 1971.

МОИСЕЕВА А.Ю.

ОБЩЕНАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОСНОВАНИЕ ЕДИНСТВА НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Проблема становления единства научной рациональности является одной из наиболее сложных как в философии науки, так и в теории познания вообще, и на современном этапе требует своего переосмысления. Очевидно, что проблемы будущего не могут обсуждаться без анализа развития науки и ее перспектив. Начиная с последней трети XX века, мы являемся свидетелями новых радикальных изменений в основаниях науки. Эти изменения можно охарактеризовать как глобальную научную революцию, в ходе которой рождается новая постнеклассическая наука и формируется постнеклассический тип научной рациональности. Постнеклассический тип рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными социальными ценностями и целями [5, с.712]. На постнеклассическом этапе обоснованной оказывается точка зрения, согласно которой открытая форма рациональности является необходимым и общезначимым компонентом познания. Открытая научная рациональность предполагает «внимательное и уважительное отношение к альтернативным картинам мира, возникающим в иных культурных и мировоззренческих традициях» [6, с.22]. Такой образ рациональности включён в современное решение проблем глобального характера, выбора жизненных стратегий человечества, где субъект не просто активный участник процесса, а его систематизирующий принцип.

По утверждению Л.А.Микешиной, в постнеклассическом типе научной рациональности существует целый ряд важнейших идей, которые могут существенно обновить человеческое мышление, так как он «избегает всех форм монизма и универсализации, не приемлет единой общеобязательной концепции и различных явных и неявных форм интеллектуального деспотизма» [3, с. 53]. Если классическая наука была ориентирована на постижение все более сужающегося, изолированного фрагмента действительности, выступавшего в качестве предмета той или иной научной дисциплины, то специфику современной науки конца XX века определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знаний. Наряду с дисциплинарными исследованиями на передний план выдвигаются

междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности. В результате усиливаются процессы взаимодействия принципов и представлений онтологических картин реальности, формирующихся в различных науках. Они становятся взаимозависимыми и предстают в качестве фрагментов целостной общенаучной картины мира.

Эти фундаментальные изменения в научных представлениях о мире ориентируют на новые способы мировидения: мир раскрывается со стороны многоаспектности, многоуровневости, сложности, а его явления, фрагменты, рассматриваемые как открытые системы, предстают как неравновесные, обладающие множественностью форм будущих состояний, способные к саморазвитию, самоорганизации.

Задавая стратегию исследования саморазвивающихся объектов в рамках конкретных научных дисциплин и обеспечивая стратегию междисциплинарных исследований, удельный вес которых возрастает в современной науке, общенаучная картина мира берет на себя многие функции, которые ранее выполняли специальные научные картины мира [5, с.663]. Она интегрирует представления о предметах различных наук, формируя на основе их достижений целостный образ Вселенной, включающий представления о неорганическом, органическом и социальном мире и их связях. Современные концепции самоорганизации создают реальные предпосылки для такого рода синтеза.

Практически все объекты, которые современная наука включает в сферу своего исследования, носят системный и эволюционный характер. Идеи самоорганизации и эволюционизма выступают ядром формирования современной научной картины мира. Представления об универсальности процессов эволюции во Вселенной реализуются в современной науке в концепции глобального (универсального) эволюционизма. Глобальный эволюционизм – это признание невозможности существования Вселенной и всех порождаемых ею менее масштабных систем вне развития, эволюции. Эволюционирующий характер Вселенной, кроме того, свидетельствует о принципиальном единстве мира, каждая составная часть которого есть историческое следствие глобального эволюционного процесса начатого Большим взрывом. Эскиз современной общенаучной картины мира на основе идей глобального эволюционизма предлагает «видение мира, в котором все уровни его

организации оказываются генетически взаимосвязанными между собой. Причем основой этого видения выступают не только философские идеи, но и реальные достижения конкретных наук, синтезируемые в рамках целостного представления о самоорганизующейся Вселенной» [5, с.656]. Таким образом, система представлений, формирующаяся на базе принципов глобального эволюционизма, позволяет единообразно описать огромное разнообразие процессов, протекающих в неживой природе, живом веществе, обществе, и становится фундаментальной исследовательской программой науки на этапе интенсивного междисциплинарного синтеза знаний.

Не менее значимой для построения общенаучной картины мира является концепция голографической Вселенной Д.Бома. Прежней модели рациональности, которая обеспечивает последовательное, дискурсивное продвижение к постижению мира, он противопоставляет новую модель, которая «исходит из всеохватности мира, из возможности целостного и одномоментного его воспроизведения» [2, с.212]. Английский физик отверг традиционное для философии и науки описание бытия как мозаики разъединенных элементов.

Мир оказывается целостной и неделимой реальностью. Д.Бом считает, что реальная действительность не существует, и, несмотря на ее очевидную плотность, Вселенная в своей основе – «фикция, гигантская, роскошно детализированная голограмма» [1, с.19].

Голограмма представляет собой трехмерную фотографию, сделанную с помощью лазера. Чтобы сделать голограмму, прежде всего фотографируемый предмет должен быть освещен светом лазера. Тогда второй лазерный луч, складываясь с отраженным светом от предмета, дает интерференционную картину, которая может быть зафиксирована на пленке. Сделанный снимок выглядит как бессмысленное чередование светлых и темных линий. Но стоит осветить снимок другим лазерным лучом, как тотчас появляется трехмерное изображение снятого предмета. Трехмерность – не единственное замечательное свойство голограмм. В отличие от обычной фотографии, каждый участок голограммы содержит всю информацию о предмете. Голограммы обладают уникальным свойством - восстанавливать полноценное объемное изображение реальных предметов. Она демонстрирует уникальный принцип

мироздания, согласно которому каждая частица может содержать в себе информацию о целом. Принцип голограммы «все в каждой части» позволяет по-новому подойти к вопросу организованности и упорядоченности во Вселенной [1]. Д.Бом уверен, что элементарные частицы взаимодействуют на любом расстоянии не потому, что они обмениваются таинственными сигналами между собой, а потому, что их разделенность есть иллюзия. Если разделение частиц - это иллюзия, значит, на более глубоком уровне все предметы в мире бесконечно взаимосвязаны. Все взаимопроникает со всем, все разделения искусственны и «природа в конечном итоге есть безразрывная паутина» [1, с.20]. Каким-то образом каждая частица всегда знает, что делает другая! Возможно, голографический уровень мира есть очередная ступень бесконечной эволюции. Как выясняется, материальная структура Вселенной подобна гигантской голограмме, а значит, можно вывести некий универсальный архетип всеобщей связи.

И здесь наука не может обойтись без философии: «Тайна мироздания, даже когда она обнаруживается в пробирке или в тончайшем приборе, вызывает потребность в мировоззренческих обозначениях. Если электрон обладает разумом, как предполагают ученые, стало быть, важно правильно настроить человеческий разум, который мог бы ухватить тайны мира в едином рационалистическом напряжении, или, точнее сказать, путем оправданной самонастройки» [2, с.213].

Взгляды Д.Бома разделяют и другие учёные.

Независимый нейрофизиолог из стэнфордского университета К.Прибрам, работающий в области исследования мозга, также склоняется к теории голографичности мира. К.Прибрам пришел к этому заключению, размышляя над загадкой, где и как в мозге хранятся воспоминания. Многочисленные эксперименты показали, что информация хранится не в каком-то определенном участке мозга, а рассредоточена по всему объему мозга. В ряде решающих экспериментов в 20-х годах прошлого века К.Прибрам показал, что независимо от того, какой участок мозга крысы он удалял, он не мог добиться исчезновения условных рефлексов, выработанных у крысы до операции. Никто не смог объяснить механизм, отвечающий этому забавному свойству памяти «все в каждой части» [1, с.21]. Позже, в 60-х годах XX века, К.Прибрам столкнулся с принципом голографии

и понял, что, что мозг есть голограмма. Представление о голографической структуре биологических полей первоначально были предложены К.Прибрамом относительно принципа организации памяти и работы мозга. В дальнейшем эти представления получили широкое развитие применительно к различным системам организма. Голографический принцип, что «каждая частица содержит в себе информацию о целом», отслеживается на уровне клеток живых организмов.

Самый потрясающий аспект голографической модели мозга К.Прибрама выявляется, если ее сопоставить с теорией Д.Бома. Если то, что мы видим, лишь отражение того, что на самом деле «там» является набором голографических частот, и если мозг - тоже голограмма и лишь выбирает некоторые из частот и математически их преобразует в восприятия, то что же на самом деле есть объективная реальность? Ее не существует. Как испокон веков утверждают восточные религии, материя есть Майя, иллюзия, и хотя мы можем думать, что мы физические и движемся в физическом мире, это тоже иллюзия. На самом деле мы «приемники», плывущие в калейдоскопическом море частот, и все, что мы извлекаем из этого моря и превращаем в физическую реальность, всего лишь один источник из множества, извлеченных из голограммы [1, с.22]. Эта поразительная картина реальности, синтез взглядов Д.Бома и К.Прибрама, названа голографической парадигмой. Во Вселенной, в которой отдельный мозг есть фактически неделимая часть большой голограммы, бесконечно связанная с другими, телепатия может быть просто достижением голографического уровня. На основании этого голография может послужить отправной точкой для разработки новой концепции, которая позволит совершенно по иному взглянуть на Вселенную.

Как видим, значительные естественнонаучные открытия последних десятилетий, особенно в сфере психологии и физики, «рисуют» новую картину Вселенной. А это значит, что необходимо новое понимание проблемы рациональности, которое «в корне изменит все наши воззрения на мир, природу и человека» [2, с.214]. Поиск новой парадигмы приводит к анализу проблемы рациональности как основы единства знания, в том числе научного знания, в контексте понимания принципа рациональности в культуре в целом, в контексте фундаментальной мировоззренческой

проблематики, связанной с уяснением места и роли рационального начала в человеческом бытии.

Итак, в рамках общенаучной картины мира начинают интегрироваться изолированные специальные картины мира, а основой синтеза знаний в современной науке становятся принципы универсального эволюционизма: «Это та стержневая идея, которая пронизывает все существующие специальные научные картины мира и является основой построения целостной общенаучной картины мира, центральное место в которой начинает занимать человек» [5, с. 662]. На уровне такого понимания «постнеклассическая наука оказывается в состоянии выстраивать прямо по всему «пространству» картины всеобщей детерминации взаимопересекающиеся «аттракторы» научных проектов, в которых связаны проблемы микро-, макро- и мегамира, а также основания философских исследований» [4, с.216-217]. Итак, формирующаяся общенаучная картина мира является основанием для становления единства научной рациональности. Принципы универсального эволюционизма становятся доминантой синтеза знаний. Постнеклассическая научная рациональность и картина всеобщей детерминации, построенная с ее помощью, обретает голографический характер. Наука получила возможность сразу увидеть всю научную проблематику, не обращая внимания на предметную разграниченность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влахов, А.Л. Голографический принцип в основе мироздания / А.Л.Влахов // Тоннель – XXI. Сборник научных трудов (электронная версия): Вып.1. – М., 2003. – С.17-27. // <http://tonnel-new.narod.ru>.
2. Гуревич, П.С. Поиск новой рациональности (по материалам трех всемирных конгрессов) / П.С. Гуревич // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995. – С.200–215.
3. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемические главы / Л.А.Микешина. – М., 2002.
4. Степанищев, А.Ф. Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике / А.Ф.Степанищев. – Брянск, 2006.
5. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С.Степин. – М., 2003.
6. Швырев, В.С. О понятиях «открытой» и «закрытой» рациональности (рациональность в спектре ее возможностей) / В.С. Швырев // Рациональность на перепутье: В 2-х кн. – Кн. 1. – М., 1999. – С.9-45.

М.В.ШВАРОВА
КУЛЬТУРА И НАСЛЕДИЕ В КНИГЕ Н.С.АРСЕНЬЕВА

«DAS HEILIGE MOSKAU» («СВЯТАЯ МОСКВА»)

Как известно, в первой трети XX века из России в Европу, спасаясь от войн, революций, репрессий, хлынул большой поток эмигрантов. За границей они составили уникальное сообщество. В их числе был и известный философ, культуролог, литературовед Николай Сергеевич Арсеньев (1888-1977). Оказавшись за границей, он, как и большинство русских, стремился сохранить богатую и самобытную культуру России.

Находясь в изгнании, многие беженцы стремились сплотиться, так как хотели сберечь национальные традиции и быт, сохранить во всех мелочах тот уклад жизни, где все дышит Россией, памятью о ней, сберечь и приумножить национальное культурное наследие. В своих квартирах они выставляли уцелевшие фотографии, книги, самовары, кружевные скатерти, салфетки. В европейских городах появлялись трактиры с русскими названиями, там звучали цыганские романсы и русские народные песни, исполнялись произведения русских композиторов. Русская кухня (блины, расстегаи, щи, каши, квас) определяла меню таких ресторанчиков. Подобные настроения были характерны и для Н.С.Арсеньева, воспитанного в традициях русской культуры.

«В общем итоге много я получил духовно-ценных вкладов, умственно будящих импульсов в дни моей юности. Богат посев, богаты мною не заслуженные и не заработанные дары духовной культуры... какого требовало... подвига жизни, чтобы оплатить такую юность, – так вспоминал он в журнале «Современник» (Торонто, 1962). – Особенно же благодарен своим родителям и родительскому дому, ибо это – ...основа для всего другого хорошего и высший дар из всех, мною полученных ...здесь весь вопрос... в постоянном преодолении себя, в горении внутренней жизни. И хотя мы призваны к мужеству и к подвигу – мы гораздо больше ведомы, чем сами идем» [2, с.311].

Становление творчества Н.С.Арсеньева происходило в России в конце XIX – начале XX века. Это время вошло в историю как Серебряный век русской культуры, атмосфера которого была насыщена необыкновенным взлетом духовности. Именно в эти годы проблема охраны памятников старины стала осознанным предметом систематических исследований. В Москве и в Санкт-Петербурге в то

время создавались различные общества, религиозно-философские и литературные кружки, о чем пишет автор в одной из своих работ [2, с.300-311]. Среди них и «Императорская археологическая комиссия», и «Московское археологическое общество», и «Общество истории и древностей российских» при Московском университете. В них входили все любители древностей, которые занимались изучением и популяризацией памятников культуры. Активное обсуждение проблем отечественного наследия на различных сборах и археологических съездах оказало влияние на формирование культурного пространства российского общества. Выражением этой тенденции стало издание таких журналов, как «Русская старина» и «Исторический вестник». Вкус к старине в те времена, «способность к их восприятию были в русском обществе величиной постоянной» [3, с.148]. Проблема сохранения наследия стала той темой, которую сочувственно и с пониманием переживала просвещенная часть российского общества, находившаяся как в стране, так и за рубежом. Например, известный историк Москвы И.Е.Забелин (1820-1908), исследуя русское средневековое зодчество и обосновывая теорию «русского стиля», призывал к глубокому и системному изучению памятников. Вместе с тем, ученый говорил о том, что в их оценке главным является не скрупулезная достоверность описания, а эмоциональное восприятие.

В такой обстановке происходило становление творчества молодого писателя Н.С.Арсеньева, Апогея поэтизированное восприятие прошлого достигло в книге «Святая Москва», где проблема сохранения культурного наследия раскрывается не только посредством детального описания памятников архитектуры и культуры, перечислением имен и фамилий известных писателей, мыслителей, но и путем сопоставления конкретных исторических событий и вытекающих из них последствий.

Революционные годы нашей страны стали тяжким испытанием для миллионов россиян, в том числе и для Н.С.Арсеньева. Опасаясь преследований, в 1920 году он покинул Россию. С 1921 года живет в Кенигсберге и преподает в Кенигсбергском университете историю религии, русскую культуру и литературу, а также историю русской духовной жизни. Именно с этого времени начался второй период его жизни – немецкий, или кенигсбергский, который продолжался до 1944 года [5, с.7-15]. Разве мог философ предположить, что именно

здесь будет когда-нибудь фашистское логово? С 1939 года Германия начала нагло, внезапно, безжалостно захватывать города, порабощать народы, уничтожать культурное и природное наследие стран Европы: Польши, Дании, Норвегии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции. С каждым днем становилась все более очевидной неизбежность ее нападения на Советский Союз. В то время почти по всей Европе слышалось: «Heil Gitler». А в 1940 году в Падеборне (Германия) у Фердинанда Шёнинга вышла в свет работа Н.С.Арсеньева на немецком языке под названием «Das Heilige Moskau». Поскольку она еще не переведена на русский язык, перевод принадлежит автору. Уже самим названием автор словно бросил вызов фашистам. Он стремился обратить внимание всего мира на тот факт, что война способна уничтожить великие культурные ценности русского народа. Так появилась книга о Москве, о ее величии и красоте, обо всем, что было создано русскими людьми, жившими в Москве.

В книге девять глав. Это – исследование духовной жизни общества, «картины из религиозной и духовной жизни XIX столетия»: так определил автор жанр своего произведения [1, с.2]. Н.С.Арсеньев обращается к образу Москвы не только в знак безграничной любви к России. Уже в предисловии к книге ярко выражена главная мысль о том, что каждый человек, оберегая наследие своей нации, должен уметь сохранять культурные ценности других народов. «Каждый немец, который искренне и глубоко чувствует кровную связь со своей горячо любимой Германией, который ценит подъем народного самосознания и рост национальной духовной жизни своего народа, особенно хорошо сумеет оценить и эпоху расцвета московской культуры, и эпоху подъема русского народного самосознания, и рост национальной духовной жизни, что являлось отличительной чертой московской культуры XIX века», – так обращается Н.С.Арсеньев к немцам на первой же странице своего произведения [1, с.7]. С одной стороны, он ставит проблему сохранения культурного наследия, а с другой – освещает проблему войны и мира как двух полюсов, способных либо уничтожить наследие, либо его сохранить.

Автор акцентирует внимание на бесславной судьбе тех, кто пытался когда-либо завоевать Россию, цитируя при этом Лермонтова:
«...Напрасно думал чуждый властелин

С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом,
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец; ты вздрогнул - он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы» [1, с. 12].

Известно, что Александр I в 1816 году, оценивая роль Москвы в войне 1812 года с французами, сказал: «Пожар Москвы был страстным огнем свободы для всех земных государств. Из поругания ее святых церквей произросла победа веры. Подорванный злом Кремль уничтожил своим падением главу зла» [1, с.12-13]. В самом названии первой главы книги – «Москва как центр национального русского самосознания XIX столетия» – есть объяснение того, благодаря чему победил русский народ в войне с Наполеоном. Силу народа писатель видел в том чувстве, которое сплотило всех в одно целое, охватило одной гигантской волной. Об этом сказано и у А.С.Пушкина в «Евгении Онегине», и у Федора Глинки: «Какой богатырь был в состоянии поднять Царь-колокол? Кто смог передвинуть на это место Царь-пушку? Какой гордец не снимет шляпу перед священными воротами Кремля?» [1, с.9-10].

Напоминая о событиях 1812 года, Арсеньев фактически заявил о неизбежном финале войны немцев с Россией. И сделал он это в 1940 году в Кенигсберге. Пожалуй, именно так стремился остановить безумцев Арсеньев. «Прочь от Москвы! Она – Святая!», – писатель призывал немцев учесть горькие уроки войны Наполеона против России и отказаться от идей, способных погубить великую нацию и ее культурное наследие (не случайно книга была опубликована на немецком языке).

Истоком формирования образа Святой Москвы стала идея «Москва – Третий Рим», высказанная иноком Филофеем, монахом Псковского Елизарова монастыря в конце XV века. Согласно этой концепции, единственным оплотом и хранительницей истинной христианской веры – православия – стала Москва, пришедшая на смену Риму и Константинополю. Первый Рим, погрязший в ереси и разврате, пал под ударами варварских племен. Вторым Рим – Константинополь в 1453 году был захвачен турками. Как считал Филофей, произошло это согласно древнему пророчеству: «Два убо Рима падоши, а третий стоит, а четвертому не быти» [8, с. 608]. По

мнению Филофея, именно Москва должна сохранить веру православную до наступления конца света. При этом необходимо подчеркнуть, что теория «Москва - Третий Рим» не являлась обоснованием претензий Руси на мировое господство. Главный ее пафос: Москва должна хранить в чистоте православную веру и давать защиту и поддержку всем православным людям любых стран и национальностей. Понятие «Святая Русь» в рассуждениях Филофея приобретает особый смысл и становится одной из важнейших категорий его теории. Святая Русь... Святая Москва... Московский Кремль, Красная площадь, церкви и святылища, храмы и соборы – вот те памятники культуры и архитектуры, то российское наследие, которое, по мысли патриотической интеллигенции нашей страны, достойно не только поклонения, но и сохранения. В творчестве Н.С.Арсеньева это было выражено особенно остро. По мнению мыслителя, в XIX столетии именно в церквях, храмах, соборах по всей Руси Великой сохранялась православная вера, объединяющая народ в одно целое, независимо от образования и сословной принадлежности. Эта вера, с ее традициями, иконами и молитвами, лежала в основе духовной жизни общества, формируя национальное самосознание России и создавая духовные памятники культуры. Москва, церкви, величественные соборы, литургическая жизнь – это и есть Святая Москва. Рассказы об исторических событиях, которые когда-то принесли славу нашему народу о небывалом мужестве, о великом чувстве сплоченности масс проходят в «Святой Москве», объединенные идеей непобедимости русского народа и его единства.

Воссоздавая картины религиозной и духовной жизни Москвы XIX столетия, писатель делает акцент на формировании под влиянием православных традиций русского национального характера. «Литургическая жизнь» – одна из самых сложных, но интересных глав «Святой Москвы». Молитвы, песнопения – это святая святых церкви. За этим, кажется, стоит Великая тайна мира. Но как бы ни был сложен текст молитв для перевода с немецкого на русский, становится очевидно, что за этими словами скрывается исповедь человека, перенесшего все ужасы перемен: революций, войн, эмиграций. Опасаясь за жизнь (шел 1940 год, война), автор использовал в своей книге известный в литературе прием «подводного течения», выражая свои мысли и чувства о жизни и смерти в форме молитв. Сама жизнь – величайший дар, и задача

каждого человека – обратить его во спасение своей души, для обретения жизни вечной. Таков лейтмотив этой главы. Вот эта исповедь: «Чем я должен оплакивать поступки моей проклятой жизни? Бог милосердный, воздай мне отпущение моих грехов! Я шел вслед за преступлениями первородного Адама, и я осознал, что я лишился Бога и Вечного Царствия Святого из-за моих грехов. Я грешил больше всех людей, я один столько перед Тобой грешил, но смилуйся, Боже, о Всевышний, над Твоим Творением! Я осквернил одежды моей плоти и осквернил Твой образ и подобие. Я очернил красоту моей души страстями желаний и полностью превратил мою душу в земной прах. Мою первую одежду, которую мне ткал Творец, я разорвал, и вот я лежу нагой. Я приложил разорванное платье, сотканное по совету Змеи, и вот я стыжусь себя. Слезы раскаяния я преподношу Тебе, о, Наидобрейший! Очисти меня, мой Повелитель, Твоею милостью. Я один Тебе грешил, перед всеми я грешен, Христос, мой Повелитель, не отталкивай меня! ...И хотя я заблудился, не отталкивай меня!» [1, с. 26]. В этих словах звучит голос не только одного человека, здесь крик целого поколения людей, лишенных родины. «Хорошо тем, кто живет без порицаний, кто живет по закону Господа... Хорошо тем, кто придерживается Его заповедей, кто соблюдает их всем сердцем...Я сам оглядываюсь на Твои заповеди, чтобы не быть опозоренным...», – признается Арсеньев [1, с.30].

Религиозные заповеди воплощают в себе духовно-нравственные ценности, лежащие в основе сосуществования людей. Это то культурное наследие, которое важно сохранять и передавать от поколения к поколению во имя мира на Земле. Арсеньев считал, что адекватными формами ретрансляции этого культурного наследия являются религиозные ритуалы и праздники. Особенно он подчеркнул социальную значимость праздника Пасхи, как момента интеграции и объединения людей на основе единой веры в Бога. Эта вера была основой духовной жизни в России в XIX столетии. Она побуждала людей к взаимному прощению, к просветлению, к общей радости во имя возрождения Христа. Церкви были заполнены как простым народом, так и представителями дворянских родов, наследовавших из поколения в поколение особую систему духовно-нравственных ценностей. Атмосфера духовной «трезвости» и строгости была универсальной, она окутывала всех – от мала до

велика. Зажженные свечи, освященные куличи, покаянная молитва, церковные песнопения, троекратные поклонения, пасхальные приветствия и колокольный перезвон как знак всеобщего ликования, как символ Вечной жизни, победы жизни над смертью – вот главные составляющие Пасхи. «Всегда обновленная русская душа – душа русского народа, а также и душа представителей русской духовной культуры была залита и согрета волнами радости, которая зарождалась именно в Пасхальную ночь», – так описывает великий Пасхальный праздник Н.С.Арсеньев [1, с.34].

В каждой строчке «Святой Москвы» Арсенев выражает гордость за русский народ, его историческое прошлое и богатое культурное наследие. Называя имена известных русских писателей, мыслителей: Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Федора Достоевского, Владимира Соловьева, братьев Е.Н. и С.Н.Трубецких, писатель отражает круг высокообразованных людей, являвших собой хранителей отечественных традиций. Еще в 1940 г. Н.С.Арсеньев, находясь вдали от Родины, своим произведением «Святая Москва» заявил о важности сохранения культурного наследия России, одним из ключевых моментов которого является сохранение православной веры, ценностей ближайшего окружения человека – дома, семьи, религиозно просветленного быта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nikolaus von Arseniew. Das Heilige Moskau. 1940. Verlegt bei Ferdinand Schöningh / Padeborn Auslieferung Wien / F. Heindrich - Zürich / B. Göschmann.
2. Арсенев, Н. О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX века / Н.Арсеньев // Воспоминания о серебряном веке / Сост. В. Крейд. – М., 1993.
3. Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки архитектурной реставрации / Ред. А.С. Щенков. – М., 2000.
4. Очерки русской культуры XIX века: Культурный потенциал общества: В 6 т. – М., 2001. – Т.3.
5. Лысков, А.П. Н.С.Арсеньев – религиозный мыслитель и культуролог / А.П.Лысков // Вестник Калининградского государственного университета. Вып. 2. Сер. Философия, история, образование стран Балтийского региона. – Калининград, 2003.
6. M. Aschenbrenner. Iwan Schmelew // Schriften der Albertus-Universität. Königsberg; Berlin, 1937.
7. Лысков, А.П. Николай Сергеевич Арсенев (жизненный путь и творческое наследие русского мыслителя) / А.П.Лысков // Историко-философский ежегодник ИФ РАН. – М., 2005.

8. История отечественной культуры // Хрестоматия по истории мировой культуры: автор-составитель Гриненко Г.В. – М., 1999.

АНТРОПОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПЕДАГОГИКЕ

Б.А. ИСАЧЕНКО, Л.С. ГЕССЕ

К ПРОБЛЕМЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

У каждой исторической эпохи своя модель образованности, воплощаемая в специфически ей присущем типе «образованного человека». Традиционная для индустриальной эпохи педагогика утвердила концепцию, представляющую цели и содержание образования в виде триады: знания, умения и навыки («зуны»). В информационном обществе этого мало, т.к. изменения, происходящие в современном мире, ведут к становлению такого вида культуры, для которого чисто «знаниевое» образование оказывается уже неэффективным и нецелесообразным. Что предлагается вместо традиционного? Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года определяет цели образования на современном этапе. Модернизация - социальный и культурный процесс, включающий работу по созданию новой системы ценностей и новых моделей образования.

Современная информационная цивилизация формирует новую систему ценностей. В центре ее - свободно самореализующийся индивид, способный к гибкой смене способов и форм жизнедеятельности на основе коммуникации позитивного типа и принципа социальной ответственности. Основу новой структуры ценностей составляет *компетенция, компетентность*. Анализ теоретической литературы, проведённый нами, показывает, что к основным сущностным особенностям понятия *компетентность* разные авторы относят такие характеристики, как: освоенные способы деятельности, или опыт (Т.А.Степанов) [1, С.10]; наиболее общие (универсальные) способности и умения (К.Г.Митрофанов) [1, С.10]; меру включенности человека в деятельность (в ее социальный «срез») (Б.Д.Эльконин) [5]; способность к деятельности (Г.Б.Голуб,

О.В.Чуракова); способность действовать в ситуации неопределённости (О.Е.Лебедев).

Несмотря на различие взглядов, все ученые сходятся во мнении, что понятие *компетентность* шире знаний, умений и навыков и не является их суммой, так как включает все стороны деятельности: знаниевую, операционно-технологическую, мотивационную. Мы согласны с мнением Э.Ф.Зеера, который утверждает, что компетентность предполагает не столько наличие у специалиста значительного объема знаний и опыта, сколько умение актуализировать накопленные знания и умения, в нужный момент использовать их в процессе реализации своих профессиональных функций. Как достичь высокого уровня компетентности у определённого специалиста? Исследование этой проблемы вызывает необходимость выявления структуры и функций этого феномена. Результат поиска, направленного на исследование функций компетентности личности можно, на наш взгляд, представить в виде схемы (см. рис.1)

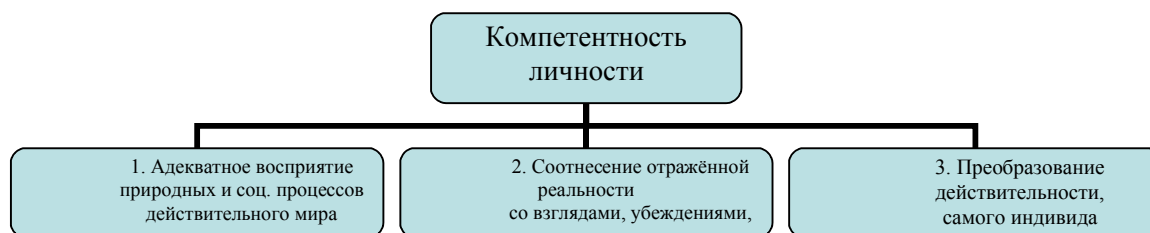

Рис.1. На данной схеме: 1 – гносеологическая функция, 2 – аксиологическая функция, 3 – деятельностная функция.

Следует отметить, что деятельностная функция, формируя важнейшие личностные качества, выводит нас на главную компетентность – умение созидать себя. Обозначенные функции, по-видимому, определяют и структуру компетентности личности (см. рис. 2).

Рис. 2. Структура компетентности личности

От структуры компетентности личности перейдём к структуре профессиональной компетентности. Профессиональная компетентность в исследованиях Болотова В.А. и Серикова В.В. рассматривается как системное, интегративное единство, синтез интеллектуальных и навыковых составляющих (когнитивного и деятельностного, включая и обобщенные знания, умения и навыки), личностных характеристик (ценностные ориентации, способности и т.д.) и опыта, позволяющий человеку использовать свой потенциал, осуществлять сложные культуросообразные виды деятельности, оперативно и успешно адаптироваться в постоянно изменяющемся обществе и профессиональной деятельности [2]. Будучи интегративным образованием, профессиональная компетентность не сводится ни к отдельным качествам личности или их сумме, ни к определенным знаниям, умениям и навыкам. Она отражает не только изменяющийся у человека потенциал и способность его использовать, но и порождает новые явления, качества жизни и деятельности, позволяющие человеку быть успешным. Компетенции выступают в качестве составляющих компонентов профессиональной компетентности. Например, в деятельностной составляющей профессиональной компетентности можно выделить такие компетенции, как сбор и анализ информации, планирование, организация деятельности, анализ результатов и т.д., а в личностной составляющей – следующие компетенции: самодиагностика, профессиональный рост, инновационная мобильность и др.

Таким образом, изучение понятий «компетентность» и «компетенция» представляет интерес для исследования. Методика формирования и совершенствования компетентностных качеств конкретного специалиста должна проводиться на диагностической

основе, становление компетентности поэтапно отслеживаться в учебном процессе.

В теории и методике обучения математике на ступенях среднего и высшего образования реализуется целостная система формирования предметных знаний, умений и навыков [3], [4]. В системе цели, содержание каждого из математических курсов структурируются либо от предметных фактов, закономерностей к целостной теории, либо в условиях конкретизации теоретической предметной концепции. Математический, абстрактный характер изучаемого материала предполагает и адекватную методику обучения с пассивной в социально-личностном-поведенческом аспекте ролью учащихся «приставленного» к знаниям, на формирующую его мотивационно-ценностные установки, ориентиры социального, профессионального плана. Программы курсов, содержательная сторона государственных образовательных стандартов второго поколения, итоговая аттестация учащихся, студентов имеет содержательный, не личностный характер. Квалификационные же требования к специалистам, определяя конкретные профессиональные области, фиксируя широкие и узкопрофессиональные личностные качества будущего специалиста в условиях «знаниевой парадигмы», в целом остаются декларативными, практически недиагностируемыми. Не только обучающийся, но и обучающий не могут установить прямую связь между системой предметных знаний, методов доказательств и предъявленными обществом квалификационными требованиями. Определённым же образом организованный учебный процесс, ориентированный не только на усвоение обучающимися определённой суммы знаний, а на ключевые компетенции, будет направлен на современное качество образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова, А.В. Формирование иноязычной компетентности будущего специалиста (медицинского профиля): Автореф. дис. ...канд. пед. наук / А.В.Архипова. – Чита, 2006.
2. Болотов, В.А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В.А.Болотов, В.В.Сериков // Педагогика, 2003, №10. –С. 8-14.
3. Государственные образовательные стандарты в системе общего образования. Теория и практика / Под ред. В.С.Леднёва, Н.Д.Никандрова, М.В.Рыжакова. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЕК», 2002.

4. Сборник нормативных документов. Математика / Сост. Э.Д.Днепров, А.Г.Аркадьев. – М.: Дрофа, 2004.
5. Эльконин, Б. Д. Понятие компетентности с позиций развивающего обучения / Б.Д.Эльконин // Современные подходы компетентностно-ориентированному образованию. – Красноярск, 2002.

З.А.КОЧЕРГИНА

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Ушедший XX век охарактеризовался бурными и противоречивыми событиями. Его называют веком широкого распространения идей прав человека, веком политического, национального и культурного плюрализма, веком начавшейся международной интеграции. Но этот же век принес человечеству невиданные страдания и неисчислимые жертвы. Многие конфликты, ставшие причиной войн и масштабного терроризма, носили национальную и религиозную окраску. Создалось впечатление, что этот век был веком войны, на которую обитатели планеты Земля обрекли себя, не желая понимать и уважать друг друга, видеть общечеловеческие идеалы и ценности. И все же большая часть человеческого сообщества жаждет мира и взаимопонимания. Не случайно первое десятилетие XXI века объявлено ЮНЕСКО десятилетием культуры мира и ненасилия. Нет необходимости говорить, что эта проблема актуальна для современной России – страны многонациональной, многоконфессиональной, поликультурной.

Нетерпимость проникает и в молодежную среду, находя в ней живой отклик. Духовным лидером молодежи, аккумулирующим ее жизненные позиции, является студенчество, имеющее свои психолого-возрастные особенности, характеризующиеся эмоциональной незрелостью, открытостью, внушаемостью, самоидентификацией не на основе общечеловеческих ценностей, а под влиянием коллизий в сфере этносоциальных и других отношений. Анализ научной литературы, сочетающийся с изучением педагогической практики, показывает, что в условиях крушения официальной идеологии, системы ценностей, социально-экономических изменений и

политических преобразований, происходящих в нашем обществе, востребован человек с возросшим чувством собственного достоинства, высоким уровнем культуры общения, ориентированный на сотрудничество, толерантно относящийся к взглядам других людей. В этих условиях воспитание толерантности, как подчеркивается в Концепции модернизации российского образования, является одной из важнейших задач: «Воспитание в духе толерантности начинается с обучения людей тому, в чем заключаются их общие права и свободы, чтобы обеспечить осуществление этих прав и укрепить стремление к защите прав других... Оно должно способствовать формированию у молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях». [5, с.136-137].

Сегодня, в первую очередь, требуется четкое представление об учебно-воспитательном процессе как факторе воспитания толерантности личности. В данном случае нами использованы идеи ученых-педагогов Е.М.Аджиевой, Б.З.Вульфо́ва, О.А.Гривы и др. Основа толерантности и возможное пространство ее динамики, по мнению Б.З. Вульфо́ва, лежат и действуют, прежде всего, в опыте личности. Поэтому и воспитание толерантности – это, с педагогической точки зрения, организация позитивного опыта толерантности, т.е. целенаправленное создание условий, требующих взаимодействия с другими, какими бы в глазах субъекта они ни были. При этом происходит взаимное обогащение опыта толерантности, что создает эмоционально-интеллектуально-нравственное поле, на почве которого произрастает положительный опыт отношений и общения [2, с.12-16]. В качестве факторов воспитания толерантности О.А.Грива выделяет просвещение – «процесс, в ходе которого человек знакомится с историей своей культуры, этноса, рода, семьи, осваивает моральные правила взаимоотношений и взаимодействия с другими людьми» [7, с.248]. Е.М.Аджиева рассматривает проблему воспитания толерантности через этнокультурное взаимодействие и считает, что ознакомление студентов с особенностями культуры своего и других народов в учебном процессе, во внеурочной деятельности, в свободном общении способствует формированию у молодого поколения объективного видения мира. Эти знания обеспечивают развитие культуры взаимодействий, взаимопонимания,

взаимоуважения, гармонизации интересов и устремлений студентов. В этих условиях сегодня совершается поворот к новому типу взаимоотношений – диалогу культур [7, с.216-223].

В нашем исследовании основополагающим является гуманистический подход. В центре гуманистической педагогики находится человек, который рассматривается как высшая ценность общества и самоцель общественного развития. Концепция гуманизации утверждает, что наш мир – это мир целостного человека, поэтому важно научиться видеть то общее, что не только объединяет человечество, но и характеризует каждого отдельного человека. Гуманизация образования требует пересмотра его содержания. Оно должно включать не только новейшую научную информацию, но и гуманитарные личностно-развивающиеся знания и умения, опыт творческой деятельности, эмоционально-ценностное отношение к миру и человеку в нем, а также систему нравственно-эстетических чувств, определяющих его поведение в многообразных жизненных ситуациях. В свете признания гуманистической парадигмы образования (и воспитания как его части) ряд исследователей (Т.Анохина, О.С.Газман,) определил, что воспитание – это деятельность, базирующаяся на саморазвитии и его педагогической поддержке. Она, по О.С.Газману, состоит в совместном с воспитанником определении его интересов, целей, возможностей и путей преодоления препятствий, мешающих ему сохранить человеческое достоинство и достигать позитивных результатов в обучении, самовоспитании, общении, образе жизни. Воспитанник в условиях поддержки и заботы начинает проявлять себя не просто в активных и позитивных формах поведения: он вступает в более высокие слои культурного и нравственного взаимодействия и сотрудничества. Педагог, выстраивающий свою деятельность в соответствии с идеями педагогической поддержки, имеет возможность понять систему «учитель-ученик» во всем многообразии. Следовательно, педагог сотрудничает с учениками и коллегами, выстраивает договорные отношения на взаимоуважении интересов личности, на признании решающей роли диалога в педагогическом общении [1, с.42-49; 3,4].

Логика учебно-воспитательного процесса в вузе обуславливает последовательность выявления педагогических возможностей воспитания толерантности в пределах структурных элементов: целей,

задач, содержания, форм, методов, а также методик и технологий. В ходе исследования нами анализировались ныне действующие программы гуманитарных и социальных дисциплин в Брянском государственном университете. Проведенный анализ был направлен на выявление достаточности их для воспитания толерантности у студентов.

Содержательный аспект исследования состоял в выявлении элементов толерантности в материалах указанных дисциплин, их отборе, определении тем и взаимосвязи с другими вопросами подготовки студентов. Анализ программ позволил установить, что обучение по ним студентов проходит, в основном, на протяжении 1 – 2 курсов. В совокупности гуманитарных и социальных дисциплин не прослеживается логической системы их изучения. Наличие компонентов толерантности выявлено в содержании только ряда изучаемых дисциплин.

Таблица 1

Содержательный аспект толерантности в программах различных дисциплин

Тема	Основные понятия
Политология	
Личность как субъект социально-политических отношений	Альтернативность политических позиций человека: индивидуализм и коллективизм, пассивность и активность, индифферентность и конформизм. Политические права и свободы личности.
Политические конфликты и способы их разрешения	Природа и корни социальных конфликтов. Специфика политических конфликтов. Конструктивные основы и правовые нормы урегулирования конфликтных ситуаций. Конфронтация, компромиссы, консенсус. Пути разрешения конфликтов, вызванных нарушением прав человека.

Продолжение табл. 1

Тема	Основные понятия
Психология и педагогика	
Личность и межличностные отношения	Человек, индивид, личность. Общее и индивидуальное в психике человека. Структура личности. Жизненный путь личности. Свобода воли и личностная ответственность
Межличностные взаимоотношения	Межличностные отношения в коллективе. Разрешение конфликтов. Нравственно-психологический образ педагога. Мастерство педагогического общения.

Социология	
Общество как целостная система	Общество: проблемы единства и многообразия. Общество как целостное социальное пространство. Понятия социальных отношений, социального взаимодействия, социальных связей.
Социальные отношения	Роль социальных ценностей в процессе формирования социальных отношений. Потребность в ценностях и обладание ценностями как основные условия формирования социальных отношений
Культура в общественной системе	Содержание понятия «культура». Материальная и духовная культура. Культура как совокупность способов и форм взаимодействия людей друг с другом и со средой существования. Понятие культурных универсалий и суперсистемы культуры. Элементы культуры. Культурные нормы (обычаи, нравственные и институциональные нормы, законы). Знаково-символическая и ценностно-познавательная системы культуры. Культурные элементы и комплексы. Субкультуры и контркультуры. Восприятие культуры членами общества. Этноцентризм и культурный релятивизм. Развитие и распространение культуры в обществе.
Социальные конфликты	Теории конфликтов в социологии. Марксизм о конфликтах и их природе. Современная теория конфликтов о причинах их возникновения. Классификация конфликтов: по субъектному составу (межличностный, между личностью и группой, межгрупповой и т.д.), по форме проявления (открытый, скрытый, ложный и др.), по сфере проявления (политический, экономический и т.д.). Динамика развития конфликтных ситуаций. Способы разрешения социальных конфликтов.

Окончание табл. 1

Тема	Основные понятия
Культурология	
Понятие культуры	История формирования понятия «культура». Многообразие определений культуры: культура как способ деятельности, общения разных форм миропонимания, область творчества, историческая память и т.д. Виды культуры. Культура как система ценностей. Взаимосвязь материальной и духовной культуры. Духовность как ядро культуры. Культура

	– «облагораживание и очищение жизни» (В. Вундт). Культура – «уровень человечности» и «второе рождение человека» (И. Гердер)
Основные понятия культуры	Субъект культуры. Человек как творение и творец культуры. Человечество, нации, социальные группы, семья, индивид как субъекты культуры. Межкультурные коммуникации. Принципы взаимодействия культур в международных отношениях. Структура, уровни, механизм взаимодействия культур. Харак-теристики мировой межнациональной культуры. Принципы межкультурного общения и взаимопонимания. Культурные ценности и нормы. Ценностная теория культуры. Понятие ценности. Иерархия ценностей. Содержательные элементы культурной жизни общества: обычаи, нормы, ценности, смыслы и значения. Культурные традиции. Объекты, процессы и способы культурного наследования. Культурная картина мира.
Типология культуры	Этническая и национальная, элитарная и массовая культуры. Место и роль России в мировой культуре. Тенденции культурной универсализации в мировом процессе.
Онтология культуры	Культура и общество. Культура и глобальные проблемы современности. Культура и личность

Из приведенного анализа становится очевидным то, что имеющиеся программы цикла гуманитарных дисциплин не раскрывают феномена «толерантность» и, тем более, его сущностные характеристики, хотя некоторые дисциплины отражают основные понятия интересующей нас проблемы (такие, как культура, ценность, отношения, общение). Необходимо отметить, что элементы, присутствующие в содержании дисциплин, не складываются в определенную систему. Таким образом, материал каждой рассматриваемой дисциплины и их совокупность фактически не ориентируют студентов на приобретение знаний и умений общения и взаимодействия с людьми – представителями различных культур, национальностей, конфессий, социальных групп, носителями иных взглядов, убеждений.

Следует отметить, что содержательный аспект изучаемых дисциплин в вузе может пополняться по усмотрению преподавателя.

В те предметы, которые образуют содержательную основу гражданского образования и воспитания толерантности, следует включить некоторые вопросы, касающиеся международных норм, связанных с правами человека, возможностью или невозможностью их воплощения. Для этих целей можно использовать следующее: познакомить студентов с Всеобщей декларацией прав человека; использовать занятия по политологии, социологии для подготовки к дискуссии, посвященной Дню прав человека; изучить Декларацию принципов толерантности ЮНЕСКО; проанализировать, что могут сделать для защиты прав человека ООН, Юнеско и неправительственные организации нашей страны, что могут сделать сами студенты, соблюдая законодательство своей страны. При рассмотрении проблем толерантности можно обсудить вопросы, связанные с ответственностью ученого. На занятиях студенты узнают, что достижения наук оказывались средством как для выражения нетерпимости, так и для облегчения людских страданий и уменьшения социальной несправедливости. Освоение научных знаний должно позволить студентам сделать свой выбор относительно того, как использовать эти знания. Вот несколько подходов к постановке вопросов, касающихся этики науки и ответственности ученого: этические аспекты использования достижений естественных наук для разработки оружия массового поражения, для создания средств осуществления геноцида; способы, с помощью которых природные системы приспособляются к изменениям окружающей среды и к внедрению в нее новых или «чужеродных» элементов.

Возможно, из всех дисциплин, в рамках которых ведется воспитание толерантности, наиболее плодотворным является курс «Культурология». На занятиях необходимо знакомить студентов с произведениями искусства, в которых общечеловеческие ценности воплощаются наиболее ярко. Ниже перечислены некоторые из возможностей воспитания толерантности средствами искусства: при изучении истории национального искусства необходимо включить рассмотрение образцов произведений других культур соответствующего исторического периода. Живопись, скульптуру и т.д. следует рассматривать с точки зрения общечеловеческих тем и того, как эти темы выражаются в различных культурах; народное искусство может послужить материалом для изучения ценностей, а

также эстетического вкуса и декоративных стилей в различных культурах; художественные произведения можно использовать для распространения образа «других», под которыми подразумевается как проживающие в стране меньшинства, так и народы других стран; можно рассмотреть произведения массового искусства и материалы средств массовой информации с целью выявления примеров стереотипов, расизма, клеветы.

Для нашего исследования основополагающей является системно-функциональная теория, разработанная профессором Н.М.Таланчуком [6], которая позволяет моделировать процесс воспитания толерантности студентов вуза. Согласно этой концепции, педагогическая деятельность совершается как реализация системы воспитательных функций: диагностической, целевой ориентации, планирования, организаторской, мобилизационно-побудительной, коммуникативной, формирующей, контрольно-аналитической и оценочной, координации и коррекции, совершенствования, которые в своей совокупности при решении конкретных задач и составляют ее содержание.

Здесь важно учесть то, что данные функции выделяются не произвольно, а увязываются с системой решения конкретных задач, то есть выводятся из объективной структуры воспитательной деятельности педагога. Поскольку концепция отражает общие требования к процессу воспитания, которые распространяются на решение любых воспитательных задач, то это указывает, что в процессе воспитания толерантности студентов вуза системно-функциональная теория может быть основополагающей. Она является также базисной при рассмотрении вопросов самовоспитания, так как доказывает, что в процессе самосовершенствования личности реализуется система функций, являющихся функциями самореализации личности [6, с.34-35].

Это единство педагогической деятельности и самовоспитания личности студента открывает возможность целостного системно-функционального построения процесса воспитания толерантности.

Опираясь на вышеизложенное, можно определить следующие направления педагогической деятельности: активизация интереса к деятельности различных культурных, национальных объединений, конфессий, социальных групп; формирование знаний о толерантности и понимание сущности толерантного взаимодействия

субъектов различных культур; ориентация на общечеловеческие ценности, основанные на достижениях мировой культуры; установление позитивного взаимодействия участников образовательного процесса; развитие способности к прогнозированию конфликтных межличностных ситуаций и их упреждению; формирование культуротворческих способностей в толерантном общении, опирающихся на умения присваивать и преобразовывать накопленный человечеством мировой опыт.

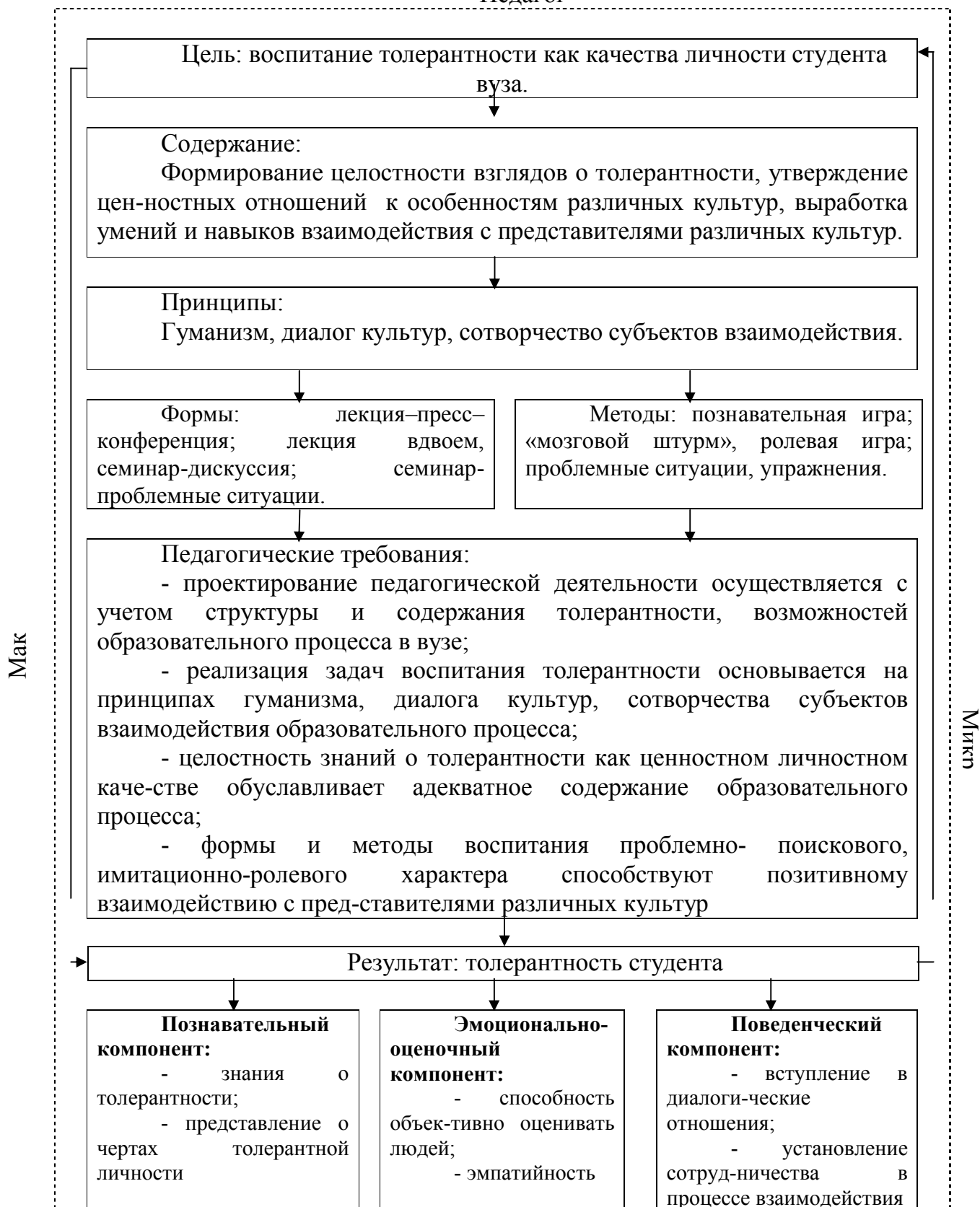
В ходе исследования была построена структурно-функциональная модель воспитания толерантности студентов в образовательном процессе вуза как сложная, открытая, способная к самоорганизации и саморазвитию система (рис.1). При моделировании учитывались:

- особенности процесса, для которого основополагающим является гуманистический подход (направленный на разностороннее развитие человека (студента), на формирование у него образа изменяющегося мира, на представление возможности осознавать личностное «Я» в изменяющемся мире, свою уникальность, непохожесть, неповторимость, совершать сознательный выбор целей жизнедеятельности, которые соответствуют не только собственным желаниям, интересам и намерениям, но и намерениям людей, среди которых он находится);

- характеристики выпускника вуза, отражающие интегративное личностное качество «толерантность» (проявление интереса к деятельности различных культурных и конфессиональных объединений; принятие общечеловеческих ценностей, основанных на достижениях мировой культуры; соблюдение этических и правовых норм поведения в межличностном общении; способность к прогнозированию конфликтных межличностных ситуаций и их упреждению и др.);

- направленность педагогической деятельности на воспитание толерантности у студентов вуза.

Педагог

Студент

Модель отличает: единство и разнообразие составных компонентов (педагог, студент, микросреда, макросреда); соответствие организации учебно-воспитательного процесса в вузе интересам и потребностям студентов; характер взаимоотношений студентов в учебной группе (микросреде). Интеграция педагогических усилий является системообразующим фактором функционирования процесса воспитания толерантности студентов вуза, механизмом, обеспечивающим целостность системы, ее совершенствование и развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохина, Т. А. Педагогическая поддержка как реальность современного образования / Т.А.Анохина// Социс. - 1990. - №7.
2. Вульф, Б.З. Воспитание толерантности: сущность и средства / Б.З.Вульф // Внешкольник. - 2002. - №6.
3. Газман, О.С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема / О.С.Газман// Новые ценности образования: десять концепций и эссе. - М., 1995.
4. Газман, О.С. Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию 21 века / О.С.Газман // Новые ценности образования: Вып.6.- М., 1996.
5. Декларация принципов толерантности // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. – М., 2001.
6. Таланчук, Н.М. Архитектоника воспитательного процесса: современная концепция и теория воспитания: В 2 ч. / Н.М.Таланчук. – Казань, 1990.
7. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. – М, 2002.

В.В. МИРОШНИКОВ, О.А. ГОЛЕНКОВА

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПУТЕМ СОЗДАНИЯ СИСТЕМ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Ученые и общественные деятели из разных стран мира, начиная со знаменитого доклада Римского клуба "Пределы роста" [4], призывают осознать глобальную опасность для человечества ничем не ограниченного роста производства и потребления. Во многом под влиянием этих прогнозов было создано несколько

неправительственных международных организаций и общественных движений, которые стали пропагандировать идеи охраны окружающей среды и устойчивого развития человеческого общества. Нависшая над человечеством глобальная экологическая угроза связывается: с несогласованностью темпов и масштабов роста мировой экономики и населения, с одной стороны, и возможностями природной среды удовлетворять растущие потребности жителей Земли – с другой [1].

С прагматической точки зрения это верно. Речь идет о чрезмерной нагрузке на окружающую природную среду, связанной с хозяйственной и иной деятельностью человека. А эта нагрузка, к сожалению, не всегда может быть правильно определена. Оценка антропогенной нагрузки на природу может выполняться различными методами. В частности, в США она производится на основе концепции несущей емкости Земли. Понятие «несущая емкость» заимствовано из биологической науки. Оно обозначает количество энергии, преобразуемой растениями с помощью фотосинтеза в биохимическую энергию. Именно эта энергия, сконцентрированная в растениях, является энергетическим (пищевым) источником для всех живых организмов.

По выводам ученых, вытекающих из анализа потребления человеком первичной продукции Земли, т.е. преобразованной растениями солнечной энергии, существующих темпов роста населения и других факторов, человечество вышло за пределы несущей емкости нашей планеты и уже сегодня природный потенциал недостаточен для поддержания существующих видов экономической деятельности и систем жизнеобеспечения. Теперь становится всем ясно, что масштабы нагрузки, дестабилизирующей биосферу, не могут расти безгранично. Существует предел присвоения человеком несущей емкости Земли, за которым начинается обвальное обрушение жизнеподдерживающих систем Земли и гибель цивилизации. Опасность состоит в том, что человечество, несмотря на огромные научные достижения, сегодня еще не имеет возможности точно определить этот предел.

Как уже отмечалось, кризисное состояние окружающей среды, какими бы причинами оно не было обусловлено, в настоящее время вызывает высокую озабоченность не только со стороны ученых, но и широких слоев населения [1]. Озабоченность нависшей над

человечеством общей экологической опасностью явилась серьезным стимулятором анализа сложившейся в мире обстановки, создания Генеральной Ассамблеей ООН авторского коллектива, включающего широкий круг ученых, государственных и общественных деятелей различных стран (22 человека из 21 страны) в виде Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР), и подготовки этой комиссией в 1987 г. соответствующего доклада, а также организации и проведения в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Второй Международной конференции ООН по окружающей среде и развитию. Комиссия выработала определенный взгляд на устойчивое развитие цивилизации, который сводится к следующему. Устойчивое развитие предполагает создание условий, обеспечивающих удовлетворение потребностей сегодняшнего дня, не подвергая риску способность окружающей среды поддерживать жизнь в будущем, т.е. не ставя под угрозу возможности будущих поколений в удовлетворении их потребностей [1]. Руководствуясь рекомендациями и принципами, изложенными в Декларации и других документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, Россия вступила на путь перехода к устойчивому развитию, предполагающему сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды, природно-ресурсного потенциала с целью удовлетворения потребностей нынешнего и будущего поколения [1]. К сожалению, в русском языке не оказалось прямого семантического эквивалента самому термину «устойчивое развитие», поэтому в философской литературе ведутся дискуссии об определении и трактовке этого термина, исследуются философские основы устойчивого развития как идеологии и стратегии выживания человечества [2].

В то же самое время бизнес уже перешел к непосредственной реализации концепции устойчивого развития. Практическое приложение идей устойчивого развития привело в конце 90-х годов к идее создания в отдельных компаниях и бизнес-сообществах необходимых условий для совместной деятельности по охране природы и труда людей. В 1999 г. на всемирном экономическом форуме в Давосе генеральный секретарь ООН Кофи Анан обратился к лидерам бизнеса с посланием, которое было названо Глобальным соглашением (Global Compact) и содержало десять универсальных

принципов взаимоотношений человека, общества, природы и бизнеса. В настоящее время некоторые международные компании, оперирующие в мировом масштабе, объявили о своей приверженности Глобальному соглашению.

В практической плоскости это отразилось в совершенствовании менеджмента на основе применения принципов Всеобщего Управления Качеством (TQM) и построении на этой базе интегрированных систем менеджмента. Стремление к интеграции систем менеджмента возросло, когда некоторые предприятия наряду с системой качества, построенной в соответствии с требованиями стандартов ИСО серии 9000, стали внедрять и сертифицировать системы экологического управления и безопасности труда, осваивать модели совершенствования бизнеса и другие инициативы в области качества. Так возникло новое направление исследований и разработок, которое можно назвать «системный менеджмент организации, ориентированный на всеобщее качество». Системный менеджмент организации образуется путем интеграции системы менеджмента качества (СМК) со следующими системами менеджмента, базирующимися на международных стандартах или соглашениях (признаваемых за стандарты) [6]: модель совершенствования бизнеса (EFQM – модель делового совершенства Европейского фонда менеджмента качества; MBNQA – модель премии М.Болдриджа; BPR – реинжиниринг бизнес-процессов и др.); система менеджмента окружающей среды (ГОСТ Р ИСО 14001-2007 «Системы управления окружающей средой. Требования и руководство по применению»); система менеджмента безопасности труда и здоровья (OHSAS 18001-2007 «Система менеджмента в области промышленно безопасности и охраны труда. Требования»); ГОСТ Р 12.0.006-2002 «Система стандартов безопасности труда. Общие требования к управлению охраной труда в организации»); отраслевая система менеджмента качества (ИСО/ТУ 16494:2002 «Требования к системам менеджмента качества поставщиков автомобильной промышленности»); ГОСТ Р ИСО 22000-2007 «Системы менеджмента безопасности пищевой продукции. Требования к организациям, участвующим в цепи создания пищевой продукции»).

Исследования и разработки в области построения интегрированных систем менеджмента, ориентированных на

всеобщее качество, находятся в начальной стадии развития. На данный момент нам не известно ни одного случая создания полностью интегрированной и сертифицированной системы менеджмента. Интеграция менеджмента пока идет добавлением автономных систем друг к другу и их последовательной сертификацией на соответствие существующим стандартам. Создать в организации интегрированную систему в полном объеме довольно трудно. Поэтому на первом этапе предпочтительно реализовать более простые конфигурации интегрированной системы. Для большинства российских предприятий наиболее приемлемой представляется конфигурация, которая называется «Интегрированная система менеджмента качества, безопасности труда и окружающей среды» (ИСМК БТ и ОС) [5]. Ее можно считать типовой, т.к. на многих предприятиях проблемы обеспечения качества продукции и охраны труда, промышленной безопасности и сохранения окружающей среды тесно связаны друг с другом. Поэтому реализовать принцип системного подхода к менеджменту, требуемый ИСО 9000:2000, на таких предприятиях можно только путем создания ИСМК БТ и ОС.

Следует отметить, что международные стандарты ИСО 9000, которые являются методологическим фундаментом интегрированных систем менеджмента качества, продолжают интенсивно развиваться.

За последние два десятка лет были разработаны три версии стандартов ИСО серии 9000: 1987, 1994 и 2000 года. Стандарт ИСО 9001 версии 2000 года внедрили и получили сертификат на СМК около миллиона предприятий в различных странах мира. При этом, как отмечает технический комитет ТК 176 ИСО, значительная часть из них не получила ожидаемых результатов в улучшении качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции. Основными причинами этого являются следующие недостатки используемой в настоящее время методологии менеджмента качества: разработанная на основе ИСО 9001:2000 СМК в большинстве случаев не становится органической составной частью системы менеджмента предприятия, а остается «инородным телом» в общей системе управления предприятием; рекомендации по улучшению бизнес-деятельности, изложенные в стандарте ИСО 9004:2000, высшим руководством предприятия не востребованы, поэтому они не занимают активной позиции в обеспечении результативности и эффективности СМК, а также устойчивого развития организации - их интересует в основном

получение сертификата на СМК и, соответственно, возможность участия в торгах и конкурсах на получение выгодных заказов. Для устранения этих недостатков Международная организация по стандартизации (ИСО) приступила к очередному пересмотру стандартов ИСО 9000, который должен завершиться разработкой новой версии семейства стандартов [8]. В новые стандарты (особенно ИСО 9004) будут внесены существенные изменения, основанные на концепции устойчивого развития организации в условиях динамичной бизнес-среды. Эта концепция заимствована из японского стандарта JIS/TR Q0005:2005 «Системы менеджмента качества. Руководящие указания по устойчивому развитию» [7]. Данный стандарт является результатом исследований Японского института стандартов (JSA) касаясь востребованности стандартов в области менеджмента качества и целесообразности дальнейшего их улучшения и развития, а также возможности применения философии устойчивого развития к менеджменту организаций.

Стандарт JIS/TR Q0005:2005 устанавливает компоненты устойчивого развития организации: определение и применение во внутрифирменном менеджменте корпоративной политики и стратегии с учетом концепции устойчивого развития; при формировании стратегии и стратегических целей необходимо понимание и идентификация потребностей и ожиданий всех заинтересованных сторон (например, не только нынешних собственников компании, но и будущих поколений людей); самообучение и инновации как главные технологические инструменты стратегического развития; первенство корпоративной стратегии над процессным подходом на уровне производственной структуры. Концепция JIS/TR Q0005:2005 предполагает выработку стратегии на трех уровнях (корпоративный, отдельный бизнес, отдельный вид продукции), каждый уровень имеет свою особенность. СМК нужна лишь как важнейший инструмент реализации всех стратегий. При этом устойчивое развитие (или рост) компании базируется на определенной стратегии, постоянном обучении и инновациях.

Можно утверждать, что JIS/TR Q0005:2005 направлен на переход организаций от удовлетворенности потребителей к удовлетворенности всех заинтересованных сторон, от информационных технологий - к управлению знаниями, от

постоянного улучшения процессов - к инновациям, прежде всего, в сфере менеджмента. Такое устойчивое инновационное развитие даст возможность сохранять развитие в будущем при удовлетворении потребностей сегодняшнего дня.

В IIS/TR Q0005:2005 двенадцать принципов менеджмента качества, разработанные для реализации устойчивого развития с помощью приобретения знаний и инновационного подхода. Они отличаются от традиционных восьми принципов менеджмента качества ИСО 9000:2000, которые, по существу, не учитывают «изменения». Среди предложенных принципов можно выделить такие, как ориентация на общественную ценность, осознание основной компетентности, комплексная оптимизация, коллективное и индивидуальное приобретение знаний. Менеджмент качества, непрерывно развиваясь, в начале XXI века стал ориентироваться на социальную ответственность производителя. Современного потребителя заботят не только качество и цена продукции, но также соблюдения прав работников предприятия и та обстановка, в которой они трудятся. Исследования показывают, что в настоящее время большой процент потребителей и инвесторов по всему миру при оценке деятельности компании обращают самое пристальное внимание на социальные аспекты и рабочую среду. Появился международный нормативный документ «Стандарт на систему социального этического менеджмента» (SA 8000), требования которого базируются на конвенциях «Международной службы труда» и других организаций по защите прав человека. В развитых странах стандарт SA 8000 стал применяться совместно со стандартом ИСО 9000 для повышения имиджа и конкурентоспособности компании. Появился интерес к стандарту SA 8000 и в России, особенно в связи с планами Правительства РФ до 2020 года по модернизации экономики в сторону социальной ориентации. Таким образом, родилось новое поколение систем менеджмента – социально-ориентированные системы качества, интегрирующие в себе: корпоративный менеджмент (ИСО 9004), менеджмент качества (ИСО 9001), экологический менеджмент (ИСО 14001), менеджмент безопасности (OHSAS 18001) и социально-этический менеджмент (SA 8000). Повсеместное внедрение таких систем может стать эффективным инструментом постепенной реализации концепции устойчивого развития.

Однако вопросы интеграции системы менеджмента качества с социальным и этическим менеджментом в российской экономике не достаточно исследованы, отсутствует научно-методическое обеспечение построения таких систем корпоративной социальной ответственности, с учетом нравственной и духовной сфер деятельности работников организации. Кроме того, следует учитывать, что введение в действие новой версии стандартов ИСО 9000 приведет к серьезной перестройке созданных ранее на предприятиях СМК. Адаптация предприятий к новым интегрированным моделям менеджмента качества потребует существенных затрат времени, средств, изменения организационной структуры и методов управления предприятием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимиров, В.А. Катастрофы и экология / В.А. Владимиров, В.И. Измалков. – М., 2000.
2. Дергачева, Е.А. Устойчивое развитие в контексте техногенной общественной системы / Е.А.Дергачева // Проблемы современного антропосоциального познания: Вып.6. – Брянск, 2007. – С.79-92.
3. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 1 апреля 1996 г.
4. Медоуз, Д. Пределы роста (Доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества») / Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз. – М., 1991.
5. Мирошников, В.В. Теоретические основы построения интегрированных систем менеджмента качества / В.В. Мирошников, Т.В. Школина // Качество. Инновации. Образование. – 2005. – №1. – С.45-52.
6. Мирошников, В.В. Интегрированная система менеджмента качества, безопасности и охраны окружающей среды / В.В. Мирошников // Надежность и сертификация оборудования для нефти и газа. – 2002. – №2. – С.17-22.
7. Чайка, И.И. Что будет со стандартами ИСО серии 9000 в 2008 году / И.И. Чайка // Стандарты и качество. – 2006. - №3. – С.64-69.
8. Швец, В.Е. Устойчивое развитие и менеджмент качества / В.Е. Швец // Стандарты и качество. – 2005. - №11. – С.10-17.

М.В.МЕЛЬНИКОВА

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ЦЕННОСТНОЙ РОЛИ ИНТЕГРАТИВНОГО МЕТОДА ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ

Современное российское общество переживает сложный период становление новой системы ценностей, в сочетании с катастрофической ситуацией перегруженности «мирового мозга», непрерывно растущей информацией. Объём этой информации постоянно растёт и ширится. Целесообразно поставить вопрос: «Способно ли общество усваивать такое количество знаний ныне существующими традиционными способами?» Ведь ясно, что существует громадная разница между темпами поступления новых знаний в нашу жизнь и возможностями для их поглощения. Особенно остро эта проблема стоит в высших учебных заведениях как структурах, обеспечивающих и определяющих направления познавательного процесса знаниеформирующей части общества. В этих условиях возрастает роль межпредметных связей в системе обучения, как способа актуализации знаний наиболее удачного средства систематизации информации и успешного её усвоения студентами. Межпредметные связи в обучении выступают как дидактическая форма гносеологического принципа системности [1, с. 38]. Они являются необходимым и существенным звеном современных методологических основ процесса обучения, вносят в него системообразующее начало. Межпредметные связи часто рассматриваются лишь с точки зрения рационализации процесса обучения, экономии сил и времени учащихся, более прочного усвоения знаний по изучаемым дисциплинам. Между тем, основная задача формирования межпредметных связей заключается в том, чтобы качественно поднять уровень знаний, умений и развития студенческой молодежи путём более глубоко проникновения в объективно существующие закономерные связи в явлениях природы и общества.

Актуальность проблемы межпредметных связей в обучении обусловлена объективными процессами в современной культуре. Это, прежде всего, тенденция интеграции научных знаний в теоретических исследованиях и практической деятельности. Согласно современным тенденциям развития образования, одним из направлений является интеграция – попытки поиска единства различных компонентов образования. Также существует Государственный стандарт образования, который регулирует обязательный минимум образования и максимально допустимый

уровень нагрузки. Одним из способов решения этой проблемы видится использование межпредметных связей.

Необходимость связи между учебными дисциплинами диктуется и дидактическими принципами обучения. Все отрасли современной науки тесно связаны между собой, поэтому и учебные дисциплины не могут быть изолированы друг от друга. Связь между ними является отражением связей между соответствующими науками, каждая из которых в своей области изучает единый объективно существующий материальный мир. Взаимосвязь между дисциплинами имеет принципиальное значение и состоит в обеспечении многосторонних контактов между ними с целью гармоничного развития мышления обучаемого. Осуществление межпредметных связей обеспечивает формирование цельного представления студентов о явлениях природы, делает их знания более глубокими и действенными. Связь между учебными предметами является отражением объективной связи между отдельными науками, между наукой и практической деятельностью человека. Современный этап развития науки характеризуется всё возрастающей связью и взаимопроникновением наук друг в друга. Совокупность полученных результатов даёт общее представление о мире. Использование межпредметных связей необходимо для того, чтобы, постигая процесс познания, студенты учились рассуждать диалектически. Использование межпредметных связей способствует также и развитию творческого мышления. Усвоение понятий данной науки происходит успешнее, если осуществляется их связь с понятиями другой науки. Межпредметные связи являются дидактическим условием и средством глубокого и всестороннего усвоения основ фундаментального знания о мире в рамках высшего учебного заведения. Формирование межпредметных связей в университетском курсе культурологи и философии способствуют более глубокому усвоению знаний, формированию научных понятий и правил, совершенствованию учебно–воспитательного процесса и оптимизации его организации, формированию научного мировоззрения на основе видения единства материального мира, взаимосвязи явлений в природе и обществе. Это имеет огромное воспитательное значение. Кроме того, оно способствует повышению научного уровня знаний студентов, развитию логического мышления и их творческих способностей.

Реализация межпредметных связей устраняет дублирование материала, экономит время и создаёт благоприятные условия для формирования общенаучных умений и навыков. Формирование межпредметных связей в курсе культурологии и философии повышает общий культурный уровень учащихся, а также эффективность гуманитарной направленности обучения. О самом существовании и свойствах предмета мы узнаём только потому, что он находится в определённых отношениях с другими, в частности, взаимодействует с ними. Сущность понятия раскрывается только в виде множества суждений, в которых оно связано с другими понятиями. Понятия невозможно изучать по отдельности, они усваиваются только в системе. Этим и определяется необходимость применения межпредметных связей: «Интеграция выступает как ведущая форма организации содержания образования на основе всеобщности и единства законов природы, целостности восприятия субъектом окружающего мира» [2, с.52].

Интеграция учебных дисциплин приводит к более заинтересованному, лично значимому и осмысленному восприятию знаний, что усиливает мотивацию, позволяет более эффективно использовать учебное время за счёт исключения дублирования и повторов, неизбежных при преподавании разрозненных предметов. Систематическое и органическое подкрепление понятий и навыков на новом предметном материале приводит к формированию у студентов умений и желания использовать ранее полученные знания. В качестве интегрирующих факторов могут выступать такие компоненты содержания образования, которые могут включаться в иное содержание, объединяться или сливаться с ним в системы более высокого порядка, не теряя в то же время своей специфики. Это факторы выступают в роли единого основания разнохарактерного содержания, и при этом, необязательно, чтобы они преобладали количественно. Важно, чтобы достигалась общность, а степень и уровень формируемого или синтезированного содержания могут быть различными. В задачах высшего образования, помимо прочего, – формирование цельной гармонической личности. Особенно остро проблема ее решения встает перед нами на первичном этапе обучения студентов. Первокурсники приходят в вузы психологически не готовыми к ее реализации. Это результат тормозящего «дробного подхода» в

практике школьного обучения и воспитания, когда мир расчленяют, дробят на предметы.

Пользуясь традиционным подходом к практике обучения, образовательные учреждения, разложив «на части» человека, начали воспитывать его по частям. У подростка не остаётся сил и времени на постижении культуры, способов взаимодействия с миром и людьми. С тревогой размышляет об этом доктор технических наук В.Ушаков: «Я думаю, что задача первостепенной важности – перестроить систему народного образования. Не нужно готовить узких специалистов. Нужно, чтобы люди ориентировались в пространстве современной культуры, в её проблематике... Однобокость специализации чревата для человека очень серьёзными последствиями» [3, с.40].

При использовании интегративного метода в организации учебного процесса важно учитывать, что интеграция – это не просто сложение, а взаимопроникновение двух или более предметов. И поэтому на одном семинаре не могут быть представлены в равной степени все составляющие интегрируемого знания. Одному из них надо потесниться, вобрав в себя второй или по-новому раскрыть себя. В противном случае польза от интегрирования сомнительная, а вред (хотя бы в виде перегрузки) – явный. Интегрированная система подачи учебного материала зачастую являются прямым продолжением параллельной системы обучения. Порой «интеграция» происходит ради самой интеграции, когда преподаватель пытается сводить несводимое, или за «интеграцию» выдаётся простое использование подходящих текстов при объяснении каких-либо явлений. Учебное занятие, организованное по принципу интеграции дисциплин, если они не выходят за рамки традиционной структуры, как правило, бывают малоэффективными. В этом случае не происходит концентрации (систематизации, обобщения) учебного материала: «втиснутый» в рамки традиционного урока материал двух, а то и трёх предметов являет собой не органическую систему, а конгломерат отрывочных знаний.

Что же отличает интегрированный способ организации процесса обучения от, скажем, системы, предусматривающей включение элементов интеграции в образовательный процесс? Сравнительный анализ показывает, что отличие, прежде всего в специфике учебного материала. Чаще всего предметом анализа выступают многоплановые

объекты, информация о сущности которых содержится в различных учебных дисциплинах: «Традиционный путь изучения: содержание учебного материала +опора на научную информацию других учебных предметов +опора на ранее изучаемое + межпредметные связи мира + единство взаимопроникновения материала» [3, с.37]. Главная цель и задача интеграции обучения в вузе – освобождение студентов от перегрузки, систематизация их знаний, формирование целостного мировоззрения, а также умения анализировать, систематизировать, обобщать научные знания, формировать свою аксеологическую позицию: «Знания и идеи, сообщаемые какими бы то ни было науками, должны органически строиться в светлый и, по возможности, обширный взгляд на мир и его жизнь» [4, с. 178]. В рамках интегративного обучения имеется широкая возможность для синтеза знаний, формирования умения использования знаний из одной отрасли в другой. Это, в свою очередь, стимулирует потребность в системном подходе к объекту познания, развивает умение анализировать, сравнивать сложные процессы и явления объективной действительности. Благодаря всему этому достигается целостное восприятие действительности как необходимая предпосылка формированию целостного мировоззрения. Именно на интегрированном уровне формируются умения, развивается мышление, память, воображение, происходит сознательное усвоение социальных норм, вырабатываются убеждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зверев, И.Д. Межпредметные связи в современной школе / И.Д.Зверев, В.Н.Максимова – М.: Педагогика, 1991.
2. Монахова, Г.А. Образование как рабочее поле интеграции / Г.А. Монахова // Педагогика. – 1997. – №5.
3. Петренко Л., Дубровская О. Интегрированные уроки: Не простое сложение, а взаимопроникновение / Л.Петренко, О.Дубровская // Граждановедение. – 2002. – №5.
4. Ушинский, К. Д. Сочинения / К.Д. Ушинский – М.,Л., 1948.

Н.Н. СИМКИНА

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ

Структурно-функциональный подход к изучению явлений культуры формируется в начале XX века в ходе расширяющегося взаимодействия западных обществ с культурами различных стран и

народов. Согласно структурно-функциональному подходу, культура должна изучаться как целостная система, включающая определенный набор элементов, находящихся во взаимозависимости и выполняющих определенные функции. При этом культура рассматривается как часть социальной системы, как фактор, обеспечивающий ее устойчивость.

Основные положения структурно-функционального подхода к исследованию общества изложил американский социолог Талкотт Парсонс (1902 – 1979). Он стремился создать законченную систему социального действия, которая смогла бы дать наиболее полное объяснение эмпирических фактов реальной действительности.

Общество в целом Т.Парсонс понимает как систему связей и отношений. Культура занимает одну из подсистем человеческого действия наряду с организмической – биологической составляющей действия; личностной – индивидуальными психологическими чертами, потребностями, эмоциями, волей; социальной – социальными ролями, функциями, поведенческими ожиданиями. По Т.Парсонсу, культура в этой системе содержит наиболее общие образцы действий, принципы выбора целей, ценности, верования, знания – иными словами, смыслы, реализуемые в действии, а также символические средства, обеспечивающие коммуникацию этих смыслов. Каждая из подсистем имеет свои функции: биологическая направлена на адаптацию, личностная – на постановку жизненных целей, социальная – на интеграцию в сообщество, культурная содействует поддержанию культурного образца. При этом реализация этих функций осуществляется посредством исторически сложившихся социальных институтов: экономических, политических, правовых, религиозных и т.п. Т.Парсонс сформулировал набор функциональных проблем, решение которых обязательно: проблема адаптации системы к внешним объектам, проблема целедостижения (получения удовлетворения от внешних объектов с помощью инструментальных процессов), проблема интеграции (поддержания гармонического, бесконфликтного отношения между элементами системы) и проблема воспроизводства структуры и снятия напряжений (сохранения институализированных нормативных предписаний и обеспечения следования им). Каждая функциональная подсистема специализируется на решении одной из проблем.

Важную роль в разработке функционального подхода сыграл и другой американский социолог Роберт Кинг Мертон (1910 – 2003).

Основные положения своего учения Р.Мертон изложил в так называемой «парадигме структурно-функционального анализа», главными моментами которой являются: значение самого понятия «функция», формулирование постулатов существования общества как особой системы. Р.Мертон отмечает многозначность понятия «функция» и полагает, что в обществе оно наполняется особым содержанием. Американский социолог описывает пять значений функции: как общественное поручение, возложенное на конкретного исполнителя; в смысле рода или вида человеческой деятельности; в ее математическом смысле (зависимость одной переменной от другой); как способ связи элементов системы (структурных единиц); как выражение системных процессов (адаптации и интеграции), определенным образом, в силу своей объективности, отличающихся от субъективно обусловленных (интересами, мотивами и т.д.) действий. Постулаты существования системы общества представляют собой исходные, эмпирически неопровергаемые положения, лежащие в основании структурно-функционального подхода к обществу. Проанализировав исследования по этой проблеме, Р.Мертон сформулировал три постулата:

1. Функциональное единство общества. Иными словами, фундаментальным условием существования общества как системы является согласованность функционирования всех его частей.

2. Универсальный функционализм. Этот постулат констатирует функциональную природу всех социальных феноменов (процессов, связей, отношений, предметов и т. д.).

3. Функциональная необходимость. Согласно этому постулату, непременным условием социальности является способность к функционированию в составе общественной системы. Проще говоря, что не может функционировать, не может быть социальным.

Однако в таком виде эти постулаты применимы только к относительно простым социальным системам и в современном сложноорганизованном обществе должны быть скорректированы. В частности, первый постулат предполагает учет последствий функционирования отдельных элементов социальной системы на разных уровнях, так как эти последствия могут не совпадать, и

проблема функционального единства будет решаться уже иным образом. В связи со вторым постулатом, применительно к современному сложнодифференцированному обществу Р.Мертон обращает внимание на системные дисфункции. Именно Р.Мертон ввел в науку понятие «дисфункция» и тем самым заявил о возможности отклонения системы от принятой нормативной модели. Это должно повлечь за собой новый этап в приспособлении системы к существующему порядку или изменение социально-культурных норм. В связи с третьим постулатом Р.Мертон вводит понятие функциональных альтернатив (эквивалентов).

Все в целом позволяет ему сформулировать основную теорему структурно-функционального анализа: точно так же как одно явление может выполнять множество функций в социальной системе, одна функция может выполняться разными явлениями. Разделение Р.Мертоном функций на два вида – дисфункцию и эвфункцию – имеет принципиальное значение для понимания функциональных процессов в общественных системах. Действительно, результат или следствие выполнения функций в обществе может иметь двойной характер: в одном случае оно ведет к сохранению, выживанию системы (в более узком смысле – ее адаптации), и тогда имеет место системная эвфункция. В другом случае оно ведет к рассогласованию, разрушению системы (ее дезадаптации), и тогда имеет место дисфункция. Рассматривая функции с точки зрения связи намерения и результата (следствия), Р.Мертон различает и другие их разновидности. Функции, являющиеся следствием сознательной мотивации, он называет явными, а функции, являющиеся следствием ненамеренных поступков, латентными. Свой функциональный анализ Р.Мертон обращает к целому ряду феноменов общественной жизни.

Разработка функционального подхода в культурной антропологии связана с именами английских ученых Бронислава Малиновского (1884-1942) и Альфреда Реджинальда Рэдклифф-Брауна (1881-1955).

Б.Малиновский родился в Кракове. В университете он изучал физику и математику, но затем заинтересовался историей культуры и культурно-антропологическими исследованиями. Поворот в его научной деятельности произошел в результате знакомства с «Золотой ветвью» Дж.Фрэзера. Большую роль в его становлении как

антрополога сыграли длительные полевые исследования (1914 – 1918 гг.) в Океании. Б.Малиновский – автор многих книг по культурной антропологии. Особо следует отметить его работу «Научная теория культуры», которая была опубликована после смерти ученого в 1944 году, и в которой в систематизированном виде он изложил свои взгляды на природу культуры и метод ее познания. В основе концепции культуры Б.Малиновского лежит теория потребностей. Потребности человека он делит на первичные биологические и вторичные надбиологические, порожденные социальной средой. К потребностям первого рода Б.Малиновский относил потребности в пище, воспроизводстве человеческого рода, безопасности; ко вторым – потребности в экономическом обмене, авторитете, социальном контроле, системе образования в каком-либо виде. Каждая из потребностей порождает соответствующее культурное образование, своеобразный культурный институт. Например, потребность в другом человеке, каком-то сообществе людей обуславливает возникновение таких явлений культуры, как язык и мораль; потребность в удобстве порождает архитектуру и т.д. Таким образом, культура предстает в виде системы институтов. Институт, согласно Б.Малиновскому, это совокупность средств и способов удовлетворения той или иной потребности человека, основной или производной. Различия между культурами порождены различиями в способах удовлетворения потребностей.

Б.Малиновский полагал, что любая культура в ходе своего развития вырабатывает некоторую систему «устойчивого равновесия», где каждая часть целого выполняет свою функцию. По мнению Б.Малиновского, в культуре нет ничего лишнего (как у человека нет лишних потребностей), в ней всё функционально взаимосвязано. А то, что нам кажется лишним, свидетельствует о нашем непонимании местной культуры. Если обычай устойчиво воспроизводится, то он зачем-то нужен. Мы считаем его вредным или бессмысленным только потому, что не обнаружили его функциональной связи с первичными потребностями. В случае уничтожения какого-либо элемента культуры (например, запрета вредного, с нашей точки зрения, обряда) вся этнокультурная система, а значит и народ, живущий в ней, может быть подвержена деградации и гибели. Б.Малиновский подчеркивал, что «традиция, с

биологической точки зрения, есть форма коллективной адаптации общности к среде. Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный, неизбежный процесс умирания» [1, с. 69].

Исходя из своей функциональной, концепции Б.Малиновский весьма критически оценивал предшествующие направления в исследовании культур. Он критиковал метод пережитков Э.Тайлора. По мнению Б.Малиновского, при таком подходе то или иное явление вместо поиска его смысла и функций объявлялось пережитком или невежественным обычаем. Б.Малиновский же полагал, что никаких пережитков не существует, а есть лишь явления культуры, которые приобрели новую функцию вместо прежней. Английский ученый обращает внимание на то, что функция и причина явления – разные вещи. Причина возникновения конкретного явления не объясняет его функций в современной культуре. Так, город возник как военное укрепление, а теперь это центр промышленности и культуры. Театр родился из религиозного культа, а превратился в очаг светского искусства. Поскольку исторический метод, т. е. анализ происхождения вещей и явлений, не помогает тому, кто занят функциональным рассмотрением нынешнего состояния культуры, постольку его возможности, по мысли Б.Малиновского, весьма ограничены. Сторонников диффузионизма Б.Малиновский критиковал за то, что они понимали культуру не как живой организм, а лишь совокупность мертвых вещей. Основным недостатком предшественников Б.Малиновский считал изолированное изучение отдельных элементов культуры.

Б.Малиновский обращал внимание на то, что понятие культурной функции многогранно. К примеру, шаман в традиционном обществе, согласно Б.Малиновскому, руководит сельхозработами, судит ссорящихся, лечит больных, предсказывает погоду и т.п. Таковы его функции. Они доказывают, что шаман нужен обществу. Просвещенные европейцы, переселившиеся в Австралию, сочли шаманов пережитком и решили заменить их врачами, т.е. людьми с медицинскими дипломами, чуждыми суеверий и предрассудков. Предполагалось, что они к тому же выполнят и просветительскую функцию. Однако подобная замена нанесла вред, она не была функциональной. Во-первых, европейский врач выполняет меньше

функций, чем австралийский шаман. Во-вторых, аборигены верят, что болезнь вызывается нечистой силой. Для лечения надо вступить с этой силой в контакт и победить ее, чем и занимается шаман. Если просвещенный врач не может делать того же самого, то лечиться к нему никто не пойдет. Для врача в подобном традиционном обществе места и роли нет.

Таковы аргументы Б.Малиновского. Однако, возражая ему, следует заметить, что существуют примеры, опровергающие этот подход. А.Швейцер, обученный современным медицинским знаниям, сумел тем не менее завоевать доверие африканских аборигенов.

Научный спор между последователями и оппонентами Малиновского не угасает до сих пор. Б.Малиновский полагал, что в культуре любое явление, черта, элемент полезно и функционально. Оппоненты Б.Малиновского обращают внимание на то, что не всё, что возникает в культуре, следует считать функциональным. Какую полезную функцию осуществляли, например, концентрационные лагеря фашистов? Их следует считать дисфункциональными, вредными формами институтов. Почему же они появляются? Вероятно, потому, что человеческие потребности не обязательно все позитивны и полезны.

Потребности разнообразны. Среди них есть и заведомо вредные. Но даже когда человек руководствуется только позитивными или рациональными потребностями, его реальные поступки и то, как удовлетворяются потребности, не всегда рациональны. Нередко человек действует вопреки своим интересам. Оппоненты Б.Малиновского обращают внимание и на то, что все культурные инновации проходят проверку временем, борются и конкурируют друг с другом. У каждой социальной группы свои инновации, реакции на изменяющуюся среду. Если бы все они сохранялись, человеческая культура представляла бы хаотическое образование. Но выживают сильнейшие, наиболее эффективные, удобные, качественные элементы. Постепенно они институализируются – легально и организационно закрепляются в культуре. Множеству социальных и национальных групп соответствует множественность культурных ответов на одну и ту же потребность.

Кроме Б.Малиновского, крупным представителем функционалистского направления в изучении культуры был А.Р.

Рэдклифф-Браун. Он родился в Англии в г.Бирмингеме. В 1901-1906 гг. учился в Кембриджском университете на кафедре социальной антропологии. В 1906-1908 гг. проводил полевые исследования на Андаманских островах. В последующие годы изучал жизнь аборигенов Австралии, путешествовал по Африке, Китаю и другим странам, долгое время преподавал социальную антропологию в Австралии, ЮАР и США; в 1938 г. вернулся на родину известным ученым. Здесь ему предоставили пост заведующего кафедрой социальной антропологии Оксфордского университета. Его основные труды – «Андаманские острова» (1922), «Метод этнологии и социальной антропологии» (1923), «Историческая и функциональная интерпретация культуры» (1929).

А.Рэдклифф-Браун представлял направление, получившее название «структурный функционализм». Оно имело несколько иной аспект по сравнению с функционализмом Б.Малиновского. Функция – важное, но не определяющее понятие в концепции А.Рэдклифф-Брауна. Функция предстает здесь как необходимое условие, средство, способ проявления социальной жизни, носителем которой служит социальная структура. Для структурных функционалистов объектом анализа служит не сама функция, а функционирование структуры, структура в действии. А.Рэдклифф-Браун понимал культуру как живой организм в действии и полагал, что изучение структуры этого организма включает в себя изучение функций его структурных элементов. Каждую культуру он рассматривал как самоценную, безотносительно к месту, которое она занимает на эволюционной лестнице. Особенностью кредо АРэдклифф-Брауна является то, что он, в отличие от Б.Малиновского, не отрицал исторического изучения культур.

В своих работах А.Рэдклифф-Браун развивает теорию социальной эволюции. Эволюционный процесс он понимает как развитие способов адаптации, которая может быть внутренней и внешней. Внешняя адаптация достигается путем приспособления человека к окружающей его природной среде. Внутренняя адаптация представляет собой взаимное приспособление людей друг к другу в системе упорядоченных отношений. Социальная эволюция является, по А.Рэдклифф-Брауну, развитием структур и функций, которые организуют жизнь общества, от более простых к более сложным

формам. Распространение неокантианских взглядов в конце XIX – первой трети XX в. среди этнологов привело к формированию точки зрения, согласно которой существуют два способа интерпретации культуры: «исторический» и «научный». Применяя первый способ, занимаются описанием хронологического ряда отдельных, имевших место событий (явлений, вещей). Историческое объяснение должно было заключаться в установлении предшествующего состояния этих явлений. Научная интерпретация, согласно подобным воззрениям, не связана ни с временной последовательностью событий, ни с их уникальностью, а связана лишь с их общей схожестью. Эти схожести описываются посредством обобщения. А.Рэдклифф-Браун говорил следующее: «К жизни человека в обществе применим обобщающий метод естественных наук, призванный сформулировать общие законы, лежащие в ее основе, и объяснить любое данное явление в любой культуре как отдельный пример общего вселенского закона» [3, с. 49].

Давая оценку этому направлению, следует заметить, что функциональный подход обогатил культурную антропологию. Значение функционализма заключалось в том, что любая культура стала рассматриваться учеными под углом зрения выполняемых ею функций. Выделение функций культуры как целостного образования определяет направления в изучении культур и образует иерархическую структуру из функциональных подсистем этнокультурных общностей. Предметом анализа обычно являются следующие функции культуры:

- 1) субстанциальная, или поддерживающая, функция, обеспечивающая выживание общности;
- 2) адаптивная, или приспособительная, функция, служащая для поддержания более или менее гармоничных отношений между природным окружением и этнокультурной общностью;
- 3) функция сохранения и воспроизводства традиций, обычаев, ритуалов, религиозных верований, а также истории народа;
- 4) функция социализации, состоящая в том, что культура является важнейшим средством включения индивидов в социальную жизнь, усвоения социального опыта, знаний, ценностей, норм поведения, соответствующих обществу, социальной группе и социальной роли;

5) аксиологическая функция культуры, состоящая в создании и трансляции культурных ценностей;

6) коммуникативная функция культуры, направленная на обеспечение общения, передачи информации, понимания других культур;

7) нормативно-регулятивная функция культуры, состоящая в поддержании некоего равновесного состояния общности и содержащая институциональные формы разрешения конфликтов;

8) познавательная функция культуры, обеспечивающая получение новых знаний о мире;

9) компенсаторная функция культуры, позволяющая человеку отвлекаться от производственной деятельности, отдыхать от повседневных проблем, получать эмоциональную и физическую разрядку.

Особенностью функционалистской теории культуры была практическая направленность исследований. Сторонники этого подхода стремились создать культурную антропологию как прикладную науку, обеспечивающую решение актуальных практических задач, прежде всего в колониях Великобритании. В первую очередь, это управление на территориях с доминированием традиционных культур.

Не без влияния установок функционализма была разработана концепция «косвенного управления», с опорой на традиционные институты власти и сложившуюся социальную структуру. Эта практическая задача требовала ответа на ряд вопросов, а именно: какова иерархическая структура власти, на чем основан авторитет вождей, каковы их общественные функции? Таким образом, одним из важнейших итогов развития функционализма была постановка и попытка решения задачи управления в культурах, имеющих иную природу, нежели западноевропейские. Осуществить это начинание предполагалось на основе знания структуры и функциональной зависимости элементов культур как целостных образований. В функционалистическом исследовании культуры по-новому был сформулирован вопрос о дальнейшей судьбе, будущем «примитивных» культур. Сторонники рассматриваемого подхода не разделяли идей эволюционистов в оценке культур («лучшее – значит более развитое») и не поддерживали их теорию обязательного

стадиального развития всех культур в соответствии с эталонами европейской цивилизации. Долгое время Б.Малиновский придерживался точки зрения максимального сохранения архаичности культур, их традиционного образа жизни. Более сложным оказалось решить задачу будущего развития «примитивных» культур в случае их тесного взаимодействия с индустриальной цивилизацией, приводящего к неизбежной трансформации архаичных обществ. Выход из таких ситуаций Б.Малиновский видел в помощи со стороны более развитых стран в процессе адаптации к технологической цивилизации. Конечно, можно критиковать Б.Малиновского за его наивно-утопический взгляд на социальные процессы, происходившие в колониях Британской империи. Но всё же необходимо признать, что именно он сформулировал вопрос о взаимодействии современных и традиционных культур и показал его сложность.

Еще одним существенным итогом развития функционализма стала его нацеленность на понимание других типов культур, необычного, с точки зрения европейцев, образа жизни, стремление изучить культуру изнутри, осознать иные культурные ценности. Следует согласиться с мнением Б.С.Ерасова, что «функционализм помог избавиться от того идеологического неприятия неевропейских культур, которое получило оправдание, характеризуя их как «примитивные» и «слаборазвитые», и давало тем самым оправдание для режима колониального управления» [2, с. 56]. Вместе с тем функциональный подход обнаружил и свою ограниченность. При таком подходе отрицается оценочная функция понятия «культура», уравниваются в культурном отношении разные общественные явления и состояния, и это делает невозможным их сравнение, сопоставление, оценку. Следует также отметить, что одностороннее увлечение этим методом привело к тому, что из поля зрения исследователей исчезли понятия «история», «развитие», «закономерность». Методология функционализма неизбежно вела к тому, что объект исследования (этническая общность или социальная группа) рассматривался вне исторического времени, вне изменения и развития, как замкнутая система, лишь постоянно воспроизводящая свою собственную структуру. Функционализм оставлял без содержательного рассмотрения процессы генезиса (происхождения) культуры, механизмы ее изменения и исторической преемственности,

а также анализ противоречий и конфликтов в культуре. Поэтому при рассмотрении кризисных и меняющихся состояний в культуре функционализм уступает место другим методам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белик, А.А. Культурология: Антропологические теории культур/ А.А. Белик.– М., 1998.
2. Ерасов, Б.С. Социальная культурология/ Б.С. Ерасов. – М., 2000.
3. Рэдклифф-Браун, А.Р. Метод социальной антропологии /А.Р. Рэдклифф-Браун. – М.,2001.

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

О.Ю. БЫШОВА

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПУТИ ВЫХОДА ИЗ НЕГО РОССИИ

Экономический кризис в России назревал еще с 2006 г., когда начался кризис в США (обвал ипотечного кредитования). Затем прибавились и иные факторы. Финансовый кризис одного государства перерос в кризис других государств. На сегодняшний день можно сделать вывод: какими бы ни были последствия кризиса, они вряд ли обойдут какую-либо страну стороной. Первоначальным этапом кризиса было то, что цены на недвижимость в США начали падать, и это оказало драматический эффект на рынок рискованных ипотечных займов. Причина была в том, что рынок зависел от постоянного роста цен на недвижимость и в то же время займы делались людьми, которые в обычных условиях не смогли бы оплачивать взносы по кредиту. Кредиты выдавались сроком на три года. Учитывая рост цен на недвижимость, у заемщиков оставалась возможность переоценивать кредит, чтобы у них была возможность платить более низкие взносы. То есть, когда цены на недвижимость перестали расти, рынок ипотечных кредитов обрушился очень быстро. Но на этом этапе с кризисом еще можно было бы справиться: финансовая система оправилась бы от потери сотен миллиардов долларов, возникшей из-за разницы в ценах. Это была бы

болезненная, но преодолимая потеря. И тем не менее, кризис, начавшийся только как ипотечный, перерос в другую плоскость – кризис ликвидности. Последний начал «завариваться» в первые месяцы 2007 г., когда начали происходить резкие ценовые изменения в рамках индексов, связанных с этим рынком. Но более очевидным кризис ликвидности стал 9 августа 2007 г., когда Европейскому центральному банку пришлось закачать большие суммы денег в европейские рынки для того, чтобы стабилизировать межбанковские займы. Зимой 2007-2008 гг. центральные банки начали повышать процентные ставки, чтобы снизить инфляционные риски.

Во всем мире, особенно в Европе и США, участники рынка начали переоценивать рискованные активы. Выдача займов институтам, которые воспринимались как очень чувствительные к рискам, продолжалась. Однако хотя ставки межбанковского кредитования упали, следуя за политикой центральных банков, многие финансовые институты очень неохотно кредитовали на длительные сроки. Одновременно, реальный сектор в Америке и Европе начал слабеть, что увеличило давление на слабые банки с кредитными портфелями низкого качества и небольшими резервами. Кризис развивался. Власти начали накачивать рынки ликвидностью даже более энергично, чем они это делали. Методы накачки в США и в Великобритании были разными. В Великобритании банкам предлагали финансовую поддержку, однако они не были обязаны ее принимать, если считали, что могут привлечь капитал на открытом рынке. В США все банки были обязаны принять вливания капитала от Казначейства, хотели они того или нет. Правительство становилось совладельцем банков через покупку или обычных акций, или привилегированных акций с возможностью последующего обмена на обычные. Однако признаком серьезности ситуации стало то, что финансовые рынки, несмотря на массивную интервенцию, не прореагировали. Месячные ставки межбанковского кредитования оставались значительно выше, чем это хотелось бы властям. В западных странах кризис вызвал экономический спад.

Весьма вероятно, что скоро это произойдет и во всех остальных странах. Хотя технически в США и Великобритании рецессия (негативные цифры экономического роста в течение двух кварталов подряд) еще не началась, трудно себе представить, чтобы этого не случилось в самое ближайшее время. МВФ снизил свои прогнозы

роста. В Великобритании быстро растет безработица. Увеличивается число корпоративных банкротств. Резко снизились продажи недвижимости, также как и цены на нее. Ипотека сокращается еще быстрее. Резко снизились продажи автомобилей. Строительство на грани полной остановки. В сложившихся ситуациях страны будут стремиться к уменьшению глобальных рисков национальных экономик, а также к возрастанию национальной суверенизации, обращения к внутренним возможностям, расширению внутреннего спроса. Что же касается Российской Федерации, то в сложившейся ситуации в качестве наследия от первых рыночных реформ мы имеем огромные внутренние дисбалансы между производством и потреблением, покрываемые все возрастающим импортом, оплачиваемым за счет экспорта сырья.

Во всем мире намечается тенденция удорожания продуктов питания. Причин много. Это – рост населения, ограниченность земли и особенно пахотных земель, рост доходов населения, долларовая инфляция, рост цен на нефть, рост уровня издержек, сокращение субсидий в странах ЕС, использование зерна в качестве сырья для изготовления биотоплива. При этом происходит удешевление все более широкого спектра товаров промышленного производства. Но есть также другая тенденция – глобальное удорожание сырья, ресурсов. Значительную роль в этом процессе играет все возрастающий спрос со стороны растущей экономики Китая. Россия как страна, обладающая огромными запасами сырья, всех видов ресурсов, пахотных земель, практически неосвоенных территорий может выйти на определенный уровень самодостаточности и лидерства в мировой экономике, но только в том случае, если проекты на развитие внутреннего рынка и несырьевого экспорта будут активно поддержаны со стороны национальной элиты и государственной бюрократии. Важнейшая задача – развитие экономически отсталых регионов России, села и деревни, фермерства, индивидуального жилищного строительства. Этот вопрос упирается в эффективное использование земельных владений, реальной доступности местных ресурсов для населения, развития региональной банковской системы, восстановление умения людей работать и жить на земле. Самая простая модель для России – развивать и осваивать сельское хозяйство, осваивать свою территорию, приспособлять ее для нормальной, цивилизованной

жизни, строить дороги, жилье, электростанции и т.д. Уже этого вполне достаточно, чтобы создать колоссальный внутренний спрос, обеспечить значительный рост промышленности и доходов населения. Потенциал внутреннего рынка может оказаться не менее привлекательным, чем рынков внешних. И к мировому кризису может быть сформирован «Российский иммунитет». Такая стратегия способна повторить успех СССР, у которого на фоне мировой Великой депрессии был активный экономический рост, а власти США вынуждены были использовать для своей реанимации кейнсианский инструментарий. Аналогичный эффект в виде русского экономического чуда существовал в 1880-1913 гг. когда по темпам экономического роста, составлявшего в среднем около 9 %, Россия занимала одно из ведущих мест в мире.

У России огромные возможности (в случае использования новых технологий) в развитии производства автомобильной промышленности (легковой и грузовой), производства судов, самолетов, вагонов, железнодорожной, сельскохозяйственной техники, причем все это может пойти не только на внутренний рынок, но со временем иметь хороший спрос и на международных рынках. Не менее значителен наш потенциал в области развития новых энергетических технологий, ядерной и термоядерной энергетики, промышленного производства электроэнергии, компьютерной и вычислительной техники, медицины, науки, военной и космической промышленности. Однако следует понимать, что развитие этих отраслей будут невозможно как без мощной поддержки государства, так и консолидации усилий соответствующих рыночных сил. России следует начать активное развитие энергетики, в первую очередь атомной. Согласно программе ее развития на период 2007-2015 гг. в РФ планируется строительство 10 новых энергоблоков общей мощностью не менее 9.8 ГВт. В то же время небольшая Южная Корея планирует построить к 2020 г. также 10 блоков, а сравнимый с нами Китай – 32. Учитывая наши потребности и объем территории, эту программу надо расширять, не забывая об обеспечении надежности и безопасности АЭС. В противном случае все наши супер-планы по развитию могут остаться на бумаге, а растущая экономика столкнется с «веерными» отключениями.

Стране необходимо минимизировать риски, связанные с финансовыми проблемами доллара и экономики США,

диверсифицируя международные резервы соответствующим образом. Но главное, следует строить свою мощную и суверенную финансовую систему, хорошо защищенную от любых рисков глобализации. Однако построение последней может быть базировано исключительно на параллельном развитии мощной внутренней, несырьевой экономики и активного регионального развития. С одной стороны, пока наш фондовый рынок показывает свою зависимость от мировой экономики, от этого некуда не уйти. Существует также проблема привлечения капитала на международных рынках. С другой стороны, экономика России и ее финансовая система имеет значительный запас прочности, поскольку США не является нашим основным торговым партнером.

Активное развитие России обязательно даст огромный позитивный импульс в мировую экономику за счет роста расходов РФ, увеличения инвестиций, создания новых мега-проектов, предложения ресурсов, развития внутреннего спроса населения. И те страны, которые это поймут первыми (например, Европа), будут иметь наибольшие преимущества. Страна действительно могла бы быть «гаванью» для инвестиций, а также еще одним полюсом мировой экономики, со временем способным составить конкуренцию как Китаю, так и США. Прямые иностранные инвестиции в РФ 2007 г. составили около 45 млрд долл., что почти в 1.7 раза выше уровня 2006 г. – 26 млрд.долл. Однако для этого нужно переходить от сырьевой модели к инновационной, предполагающей развитие промышленности и технологий, а также кардинально улучшить инвестиционный климат в первую очередь за счет увеличения степени экономической свободы.

В.В.КРАВЧЕНКО

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ (К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ)

Закреплённое в Конституции РФ положение о социальном характере государства соответствует практике развитых государств. Очевидно, что данный принцип ставит определённые задачи,

требующие соответствующего решения. В основе социального государства лежит защита населения, обеспечение социальных потребностей граждан и, самое важное, это гарантия удовлетворения данных потребностей [1, Ст.7]. Если государство способно решать социальные вопросы, которые обязательно возникают, значит, оно может претендовать на то, чтобы его называли социальным. При этом государство не является единственным институтом, в чьи полномочия входит социальная сфера. Вопросы образования, здравоохранения, науки, культуры, спорта, развития семьи, находятся в сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [1, Ст.72].

Следовательно, государство и его субъекты должны находить пути решения социальных проблем путём совместных усилий. Однако, решение всех социальных вопросов без активного участия самого общества невозможно. В настоящее время широкое распространение получила идея построения гражданского общества. Можем ли мы говорить о наличии гражданского общества, если граждане порой безучастны в решении социальных задач и полагаются лишь на государственную активность в данной сфере? Например, 59% россиян считают, что проблемы социально незащищенных слоев населения должно решать государство [8]. Между тем, существуют разные способы, с помощью которых не только государство, но и общество имеет возможность решать ряд социальных вопросов. Например, государство предоставляет возможность, как организациям, так и гражданам оказывать помощь в виде благотворительности. Это «добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [3, Ст.1]. Мировой опыт показывает привлекательность благотворительности и поддержку благотворителей населением. Например, в США 78% покупателей предпочитают отдавать той продукции, которая связана с благотворительностью; в Великобритании доля таких покупателей, составляет 86%, в Италии — 75%, в Австралии — 73%, в Бельгии — 65% [9]. Направления благотворительной деятельности в нашем государстве разнообразны: социальная поддержка и защита граждан; оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий,

катастроф, конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам; предотвращение социальных, национальных, религиозных конфликтов; содействие укреплению престижа и роли семьи в обществе; содействие образованию, науке, культуре, искусству, просвещению, духовному развитию личности; помощь в профилактике и охране здоровья граждан, содействие в сфере физической культуры, спорта; охрана окружающей природной среды и защита животных; охрана и содержание зданий, объектов и территорий, имеющих историческое, культурное значение [3, Ст.2].

Однако, несмотря на столь широкий перечень возможностей, благотворительность сталкивается с определёнными затруднениями. Например, в вопросе предоставления льгот лицам, занимающимся благотворительностью можно выделить ряд особенностей. Конституция РФ указывает на то, что благотворительность в нашем государстве поощряется [1, Ст.39]. Подтверждение мы видим и в Федеральном законе, устанавливающем правовую основу благотворительности (в ред. от 04.07.2003) - среди государственных гарантий благотворительной деятельности есть указание на возможность предоставлять налоговые льготы участникам благотворительной деятельности [3, Ст.18]. Однако, изменения, внесённые в закон, привели к отмене и данного положения. Налоговый Кодекс РФ также не закрепляет реальных налоговых вычетов компаниям, которые тратят деньги на благотворительные цели. Конечно, это не может способствовать активности благотворительной деятельности, но в этом вопросе можно выделить и другую сторону. Ведь государство в данном случае обеспокоено тем, что под прикрытием налоговых льгот возможна активизация сокрытия доходов, а не искренняя благотворительность, что противоречит самой идее благотворительности. Существует и такая точка зрения, согласно которой при наличии налоговых льгот благотворителем выступает государство, а не организация, выделившая средства, поскольку эти деньги не поступили в бюджет [7].

Очевидно, что направлять существенные суммы денег на оказание помощи тем, кто в этом нуждается, и выплачивать с этих денег налоги могут позволить себе достаточно крупные фирмы. В отличие от организаций, физические лица имеют льготы. Гражданин, перечисливший деньги на благотворительные цели, имеет право на

налоговые вычеты до 25 % от суммы дохода [2, Ст.219]. Но, к сожалению, и такая мера не побуждает население к активной благотворительности. Причины самые разные: незнание возможности уменьшения суммы налоговой выплаты; отсутствие уверенности целевого использования перечисленных средств; недостаток денежных средств.

В настоящее время высказываются самые разные мнения учёных по улучшению активности благотворительной деятельности. Одной из таких мер, может быть, восстановление налоговых льгот для организаций, что, конечно же, должно сопровождаться контролем, чтобы такая мера не служила интересам сокрытия реальных доходов [11]. Активно развивается идея о создании специальных фондов, доходы, от размещения капиталов которых не облагаются налогами и тратятся на некоммерческие проекты [10]. Существуют предложения и о моральном поощрении благотворителей. Одной из форм поощрения является возможность присвоения имён благотворителей учреждениям науки, образования, здравоохранения, социальной защиты, физической культуры и спорта. Такое решение принимается Правительством РФ, если помощь, оказываемая благотворителем, соответствовала бюджетной или превышала её, и осуществлялась не менее 5 лет [4].

Улучшить ситуацию в сфере благотворительности пытаются и регионы. Проводятся конкурсы на звание лучшего благотворителя. Ведётся пропагандистская работа в этом направлении. За детскими домами, школами-интернатами, социальными приютами закрепляются предприятия всех форм собственности, общественные организации с целью оказания шефской помощи [6]. Принимаются законы, устанавливающие правовую основу поддержки благотворителей. Например, Законом Брянской области устанавливаются следующие меры поощрения благотворителей: присвоение почетных званий; награждение Почетной грамотой Брянской области, Почетной грамотой Губернатора Брянской области, Почетной грамотой Брянской областной Думы; награждение благодарностью Губернатора Брянской области; благодарностью Брянской областной Думы и другие меры [5].

Очевидно, культура благотворительности должна проявляться не только среди органов власти, организаций, активным в данном вопросе должно быть и население. Отсутствие финансовых

возможностей не является препятствием для благотворительных целей поскольку, благотворительность это не только денежные средства, но и выполнение работ, предоставление услуг, оказание иной поддержки. Следовательно, в социальном государстве каждый человек может быть благотворителем. Социальное государство характеризуется высоким уровнем развития всего общества. Безусловно, роль государства в решении социальных задач огромна. В тоже время, невозможно достичь высокого уровня «социальности» без активного участия населения. Граждане, в своём стремлении занять высокий социальный статус, не должны забывать, что уровень развития общества не в последнюю очередь зависит от уровня их собственной активности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция РФ 12.12.1993.
2. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 05.08.2000 №117-ФЗ (ред. от 04.12.2007) Ст.219.
3. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11.08.1995 № 135-ФЗ (в ред. от 04.07.2003; от 30.12.2006).
4. Постановление Правительства РФ от 31.01.2007 N 57 «О порядке присвоения имён благотворителей научным и образовательным учреждениям, учреждениям здравоохранения, культуры, социальной защиты, физической культуры и спорта, находящимся в ведении федеральных органов исполнительной власти, а также закреплённым за указанными учреждениями объектам недвижимого имущества».
5. Закон Брянской области от 10.06.2008. № 43-3 «О поддержке благотворительной деятельности в Брянской области»
6. Постановление администрации Брянской области от 31.01.2006 г. № 54 «О мерах по совершенствованию благотворительной деятельности в Брянской области».
7. Благотворительность без льгот // ИА "Альянс Медиа" по материалам "Газеты.ру" // www.technet.ru.
8. Благотворительность в цифрах и фактах // www.caringheart.ru.
9. Долгих, М. Привычка делиться / М.Долгих // www.alconews.ru.
10. Литновская, И. Иностранная благотворительность: проблемы оформления и отчетности / И.Литновская // www.irina.litnovsky@mtu-net.ru.
11. Рошаль за принятие нового закона о благотворительности // www.moscow2000.ru.

К.Е. НЕПОМНЯЩИЙ

К ВОПРОСУ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ ДОСТИЖЕНИЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В настоящее время совершенствование образовательной системы все больше связывают с необходимостью управления качеством образовательных услуг, активной социализацией развивающегося молодого человека. В современных педагогических теориях и методиках разрабатываются разнообразные направления и средства повышения качества образования в целом и качества дисциплинарного обучения в частности. С позиций активного повышения качества современного образования пересматриваются практически все основные компоненты образовательно-педагогического процесса, анализируется их потенциал, а также создаются новые теории, подходы, технологии и методики обучения, одним из основных принципов, проектирования которых является соответствие критерию качества, которое само представляет достаточно сложную систему. Именно поэтому вся педагогическая система, представляющая собой органическое сочетание науки и искусства, начиная с начальных ее звеньев, требует переориентации на решение, в определенной степени, сверхзадачи: подготовки контингента людей с современными объемными знаниями – ключевыми и профессиональными компетенциями, которые позволили бы достаточно быстро и успешно ориентироваться в сложной обстановке, адаптироваться к ней и принимать наиболее эффективные решения в любых, самых неординарных ситуациях.

Сегодня выпускник высшего и среднего профессионального заведения должен продемонстрировать не только хорошие профессиональные знания в избранной им области деятельности и иметь достаточное фундаментальное образование, но и быть способным построить на этом фундаменте новое конкретное знание в соответствии с новыми условиями. Молодой специалист, приступая к профессиональной деятельности, должен не только удовлетворять работодателя своими знаниями и мастерством в целом, но и иметь возможность преподнести новаторские идеи, способные улучшить качество, условия труда, снизить затраты, таким образом давая возможность своему предприятию эффективно функционировать в условиях жесткой конкуренции. Система образования должна

адекватно воспринимать социально сложившиеся условия и требования к специалистам.

Возникает необходимость перехода к новым системам оценивания студентов различных профессиональных учебных заведений при овладении ими специальных профессионально-ориентированных дисциплин. Особенно показательной является ситуация в сфере компьютерных технологий. Специалисты этой сферы являются наиболее востребованными на рынке труда, но требования к уровню их подготовки постоянно растут в следствие гипердинамики развития данной сферы. Компетентностный подход, который реализуется в настоящее время в высшем образовании России, вырабатывает ряд требований к системе контроля успешности формирования профессиональной компетентности будущего специалиста. Эти требования таковы:

- модульное построение дисциплин, то есть выделение в дисциплине набора компетенций формируемых отдельным модулем;

- комплексная рейтинговая оценка студентов: 1) частная (по формированию отдельных компетенций при изучении модулей дисциплин); 2) дисциплинарная (по изучению отдельной специальной дисциплины); 3) ключевая (по факту изучения общих и специальных дисциплин); 4) профессиональная (по изучению профессионально-специализированных дисциплин); 5) итоговая;

- необходимость создавать при обучении типичные и нестандартные ситуации и оценивать результаты решения их студентами (от знаний – к деятельности; от умений – к возможностям переноса их на различные объекты воздействия; от навыков – к осознанности);

- учет личностных характеристик студента, его способностей самостоятельного планирования и эффективной организации деятельности, умения принимать решения и нести ответственность за них;

- интеграция при изучении всех дисциплин (передаваемые студенту знания необходимо постоянно актуализировать в ходе образовательного процесса, систематизировать, укреплять и расширять их, переводя на определенный интегральный уровень понимания);

– комплексное использование разных по виду и принципам построения учебных задач, преимущественно проблемного и поискового характера, нацеленных на самостоятельную деятельность.

Особенно остро проблема подготовки специалистов ставится в области активного использования философского, экологического и социологического знания, поскольку знаниевый уровень современной цивилизации предельно растет и усложняется. Игнорирование подобных процессов вызывает огромные диспропорции и глобальные проблемы современной эволюции общества, природы и человека.

При внедрении предложенных автором принципов оценивания студентов специальности 030500.06 «Профессиональное обучение: информатика, вычислительная техника и компьютерные технологии» при изучении дисциплины «Компьютерная техника» мы столкнулись с рядом трудностей. Студенты морально не готовы к переходу на новую систему оценивания – необходимо больший акцент делать на самостоятельную работу поискового характера, а не на аудиторную, в основном подражательного характера; в результате положительные результаты показывают только 35-45% студентов. Преподавателям и руководству необходимо координировать все формы проведения занятий, учебное расписание, работу специальных кабинетов для проведения тестирования. Необходимо техническое оснащение лабораторий компьютерной и специальной техникой, программным обеспечением, которое соответствовало бы современным требованиям. Высока дифференциация готовности студентов к процессу обучения: налицо различный уровень преподавания информатики в школах городской и сельской местности. Различны возможности студентов к самоподготовке (недостаточное оснащение персональными компьютерами, литературой, возможностью выхода в Интернет).

Перечень трудностей, с которыми сталкиваются образовательные учреждения в переходный период, достаточно велик. Но разрешить их необходимо в краткие сроки: от качества профессионального образования зависит повышение уровня и качества жизни россиян.

Сведения об авторах

Бобровский Антон Евгеньевич – соискатель кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Бышова Ольга Юрьевна – студент Брянского госуниверситета имени И.Г.Петровского (БГУ).

Голенкова Ольга Александровна – аспирант кафедры «Управление качеством, стандартизация и метрология» БГТУ.

Горбачев Владимир Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУ, депутат Брянской областной думы, зам. председателя комитета думы по образованию, науке и массовой информации.

Демиденко Эдуард Семенович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и социологии БГТУ, кафедры философии и культурологии РГУ им. И.Канта (г. Калининград), академик Российской экологической академии и ряда международных, действительный член Международного информационно-экологического парламента, почетный председатель Брянского отделения Российского философского общества (РФО).

Дергачева Елена Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедр «Экономика, организация производства и управление» и «Философия, история и социология» БГТУ, заместитель декана по качеству и инновационной работе факультета экономики и управления БГТУ, ученый секретарь Брянского отделения РФО.

Исаченко Борис Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Кочергина Зинаида Алексеевна – преподаватель кафедры социологии БГУ.

Кошляков Дмитрий Михайлович – аспирант кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Кравченко Владимир Владимирович – преподаватель БГТУ.

Лапченко Наталья Николаевна – аспирант кафедры философии, истории и социологии БГТУ, старший преподаватель БГУ.

Лобеева Вера Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Мельникова Мария Валерьевна – ассистент кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Мирошников Вячеслав Васильевич – доктор технических наук, профессор кафедры «Управление качеством, стандартизация и метрология» БГТУ.

Михалев-Волооков Виталий Михайлович – кандидат философских наук, доцент БГУ.

Моисеева Анна Юрьевна – аспирант кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Непомнящий Константин Евгеньевич – преподаватель БГУ.

Попкова Наталья Владимировна – доктор философских и кандидат технических наук, профессор кафедры философии, истории и социологии БГТУ, председатель Брянского отделения РФО.

Свидерский Александр Александрович – старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянской государственной сельскохозяйственной академии (БГСХА).

Симкина Надежда Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Чувин Сергей Николаевич – аспирант кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Шварова Маргарита Валентиновна – ассистент кафедры философии и культурологии РГУ им. И.Канта (г. Калининград).

Шустов Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и политологии БГСХА.

Шустова Гульсара Ануарбековна – старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии БГСХА.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ В СБОРНИК «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ»

Редколлегия принимает научные статьи по социально-гуманитарным наукам в формате научного сообщения **объемом до 0,5 п.л. (20000 знаков)**. К публикации принимаются **научные статьи по проблематике антропосоциального познания**, включая не только социально-гуманитарные, но и любые другие науки, занимающиеся изучением взаимосвязей человека, общества, техники, техносферы, природы и т.п. Статьи публикуются бесплатно.

Для **авторов из других организаций** материалы должны содержать дополнительное письмо-направление организации и экспертное заключение о возможности опубликования материалов в открытой печати.

Статьи представляются **в одном печатном экземпляре с приложением электронной версии на дискете**. В тексте сначала указывается фамилия автора, затем название статьи. Текст должен быть набран 16 шрифтом Times New Roman с интервалом 1 и концевыми сносками (14 шрифт), составленными **в алфавитном порядке**. Отдельным файлом должны прилагаться **авторские данные** с указанием домашнего и служебного адреса (в том числе телефона и e-mail), места работы, должности, ученой степени и ученого звания.

Все поступающие статьи рецензируются и обсуждаются на редколлегии, которая сообщает авторам о принятом решении.

Адрес редколлегии: 241035 Брянск, бульвар 50-летия Октября, д. 7, Брянский государственный технический университет, кафедра «Философия и история». Тел. (4832) 588-267.

Электронные адреса членов редколлегии:

Дергачева Е.А.: lena_debusi@yahoo.com;

Попкова Н.В.: popkov@tu-bryansk.ru

Информация о сборнике: www.tu-bryansk.ru (сайт БГТУ).

Требования к авторскому оригиналу

- Подготовка электронного варианта рукописи
- Формат бумаги – А4 (210 х 279 мм), ориентация книжная.
- Программа – Word, гарнитура – Times.
- Поля – верхнее и нижнее - 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см.
- Справа – инициалы и фамилия автора (шрифт Arial, жирный, прописные буквы).
- По центру – название статьи (шрифт Arial, жирный, прописные буквы).

- Размер шрифта (кегель) – 16 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер 16).
- Межстрочный интервал – одинарный (Формат – Абзац – Междустрочный – Одинарный).
- Межбуквенный интервал – обычный.
- Абзацный отступ – 1 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ 1).
- Выравнивание текста по ширине (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номера страниц – Внизу – По центру).
- **Переносы обязательны** (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- Квадратные скобки – из латинской клавиатуры (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту (например, «фундаментальные ценности культуры»).
- Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.
- Буква ё/Ё заменяется буквой е/Е, за исключением важных для смысловоразличения контекстов, например: Всем обо всём.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – рубрикационные (заголовки, подзаголовки) и смысловые (термины, значимые положения, логические усиления).
- Основные приемы выделений – шрифтовые (курсив светлый и полужирный, прямой полужирный, мелкий кегль, прописной и строчный) и нешрифтовые (разрядка, отбивка, втяжка).

Ссылки на литературу и примечания

- Ссылки на использованные источники литературы приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например [1, с. 27]. **Список литературы** располагается после текста статьи (шрифт 14), нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Список литературы» (шрифт слов «Список литературы» Arial, жирный, прописные буквы, по центру) и **оформляется в алфавитном порядке**.
- Литература указывается в соответствии с правилами библиографического описания работ.

Информация о деятельности Брянского отделения РФО

1. Дергачева, Е.А. Брянская научно-философская школа социоприродных исследований в 2002-2007 годах / Е.А.Дергачева // Вестник Российского философского общества. – 2007. - №3 (43). – С.17-18.
2. Дергачева, Е.А. Информационное сообщение об отчетно-выборном собрании членов Брянского регионального отделения Российского философского общества / Е.А.Дергачева // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. / под общ. ред. Э.С.Демиденко. – 2007. – Вып. 5. – С.235-238.
3. Дергачева, Е.А. Мероприятия Брянского отделения РФО в 2008 году / Е.А.Дергачева // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. / под общ. ред. Н.В.Попковой. – 2008. – Вып. 6. – С.231.
4. Дергачева, Е.А. Философы – о биосфере, техносфере и глобализации / Е.А.Дергачева // Брянская учительская газета. – 2008. – 12 дек. – С.21.
5. Попкова, Н.В. Философские социоприродные исследования в БГТУ / Н.В.Попкова, Е.А.Дергачева // Вестник Брянского государственного технического университета. – 2008. - №1 (17). – С. 121-129.

СПИСОК ЧЛЕНОВ БРЯНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

1. *Бияк Кирилл Сергеевич*, аспирант
2. *Бобровский Антон Евгеньевич*, соискатель
3. *Бышова Ольга Юрьевна*, студент
4. *Горбачев Владимир Григорьевич*, к.ф.н., доцент
5. *Горин Дмитрий Геннадьевич*, д.ф.н.
6. *Горохов Андрей Владимирович*, аспирант
7. *Демиденко Эдуард Семенович*, д.ф.н., профессор
8. *Дергачева Елена Александровна*, к.ф.н., доцент
9. *Мельникова Мария Валерьевна*, ассистент
10. *Жемоедова Наталья Леонидовна*, аспирант
11. *Золотарев Алексей Вадимович*, к.ф.н., доцент
12. *Исаченко Борис Андреевич*, к.ф.н., доцент
13. *Кошлаков Дмитрий Михайлович*, аспирант
14. *Кочергина Зинаида Алексеевна*, преподаватель
15. *Кравченко Владимир Владимирович*, аспирант
16. *Лапченко Наталья Николаевна*, аспирант
17. *Лобеева Вера Михайловна*, к.ф.н., доцент
18. *Логвиненко Юрий Николаевич*
19. *Мазурова Екатерина Александровна*, аспирант
20. *Мирошников Вячеслав Васильевич*, д.т.н., проф.
21. *Михалев-Волооков Виталий Михайлович*, к.ф.н., доцент
22. *Моисеева Анна Юрьевна*, аспирант
23. *Непомнящий Константин Евгеньевич*, преподаватель
24. *Павлов Юрий Михайлович*, ассистент
25. *Патракова Алла Владимировна*, соискатель
26. *Пашков Виктор Иванович*, аспирант
27. *Подвойский Анатолий Дмитриевич*
28. *Попкова Наталья Владимировна*, д.ф.н., профессор
29. *Свидерский Александр Александрович*, соискатель
30. *Симкина Надежда Николаевна*, к.ф.н., доцент
31. *Скородумов Владимир Михайлович*, соискатель
32. *Степанищев Анатолий Федорович*, д.ф.н., профессор
33. *Стерникова Евгения Алексеевна*, аспирант
34. *Сычева Татьяна Михайловна*, к.ф.н., доцент
35. *Федоров Сергей Валентинович*, студент
36. *Фокин Андрей Юрьевич*, ассистент
37. *Чувин Сергей Николаевич*, преподаватель
38. *Шустов Александр Федорович*, д.ф.н., профессор

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ**

Сборник статей

Вып. 7

Под общей редакцией доктора философских наук
Н.В. Попковой

Редактор *Т.И. Королева*

Компьютерный набор *Е.А. Дергачева*

Темплан 2009 г., п.

Подписано в печать .04.2009 Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ.л. Уч.-изд.л. Тираж 140 экз. Заказ № _____

*Брянский государственный технический университет
241035, г. Брянск, бульвар 50-летия Октября, 7, БГТУ. Тел. (4832) 588-249.
Лаборатория оперативной полиграфии БГТУ, ул. Институтская, 16.*